

Видавництво
художньої
літератури
«Дніпро»
Київ — 1972

ГРИГОРІЙ СКОВОРОДА

ГРИГОРІЙ СКОВОРОДА

ВИБРАНІ ТВОРИ
В ДВОХ ТОМАХ

Упорядкування,
підготовка текстів
та примітки
Б. А. Деркача

Художник
В. Я. Чебаник

13

ФІЛОСОФСЬКИХ
ТВОРІВ

АЗГОВОР

ПЯТИ ПУТНИКОВ

О ИСТИННОМ ЩАСТІИ В ЖИЗНИ

[РАЗГОВОР ДРУЖЕСКІИ О ДУШЕВНОМ МИРЬ]

А ф а н а с і й. Люди в жизни своей трудятся, мятутся, сокровиществуют, а для чего, то многие и сами не знают. Если разсудить, то всѣм человѣческим затѣям, сколько их там тысяч разных ни бывает, выдет один конец — *радость сердца*. Не для оной ли выбираем мы по вкусу нашему друзей, дабы от сообщенія своих им мыслей имѣть удовольствіе; достаем высокіе чины, дабы мнѣніе наше от почтенія других восхищалось; изобрѣтаем разные напитки, кушанья, закуски для услажденія вкусу; изыскиваем разные музыки, сочиняем тѣму концертов, минуетов, танцов и контратанцов для увеселенія слуху; созыдаем хорошіе дома, насаждаем сады, дѣлаем златотканные перчи, матеріи, вышиваем их разными шелками и взору приятными цвѣтами и обвѣшуемся оными, дабы сым здѣлать пріятство глазам и тѣлу нѣжность доставить; составляем благовонные спирты, порош-

ки, помады, духи и оными обоняніе довольствуем. Словом, всѣми способами, какіе только вздумать можем, стараемся веселить дух наш. О, сколь великим весельем довольствуются знатные и достаток имѣющіе в свѣтъ персоны! В их-то домах радостью и удовольствіем растворенной дух живет. О, сколь дорога ты, радость сердечная!

За тебя царіе, князья и богатые нещетные тысячи платят; а мы, бѣднячье, достатков не имущіе, как бы от крупниц, с столов их падающих, питаемся. Разсуди ж тепер, каким триумфом объаты всѣ славные европейскіе города?

Яков. Подлинно великим. Однако я слыхал, что нигдѣ нѣтъ больше забав и веселостей, как в Парижѣ да в Венеціи.

Афанасій. Вѣрно, там их много, а пока их ты нам из Венеціи перевезеш, то помрем здесь от скуки.

Григорій. Перестаньте врать, хорошіе друзья, высокіе чины, веселое мѣсто, различные игры и забавы и всѣ ваши затѣи не сильны обрадовать духа и тѣм выгнать обовладавшую вами скуку.

Яков. А что ж сильно?

Григорій. Одно то, естли узнать, в чем состоит истинное счастье, и приобрѣсть оное.

Афанасій. Правда, мы родились к истинному счастью и путешествуем к нему, а жизнь наша есть путь, как рѣка текущій.

Яков. Я давно уже нищу счастья, да нигдѣ я сыскать его не могу.

Григорій. Ежели вы подлинно сыскать его хотите, то развяжите мнѣ сей вопрос, что есть для человѣка лучшее всего?

Яков. Бог знает, и на что нас спрашивает о том, чего великіе мудрецы усмотрѣть не могли и порознились в своих мнѣніях, как путники в дорогах. Витѣ тое, что лучше всего, то и выше всего, а что выше всего, то всему голова и конец. Сіе главнѣйшее добро названо у древних философов окончаніем всѣх добр и верховнѣйшим добром; кто ж тебе может развязать, что такое есть край и пристанище всѣх наших желаній?

Григорій. Потыше, государь мой! Вы очень завысокосились. Так я вас простѣ спрошу: чего вы себѣ в жизни паче всего желаете?

Яков. Ты будто муравейник палкою покопал — так вдруг сим вопросом взволновал наши желанія.

Афанасій. Я бы желал быть человѣком высокочинным, дабы мои подчиненные были крѣпки, как россияне, а добродѣтельны, как древные римляне; когда б у меня дом был, как в Венеціи, а сад, как во Флоренціи; чтоб быть мнѣ и разумным, и учоным, и благородным, богатым, как бык на шерсть.

Григорій. Что ты врѣш?

Афанасій. Дюжим, как лев, пригожим, как Венера...

Яков. Взошла мнѣ на память Венера, так называемая собачка.

Григорій. Извольте, государь мой, прибавить.

Яков. Хвостатым, как лев, головатым, как медведь, ухатым, как осел...

Григорій. Сумнительно, чтобы могли войти во уши божии столь безтолковые желанія. Ты с твоими затѣями похож на то древо, которое желает в одно время быть и дубом, и кленом, и липою, и березою, и смоквою, и маслиною, и явором, и фиником, и розою, и рудою... солнцем и луною... хвостом и головою... Младенец, на руках матерних сидящій, часто за нож, за огонь хватается, но премилосердная мать наша *природа* лучше знает о том, что нам полезно. Хотя плачем и рвемся, она сосцами своими всѣх нас по благопристойности питает и одѣвает, и сим добрый младенец доволен, а злородное сѣмя беспокоится и других беспокоит. Сколько ж милліонов сих несчастных дѣтей день и ночь воплютъ, ничим не довольны: одно дадут в руки, за новым чем плачут. Нельзя нам быть не несчастливими.

Афанасій. Для чего?

Григорій. Не можем сыскать счастья.

Яков. Зачим?

Григорій. Затѣм, что не желаем и желать не можем.

Афанасій. Почему?

Григорій. Потому что не разумѣем, в чем оно состоит. Голова дѣлу то, чтоб узнать, отсюду родится

желаніе, от желанія иск, потом полученіе; вот и благополучіе, сѣричь полученіе, что для тебя благо. Теперь понимай, что значит *премудрость*.

Яков. Я часто слышу слово сіе: премудрость.

Григорій. Премудрости дѣло в том состоит, чтоб уразумѣть тое, в чем состоит счастье — вот правое крыло, а добродѣтель трудится сыскать. По сей причинѣ она у еллин и римлян мужеством и крѣпостию зовется — вот и лѣвое. Без сих крыл никоим образом нельзя выратся и взлѣтеть к благополучію. Премудрость — как остродалнозрительной орлиной глаз, а добродѣтель — как божественные руки с легкими оленьими ногами. Сіе божественное супружество живо изображено сею басенькою.

Яков. Ты из уст моих вырвал ея. Конечно, она о двух путниках — безногом и слѣпом.

Григорій. Ты, конечно, в мысль мою попал.

Афанасій. Расскажи ж пообстоятельнѣе?

Григорій. Путник, обходя разные земли и государства, лишился ног. Тут пришло ему на мысль возвратится в дом к отцу своему, куда он, опираясь руками, с превеликим трудом продолжал обратной путь свой. Наконец, доплзши до горы, с которой виден уже был ему и дом отца его, лишился совсѣм и рук. Отсель живое око его взирало с веселою жадностию через рѣки, лѣса, стремнины, чрез пирамидных гор верхушки на блистающій издали замок, который был дом отца его и всей мирлюбной фамилии, конец и вѣнец всѣх подорожных трудов. Но то бѣда,

что наш Обсерватор ни рук, ни ног действительных не имѣет, а только мучится, как евангелскій богач, смотря на Лазаря.

Между тѣм, осмотрясь назад, увидѣлъ нечаянно чудное и бѣдственное позорище: бридет слѣпец, прислушивается, ощупывает посохом то вправо, то влѣво, и будто пьян, и з дороги слоняется, подходит ближе, воздыхает. «Исчезоша в суетѣ дніе наши...», «Пути твоя, господи, скажи ми...», «Увы, мнѣ яко пришествіе мое продолжится!..» И протчіе таковыя слова сам себѣ говорит, воздыхая с частым преткновением и падением.

— Боюсь, друг мой, чтоб не спугать тебя; кто ты таков? — спрашивал прозорливый.

— 34-й год путешествія моего, а ты мнѣ на пути сем первой случился, — отвѣчал помраченный. — Странствованіе мое в разных краях свѣта сослало меня в ссылку. Необыкновенный жар солнечных лучей в Аравіи лишил меня очей, и я слѣп уже возвращаюсь к отцу моему.

— А кто твой отец?

— Он живет в нагорном замкѣ, называемом Миргород. Имя ему Ураній, а мое Практик.

— Боже мой, что ты мнѣ говоришь? Я твой родной брат, — вскричал просвѣщенный, — я Обсерватор.

Необыкновенная радость всегда печатлѣется слезами. Послѣ изобилнаго слез изліянія слѣпец с орошенными очами говорил брату своему слѣдующее:

— Сладчайшій брате! По слуху слыхал я о тебѣ, а теперь сердечное око мое видит тебя. Умилосердись, окончай мои бѣдствія, будь мнѣ наставником. Скажу правду, что меня труд веселит, но всеминутное претиканіе всю мою крѣпость уничтожает.

— Жаль мнѣ, — говорил свѣтлоокій, — что не могу тебѣ служить, любезная душа моя. Я путник, обышедшій уже одними ногами мои всю землю, они меня носили вездѣ поспѣшно, но каменистыя в пути встрѣчавшіяся горы лышили меня оных, и я, опираясь руками моими, продолжал путь мой, а на сем мѣстѣ потерял и руки. Болѣе уже ни ходить, ни ползать по землѣ не могу. Многіе желали меня к сему употребить, но, неспособен ползать, не был им полезен...

— За сим дѣло не стало, — сказал слѣпой, — ты мнѣ бремя легкое и любезное: возму тебя, сокровище мое, на себя. Чистое око твое будь вѣчным тѣла моего обладателем и всѣх моих удов головою. Прекрати мучительство началородной тмы, безчеловѣчно меня гонящей по пустым пути его посторонностям; я твой конь, сядь на рамина мои и управляй мною, дражайшій господине и брате!

— Сяду, брате мой, с охотою, дабы доказать нам истинну написаннаго слова божія сего у приточника: «Брат от брата помогаемый есть, яко град тверд и высок, укрѣпляется же, яко основанное царство».

Теперь взгляните на дивное дѣло божее: из двух челоуѣков составлен один, одно путничье лицо здѣ-

лано из двоих сродностей без всякого смѣшенія, но и без раздѣленія взаимно служащих. Идет небывалой путник главнѣйшим путем, ни вправо, ни влѣво не уклоняясь, исправно переходит рѣки, лѣса, рвы и стремнины, проходит стропотные горы, с веселіем поднимается мирнаго на высоту города, обливает его свѣтлый и благовонный воздух, выходит безмятежная толпа миром и любовію дышащих жителей, плещущи руками, ожидая на крылцѣ, и пріемлет в нѣдра блаженнаго объятія сам ветхій деньми Ураній.

Яков. Так что ж тебѣ сказать?

Григорій. Объявите главное ваше желаніе.

Яков. Наше желаніе верховное в том, чтоб быть счастливыми.

Григорій. Гдѣ ж ты выдал звѣря или птицу без сих мыслей? Ты скажи, гдѣ и в чем искомое тобою щастіе? А без сего, родной, ты слѣпец: он ищет отцовскаго замка, да не видит, гдѣ он. Знаю, что ищет щастія, но, не разумѣя, гдѣ оно, падает в несчастіе. Премилосерднѣйшее естество всѣм без выбора душам открыло путь к щастію...

Афанасій. Постой! Сіе слово, кажется, воняет ересью — всѣм без выбору!

Яков. Пожалуй, не мешай, господин православный суевѣр: все-на-все родилось на добрый конец. А добрый конец — разумѣй щастіе. Так можно ли сказать, что не всякому диханію открыла путь всеобщая мати наша натура к щастію?

Афанасій. И твоя натура пахнет идолопоклонством. Лучше сказать: бог открыл, не языческая твоя натура.

Яков. Здравствуй же, олховый богослов! Естли я, называя бога натурою, здѣлался язычником, то ты и сам давно уже преобразился в идолопоклонника.

Афанасій. Чего ради?

Яков. Того ради, что сіе имя (бог) есть языческое названіе.

Афанасій. Пускай и так, но христіанѣ уже здѣлали оное своим.

Яков. Для чего ж ты боишься бога назвать натурою, естли первіе христіанѣ усвоили себѣ языческое названіе сіе (бог)?

Афанасій. Много ты болтать научился.

Яков. Развѣ ты не слыхал никогда, что высочайшее существо свойственнаго себѣ имени не имѣет?

Афанасій. Не имѣет? А что ж за имя ему было у жидов? Какое-то Егова, разумѣш ли?

Яков. Не разумѣю.

Афанасій. Вот то-то оно, что не разумѣш.

Яков. Знаю толко то: у Исай на многих мѣстах написано так: «Аз есм, аз есм, аз есм сый...» Оставь, господин богослов, толкованіе слова для еврейских словотолковников, а сам внимли, что то за такое, что означается тѣм именем (сый). Не велика нужда знать, откуда сіе слово родилось: хлѣб — от хлѣба или от хлопот, а в том толко сила, чтоб узнать, что

чрез тое имя означается. В том-то жизнь состоит временная — естли достать его.

Ермолай. Бог помочь! Что у вас за спор? Я давно прислушиваюсь.

Афанасій. Здравствуй, друг!

Яков. Пожалуй, будь судьейоу нашей ссоры.

Ермолай. Готов. А в чем дѣло?

Яков. Идолопоклонствомъ почитает, естли бога назвать натурою.

Ермолай. В библии богъ именуется: огнемъ, водою, вѣтромъ, желѣзомъ, камнемъ и прочими безчисленными именами. Для чего жъ его не назвать (нату-ра) натурою? Что жъ до моего мнѣнія надлежитъ — нельзя сыскать важнѣе и богу приличнѣе имени, какъ сіе. Натура — есть римское слово, по-нашему приро-да, или естество. Сим словомъ означается все-на-все, что толко родится во всей мира сего машинѣ, а что находится нерожденное, какъ огонь, и все родящееся вообще, называется мир. Для чего...

Афанасій. Постой, все вещественное роди-лось и раждается и самъ господинъ огонь.

Ермолай. Не спорю, друг мой, пускай все вещественное родилось такъ точно. Для чего жъ всю тварь заключающимъ именемъ, то есть натурою, не на-звать того, в коемъ весь миръ с рожденіями своими, какъ прекрасное, цвѣтущее дерево, закрывается в зернѣ своемъ и оттуда жъ является? Сверхъ того, слово сіе — натура — не точію всякое раждаемое и пре-мѣняемое существо значит, но и тайную экономію

той присносущной силы, которая вездѣ имѣетъ свой центр, или среднюю главнѣйшую точку, а околич-ности своей нигдѣ, такъ какъ шар, которымъ она живописью изображается: кто яко то богъ? Она назы-вается натурою потому, что все, наружу происходя-щее, или раждаемое отъ тайныхъ неограниченныхъ ея нѣдр, какъ отъ всеобщей матери чрева, временное свое имѣетъ начало. А понеже сія мати, раждая, ни отъ кого не принимает, но сама собою раждает, назы-вается и отцомъ, и началомъ, ни начала, ни конца не имущимъ, ни отъ мѣста, ни отъ времени не зависящимъ. А изображаютъ ея живописцы колцомъ, перстнемъ или змѣемъ, в коло свитымъ, свой хвостъ своими жъ держа-щимъ зубами.

Сія повсеместная, всемогущія і премудрїя силы дѣйствіе называется тайнымъ закономъ, правле-ніемъ, или царствомъ, по всему матеріалу разлитымъ безконечно и безвременно, сиричъ нельзя о ней спро-сить, когда она началась, — она всегда была, или поколь она будетъ — она всегда будетъ, или до коего мѣста простирается — она всегда вездѣ есть. «На что ты, — говоритъ богъ къ Моисею, — спрашиваешь о имени моемъ, естли можешъ. сквозь матеріальной мракъ прозрѣть тое, что всегда вездѣ было, будетъ и есть, — вотъ мое имя и естество». Имя в естествѣ, а оно в име-ни; одно другаго не рознится, тожъ одно и другое — обоє вѣчное. Кто вѣры окомъ чрезъ мракъ мене видѣтъ, тотъ и имя мое знаетъ, а кто ищетъ о моемъ знаніи имени, тотъ, конечно, не знаетъ мене и мое имя — все то одно;

той присносущной силы, которая вездѣ имѣет свой центр, или среднюю главнѣйшую точку, а околичности своей нигдѣ, так как шар, которым она я живописью изображается: кто яко то бог? Она называется натурою потому, что все, наружу происходящее, или раждаемое от тайных неограниченных ея нѣдр, как от всеобщей матери чрева, временное свое имѣет начало. А понеже сія мати, раждая, ни от кого не принимает, но сама собою раждает, называется и отцом, и началом, ни начала, ни конца не имущим, ни от мѣста, ни от времени не зависящим. А изображают ея живописцы колцом, перстнем или зміем, в коло свитым, свой хвост своими жь держащим зубами.

Сія повсемественная, всемогущія і премудрія силы дѣйствіе называется тайным законом, правленіем, или царством, по всему матеріалу разлитым безконечно и безвременно, сирич нельзя о ней спросить, когда она началась,— она всегда была, или поколь она будет — она всегда будет, или до коего мѣста простирается — она всегда вездѣ есть. «На что ты,— говорит бог к Моисею,— спрашиваешь о имени моем, естли можеш. сквозь матеріальной мрак прозрѣть тое, что всегда вездѣ было, будет и есть,— вот мое имя и естество». Имя в естествѣ, а оно в имени; одно другаго не рознится, тож одно и другое — обое вѣчное. Кто вѣры оком чрез мрак мене видѣт, тот и имя мое знает, а кто ищет о моем знаніи имени, тот, конечно, не знает мене и мое имя — все то одно;

имя мое и я — одно то. Аз есмь тот, что есм. Аз есмь сий. Естли кто знает бога, чем ни есть именует его сердце почитателево, все то дѣйствительно и доброе имя. Нѣтъ ничего, что один знает *ἄρτος*¹, а другій *panis*², только бы в разумѣ не порознились. Мойсей и Исаія именуют его сый. Им подражая, Павел говорил: «Вчера и днесъ той же вовѣки, а богослов другое имя дает: бог — любовь есть». Любовію называет тое, что одинакое и несложное единство вездѣ, всегда, во всем. Любовь и единство — есть то же. Единство частей чуждое есть, посему разрешится ему есть дѣло лишнѣе, а погибнути — совѣм постороннѣе. Иеремѣя зовет мечем, а Павел словом именует живым, но оба то ж разумѣют. Сей меч всю тлѣнь разит, и вся, яко риза, обветшают, а слова закона и царствія его не мимо идут.

Григорій. Долго ли вам спорить? Возвратимся к нашему разговору.

Ермолай. О чем разговор?

Яков. О том, в чем состоит щастіе.

Григорій. Премилосерднѣйшая мать наша натура и отец всякія утѣхи всякому без выбору диханію открыл путь к щастію.

Яков. Доволен ли ты сим мнѣніем?

Афанасій. Теперь доволен.

¹ Хліб (грецьк.).

² Хліб (лат.).

Григорій. Но то бѣда, что не ищемъ знать, в чем оно точно имѣетъ свое поселеніе. Хватаемся и беремъ за то, как за твердое наше основаніе, что однимъ только хорошимъ прикрылось видом. Источникомъ нещастія есть намъ наше безсовѣтіе: оно-то нас плѣняетъ, представляя горкое сладкимъ, а сладкое горкимъ. Но сего б не было, естли бы мы сами с собою посовѣтовали. Поразсудимся, други мои, и справимся, к доброму дѣлу принимается никогда не поздно. Поищемъ, в чемъ твердость наша? Подумаймо, таковая дума есть та самая сладчайшая богу молитва. Скажите мнѣ, что такое для васъ лучше всего? Естли тое сыщете, тогда и найдете и щастіе точное; а то время до него и добратся можно.

Ермолай. Для меня кажется лучше все то, естли быть во всемъ довольнымъ.

Григорій. Скажи яснѣе!

Ермолай. На денги, на землю, на здоровья, на людей и на все, что только ни есть в свѣтѣ.

Яков. Чего ты засмѣялся?

Афанасій. От радости, что случился дурачеству моему товарищ. Сей такъ же быть желаетъ: горбатымъ, какъ верблюдъ; брюхатымъ, какъ китъ; носатымъ, какъ крокодилъ; пригожимъ, какъ хортъ; аппетитнымъ, какъ кабанъ, и прочае.

Григорій. Богословскіе уста, а не богословское сердце. Хорошо ты говоришь о богѣ, а желаешь нелѣпаго. Не погнѣвайся, друг мой, на мое чисто-сердечіе. Представъ себе безчисленное число тѣхъ,

коим никогда не видать изобилія: в образъ болных и престарѣлых приведи на память всѣх нескладным тѣлом рожденных. Неужель ты думаешь, что премилосердная и попечительная мать наша натура затворила им двери къ щастію, здѣлався для них мачехою?.. Ах, пожалуй, не стѣсняй мнѣ премудраго его промысла в узкіе предѣлы, не клевети на всемогущее ея милосердіе. Она для всякаго диханія добра, не для нѣкоторых выборных из одного точію человеческого рода; она рачительнѣйшим своим промыслом все то изготовила, без чего не может совершиться послѣдняго червяка щастіе, а естли чего недостает, то, конечно, лишнаго. Очей не имѣет крот, но что ж ему? Птицы не знают корабельнаго строенія — не надобно, а кому надобно — знает. Лилія не знает фабрику, она и без них красна. Оставь же, друг мой, сіе клеветливое на родную мать нашу прошеніе.

Ермолай. Я не клевету и не подаю на ея челобитной.

Григорій. Ты клеветашь на ея милосердіе.

Ермолай. Сохрани меня бог, я на бога не клевету.

Григорій. Как не клеветашь? Сколько тысяч людей, лишѣнных того, чего ты желаешь?

Ермолай. Без числа, так что же?

Григорій. Удивительный человек! Так бог, по твоему опредѣленію, есть не милосердный?

Ермолай. Для чего?

Григорій. Для того, что затворил им путь къ сему, чего ты желаешь так, как надежной твари щастія.

Ермолай. Так до чего ж мы теперь договорились?

Григорій. До того, что или ты с твоим желаніем глуп, или господь не милосердный.

Ермолай. Не дай бог сего говорить.

Григорій. Почему знаешь, что полученіе твоего желанія тебя ошастливят? Справся, сколько тысяч людей оно погубило? До коих пороков не приводит здравіе с изобиліем? Цѣлыя республики чрез оно пропали. Как же ты изобилія желаешь, как щастія? Щастіе несчастливцами не дѣлает. Не видишь ли и теперь, сколь многих изобиліе, как наводненіе всемирнаго потопа, пожерло, а души их чрезмѣрными затѣями, как мелничныя камни, сами себя снѣдая, без зерна крутятся? Божіе милосердіе, конечно бы, осыпало тебя изобиліем, естли б оно было тебѣ надобное; а теперь выброси из души сіе желаніе, оно совѣм смердит родным свѣтовым квасом...

Ермолай. Называешь мое желаніе квасом?

Григорій. Да еще квасом прескверным, свѣтовым, исполненным червей неусипаемых, день и ночь умерщвляющих душу, и как Соломон скажет: «Вода глубока и чиста — совѣтъ въ сердцѣ мужа», — так и я говорю, что квас прескверный, свѣтовый — желаніе въ сердцѣ твоём. «Дал еси веселіе въ сердцѣ»

моем»,— Давид спѣвает,— а я скажу: взял еси смятеніе в сердцѣ твоём.

Ермолай. Почему желаніе свѣтское?

Григорій. Потому что общее.

Ермолай. Для чего ж оно общее?

Григорій. Потому, что просмердѣлось и вездѣ оно есть. Гдѣ ты мнѣ сыщешь душу, не напоенную квасом сим? Кто не желает чести, сребра, волостей? Вот тебѣ источник ропоту, жалоб, печалей, вражд, тяжб, грабленій, татьбы, всѣх машин, крючков и хитростей. Из сего родника родятся измѣны, бунты, заговоры, похищения скиптров, паденія государств и вся нещастій бездна. «Господи,— говорит Петр святой в «Дѣяніи»,— ничто же скверно вниде во уста моя». На нашем языкѣ скверное, а на еллинском лежит *κοινοβ*, то есть общее — все то одно: общее, свѣтское, скверное. Мирское мнѣніе не есть то в сердцѣ мужа чистая вода, но блато — *κοινοβ*, соепит, свиніям и бѣсам водвореніе. Кто им на сердцѣ толь глубоко напечатлѣл сей кривой путь к щастію? Конечно, отец тми.

Сію тайную мрачнаго царства славу друг от друга приемлюще, заблуждают от славы свѣта божія, ведущаго в истинное щастіе, водими засѣянным мирских похотей духом. Не вникнув в нѣдра сладчайшей истины, а сіе их заблужденіе, сказать Иеремѣнными словами, написано на ногтѣ алмаантовом, на самом рогѣ олтарей их. Откуда проистекают всѣ рѣчи

и дѣло, так что сего началороднаго рукописанія ни стереть, ни вырѣзать, ни раздрать невозможно, естли не постарается сам-о-себѣ вседушно человек с богом, в Павлѣ глаголющим: «Нѣсть наша брань...»

Препояши же, о человек, чресла твоя истинное, вооружись против сего твоего злобнаго мненія. Начто тебѣ засматривается на манеры свѣтовые? Вить ты знаешь, что истина всегда в малолюдном числѣ просвѣщенных божіих человекѣ царствовала и царствует, а мир сей прияти не может. Собери пред себя из всѣх живописцов и архитекторов и узнаешь, что живописная истинна не во многих мѣстах обитае, а самую болшую их толпу посѣло невѣжество и неискство.

Ермолай. Так сам ты скажи, в чем состоит истинное щастіе?

Григорій. Первіе узнай все тое, в чем оно не состоит, а, перешарив пустіе закаулки, скорѣе доберешся туда, гдѣ оно обывает.

Яков. А без свѣчи по темным углам — как ему искать?

Григорій. Вот тебѣ свѣча: премилосерднѣйшій отец наш всѣм открыл путь к щастію. Сим каменем искушай золото и сребро, чистое ли?

Афанасій. А что ж, если кто испытывать не искусен?

Григорій. Вот так испытай! Можно ли всѣм людям быть живописцами и архитекторами?

Афанасій. Никак нѣльзя, вздор нелѣпой.
Григорій. Так не тут же счастье. Видишь, что к сему не всякому путь открыт.

Афанасій. Как не может все тѣло быть оком, так сему не бывает никогда.

Григорій. Можно ли быть всѣм изобильными или чиновными, дужими или пригожими, можно ли поместится во Франціи, можно ли в одном вѣкѣ родится? Нѣльзя никак! Видите, что родное счастье ни в знатном чинѣ, ни в тѣлѣ дарованія, ни в красной странѣ, ни в славном вѣкѣ, ни в высоких науках, ни в богатом изобиліи.

Афанасій. Развѣ ж в знатном чинѣ и в веселой сторонѣ нѣльзя быть счастливым?

Григорій. Ты уже на другую сторону, как нѣмой лях чрез кобылу, перескочил.

Афанасій. Как?

Григорій. Не мог слѣзти без подсаживанія других, потом, в двенадцатой раз усилившись, перевалился на другой бок: «Ну вас к чорту! Передали перцу», — сказал осердясь.

Афанасій. Да не о том спрашую я, о мнѣ спрашую.

Григорій. Ты недавно называл счастьем высокої чин с изобиліем, а тепер совсем отсюду выгониш оное. Я не говорю, что счастливый человек не может отправлять высокога званія, или жить в веселой сторонѣ, или пользоваться изобиліем, а толко говорю, что не по чину, ни по сторонѣ, но по изоби-

лію счастливым есть. Естли в красном домѣ пировное изобиліе пахнет, то причиною тому не углы красные; часто и не в славных пироги живут углах. «Не красен дом углами, — по пословицѣ, — красен пирогами». Можеш ли сказать, что всѣ равнодушни жители и весели во Франціи?

Афанасій. Кто ж на этом подпишется?

Григорій. Но естли б сторона существом или эссенціею счастья была, непременно нѣльзя бы не быть всѣм счастливым. Во всякой статьи есть счастлив ли и несчастлив ли. Не привязал бог счастья ни к временам Авраамовым, ни к предкам Соломоновым, ни к царствованію Давидову, ни к наукам, ни к статьям, ни к природным дарованіям, ни к изобилію: по сей причинѣ не всѣм к нему путь открыл и праведен во всѣх дѣлах своих.

Афанасій. Гдѣ ж счастье искать, естли оно ни тут, ни там, нигдѣ?

Григорій. Я еще младенцем выучил, выслушай басенку. Дѣд и баба здѣлали себѣ хату, да не прорубили ни одного окошка. Не весела хата. Что дѣлать? По долгом размышленіи опредѣлено в сенатѣ итить за свѣтом доставать. Взяли мѣх, разинули его в самой полдень пред солнцем, чтоб набрать, будто борошна, внести в хатку.

Здѣлав нѣсколько раз, ест ли свѣтъ? Смотрят — ничего нѣтъ. Догадалась баба, что свѣтъ, как вино из мѣха, вытекает. Надобно поскорѣ бѣжать с мѣхом. Бѣгучи, на дверях оба сенаторы — один ногою, дру-

гой головою — зашиблись. Зашумѣл между ими спор: «Конечно, ты выстарѣл ум». — «А ты и родилась без него». Хотѣли поход воспріять на чужие горы и грунта за свѣтом; помѣшал им странный монах. Он имѣл отроду лѣтъ только 50, но в сообщеніи свѣта великій был хитрец. «За вашу хлѣб и соль не должно секретной пользы утанть», — сказал монах. По его совѣту старик взял топор, начал прорубывать стѣну с такими словами: «Свѣте веселнѣй, свѣте жизненный, свѣте повсемственный, свѣте присносущный, свѣте нелицепрѣятный, посѣти, и просвѣти, и освѣти храмину мою». Вдруг отворилась стѣна, наполнил храмину сладкій свѣтъ, и от того времени даже до сего дни начали в той странѣ созидать свѣтлыя горницы.

Афанасій. Цѣлый свѣтъ не выдал столько безтолковых, сколько твой дѣд да баба.

Григорій. Он мой и твой вмѣсте, и всѣх...

Афанасій. Пропадай он! Как ему имя?

Григорій. Иш.

Афанасій. Иш, к чорту его.

Григорій. Ты его бѣгаеш, а он с тобою всегда.

Афанасій. Как со мною?

Григорій. Естли не хочеш быть с ним, то будеш самим им.

Афанасій. Вот навязался с своим дѣдом.

Григорій. Что ж нужды в имени, естли ты дѣлом точный Иш.

Афанасій. Поди себѣ прочь с ним.

Ермолай. А бабу как зовут?

Григорій. Мут.

Яков. Мут от Иша не разлучится, сія пара сопряженная.

Григорій. Но не родные ли Иши всѣ мы есьми? Ищем счастья по сторонам, по вѣкам, по статьям, а оно есть вездѣ и всегда с нами, как рыба в водѣ, так мы в нем, а оно около нас ищет самих нас. Нѣтъ его нигдѣ, затѣм что есть вездѣ. Оно же преподобное солнечному сіянію: отвори только вход ему в душу твою. Оно всегда толкает в стѣну твою, ищет прохода — и не сыскивает; а твое сердце темное и невеселое, и тма веру бездны. Скажи, пожалуй, не вздор ли и не сумазбродство ли, что человек печется о драгоцѣннѣйшем вѣнцѣ? А на что? На то, будто в простой шапкѣ нѣльзя наслаждаться тѣм счастливым и всемирным свѣтом, до коего льется сія молитва: «Услыши, о блаженный, вѣчно имѣющій и всевидящее око!» Безумный муж со злою женою выходит вон из дому своего, ищет счастья внѣ себѣ, бродит по разным званіям, достает блистающее имя, обвѣшуется свѣтлым платьем, притягивает разнovidную сволочь золотой монеты и серебрянной посуды, находит друзей и безумья товарищей, чтоб занести в душу луч блаженнаго свѣтила и свѣтлаго блаженства... Ест ли свѣтъ? Смотрят — ничего нѣтъ... Взлянь теперъ на волнующееся море, на многомятежную во всяком вѣкѣ, сторонѣ и статьи толпу людей, так называемую мир, или свѣтъ; чего он не

дѣлает? Воюется, тяжбы водит, коварничит, печется, затѣвает, строит, разоряет, кручится, тѣшит. Не видится ль тебѣ, что Иш и Мут в хатку бѣгут? Ест ли свѣтъ? Смотрят — ничего нѣтъ.

Яков. Блаженный Иш и щастливая Мут; они в кончину дней своих домолилися, чтоб всевидящее, недремлющее, великое всего мира око, свѣтило, храмину их просвѣтило, а прочіим вѣчная мука, мятеж и шатанье.

Лонгин. Дай бог радоваться!

Григорій. О любезная душа! Кой дух научил тебя так витаться? Благодарим тебѣ за сіе поздравленіе.

Яков. Так витались всегда древніе христіанѣ.

Ермолай. Не дивно. Сей витальный образец свойственный Христу господу. Он рожден божіим миром. В мирѣ принес нам, благовѣтствуя, мир, всякъ ум превосходящій. Снисходит к нам с миром. «Мир дому сему», мир вам, учит о мирѣ: «Новую заповѣдь даю вам...» Отходя, мир же оставляет: «Мир мой даю вам, дерзайте! Не бойтесь! Радуйтесь!»

Афанасій. Знаеш ли, о чем между нами разговор?

Лонгин. Я все до точки слышал.

Афанасій. Он под тою яблонею сидѣл, конечно. Отгадал ли я?

Лонгин. Вы не могли видѣть меня за вѣтвями.

Григорій. Скажи, любезный Лонгин, ест ли

бѣднѣе тварь от того человѣка, кой не дознался, что такое лучшее для него и желательнѣе всего?

Лонгин. Я и сам часто удивляюсь, что мы в посторонних околичностях чрезчур любопытны, рачителны и пронциателны: измѣрили море, землю, воздух и небеса и обезпокоили брюхо земное ради металлов, размежевали планеты, доискались в лунѣ гор, рѣк и городов, нашли закомплетных миров нечисленное множество, строим непонятныя машины, засыпаем бездны, воспящаем и привлекаем стремленія воднія, чтоденно новыя опыты и дикія изобрѣтенія.

Боже мой, чего не умѣем, чего мы не можем! Но то горе, что при всем том кажется, что чегось великаго недостает. Нѣтъ того, чего и сказать не умѣем: одно только знаем, что недостает чегось, а что оно такое, не понимаем. Похожи на безсловеснаго младенца: он только плачет, не в силах знать, ни сказать, в чем ему нужда, одну толку досаду чувствует. Сіе явное души нашей неудовольствіе не может ли нам дать догадаться, что всѣ сіи науки не могут мыслей наших насытить? Бездна душевная оными (видишь) наполняется. Пожерли мы бесчисленное множество обращающихся, как на аглинских колокольных часов, с планетами, а планет с горами, морями и городами, да однако ж алчем; не умалывается, а раждается наша жажда.

Математика, медицина, физика, механика, музи-

ка с своими буими сестрами; чем изобилие их вкушаем, тѣмъ пуше палитъ сердце наше голодъ и жажда, а грубая наша остолбенѣлость не можетъ догадаться, что всѣ они суть служанки при госпожѣ и хвостъ при своей головѣ, безъ которой весь тулубъ недействителенъ. И что несытѣе, безпокойнѣе и вреднѣе, какъ человѣческое сердце, сими рабынями безъ своей начальницы вооруженное? Чего жъ оно не дерзаетъ предпринять? Духъ несытости женетъ народъ, способствуетъ, стремится за склонностию, какъ корабль и коляска безъ управителя, безъ совѣта, и предвидѣнія, и удовольствія. Взалкавши, яко пѣс, съ ропотомъ вѣчно глотая прахъ и пепелъ гибнущій, лихвы отчуждены еще отъ ложеснъ, заблудивше отъ чрева, минувъ существованную исту надъ душевною бездною внутрь насъ гремящаго сіе: «Азъ есмь, азъ есмь сій!» А понеже не исправились, в чемъ для нихъ самая нужнѣйшая надобность и что такое есть предѣлъ, черта и край всѣхъ-на-всѣхъ желаній і намѣреній, дабы всѣ свои дѣла приводить къ сему главнѣйшему и надежнѣйшему пункту, затѣмъ пренебрегли и царицу всѣхъ служебныхъ сихъ духовъ или наукъ, отъ земли в землю возвращающихся, минувъ милосердную дверь ея, отверзающую исходъ и вводящую мысли наши отъ низовыхъ подлостей тѣни къ пресвѣтлой и существенной истѣ неувядающаго счастья.

Теперь подумайте, други мои, и скажите, в чемъ состоитъ самонужнѣйшая надобность? Что есть для васъ лучшее и саможелательнѣе всего? Что такое здѣ-

вать васъ можетъ счастливыми? Разсуждайте заблаговременно, выйдите изъ числа безпутныхъ путниковъ, кои и сами не могутъ сказать, куда идутъ и зачѣмъ! Житіе наше есть путь, а исходъ къ счастью не коротенькой...

Афанасій. Я давно бы сказалъ мое желаніе, да не приходитъ мнѣ въ умъ то, что для меня лучшее въ свѣтѣ.

Лонгинъ. Ахъ человѣкъ! Постыдись сего говорить! Если краснѣетъ западъ солнечный, пророчествуемъ, что завтрашній день возсіяетъ чистый, а если зарумянится востокъ — стужа и непогода будетъ сего дня, всѣ говоримъ — и бываетъ такъ. Скажи, пожалуй, если бы житель изъ городовъ, населенныхъ въ Лунѣ, къ намъ на нашъ шаръ земной пришелъ, не удивился бы нашей премудрости, видя, что небесныя знаки толь искусно понимаемъ, и въ то время внѣ себя сталъ бы нашъ лунатикъ, когда бъ узналъ, что мы въ экономіи крошечнаго міра нашего, какъ въ маленькихъ лондонскихъ часахъ, слѣпѣе несмысли и совершенія трудны, ничего не примѣчаемъ и не радимъ о удивительнѣйшей всѣхъ системъ системъ нашего тѣлышка. Скажи, пожалуй, не заслужили бы мы у нашего гостя имени безтолковаго математика, кой твердо разумѣетъ циркуль, окруженіемъ своимъ многіи милліоны миль вмѣщающій, а въ маленькомъ золотомъ колцѣ той же силы и вкусу чувствовать не можетъ? Или безумнаго того книжника далъ бы намъ по самой справедливости титуляцію, кои слова и письмена въ 15 аршинъ разумѣть и читать можетъ, а тое жъ, алфа или омега на маленькой бумажкѣ или

на ногтѣ написанное, совсѣмъ ему непонятно? Конечно, назвалъ бы насъ тою вѣдомою, которая знаетъ, какое кушанье в чужихъ горшкахъ кипитъ, а в своемъ домѣ и слѣпа, и нерадива, и голодна. И чуть ли таковой мудрецъ не из числа техъ женъ, своего дому не бегущихъ, коихъ великій Павелъ называетъ оплазивыми, или волокитами. Я наукъ не хвалю и самое послѣднѣе ремесло хвалю; одно то хулы достойно, что, на ихъ надѣясь, пренебрегаемъ верховнѣйшую науку, до которой всякому вѣку, странѣ и статьи, полу и возрасту для того отворена дверь, что щастіе всѣмъ безъ выбора есть нужное, чего, кромѣ ея, ни о какой наукѣ сказать не можно. И симъ всевысочайшій, вѣками и системами вѣчно владѣющій парламентъ довольно доказавъ, что онъ всегда праведенъ есть и правы суды его.

Я к ѿ в. Конечно, не за то мужъ жену наказываетъ, что в гостяхъ была и пиво пила, сіе дѣло доброе, но за то, что дома не ночевала.

Л о н г и н. Еще намъ не было слышно имя сіе (математика), а наши предки давно уже имѣли построенные храмы Христовой школы. В ней обучается весь родъ человѣческой сроднаго себѣ щастія, и сія-то есть кафтолическая, то есть всеродная, наука. Языческіе кумырницы, или капища, суть то жъ храмы Христова ученія и школы. В нихъ и на нихъ написано было премудрѣйшее и всеблаженнѣйшее слово сіе: *γινώσκει σεαυτον, nosce te ipsum* — «узнай себя». Безъ прекословія то жъ точно у насъ самихъ, вотъ: «Внемли

себѣ, вонми себѣ» (Моисей), «Царствіе божіе внутри васъ есть» (Христосъ), «Вы есте храмъ бога живаго» (Павелъ), «Себе же знающій, премудры суть» (Соломонъ), «Аще не увѣси самую тебе» (Соломонъ), «Законъ твой посреди чрева моего» (Давидъ), «А не вѣруай уже осужденъ есть» (Христосъ).

Но языческія храмы за лицемѣріе неискусныхъ пророковъ, то есть священниковъ, или учителей, совсѣмъ уже попорчены и здѣлалися мерзости запустѣніемъ, в то время когда истинна, будто живая источничая вода, скотскими ногами затаскана и погребена. Сіе случилось и самимъ иудеямъ, у коихъ часто чрезъ долгое время была зарыта истинна за оскудѣніе Исааковыхъ отроковъ, прочищающихъ Авраамовы источники, а на умноженіе самсоновъ и филистимовъ, заброшивающихъ землею воду, скачущую в животъ вѣчный. И такъ сіи фонтаны глубоко были погребены, что (какъ видно изъ библіи) в силу великую могли найти въ храмѣ божіемъ законъ господенъ, то есть узнать себе и обрѣсти силу царствія божія и правды его внутри себе. Да мы и сами теперь гораздо отродились отъ древнихъ христіанскихъ предковъ, предъ коихъ блаженными очима истинна господня отъ земли возведена и сила свѣтлаго воскресенія, отъ гроба воздвигнута, в полномъ своемъ сіяла блистаніи. Но не очень искусно и у насъ теперь обучаютъ; причина сему та, что никто не хочетъ отъ дѣлъ житейскихъ упраздниться и очистить сердце свое, чтобъ могъ вникнуть въ нѣдра сокровенной в святѣйшемъ библейномъ храмѣ

сладчайшей истинны, необходимо для всенародного счастья самонужнейшей. Не слыша Давида: «упразднитеся и разумѣйте...», не слушая Христа: «ищите...», — всѣ науки, все промыслы и все нам милае, неж тое, что единственное нас, потерянных, находит и нам же самих нас возвращает.

Сіе-то есть быть счастливым — узнать, найти себе. Лицемѣры (говорится к нам), лицо небесное подлинно хорошо вы разбирать научились, а для чего не примѣчаете знаков, чтоб вам, как по слѣду, добратся до имѣющей ошастливить вас истинны? Все вы имѣете, кромѣ что вас же самых вы найти не знаете, и умѣете, и не хотите. И подлинно удивленія достойно, что человек за 30 лѣт живет, а примѣтить не мог, что для него лучшее всего и когда с ним наилучше дѣлается. Видно, что он рѣдко бывает дома и не радит: «Ах, Иерусалиме! Аще бы вѣдал еси, яже в миру твоему, но нынѣ скрыся от очей твоих...»

А ф а н а с і й. Для меня, кажется, нѣтъ ничего лучшаго, как получить мирное и спокойное сердце; в то время всего пріятно и сносно.

Я к о в. А я желал бы в души моей имѣть толь твердую крѣпость, дабы ничто ея поколебать и опрокинуть не могло.

Е р м о л а й. А мне дай живую радость и радостную живность — сего сокровища ни за что не промѣняю.

Л о н г и н. Сіи троих вас желанія по существу

своему есть одно. Может ли быть яблонь жива и весела, если корень не здоровый? А здоровый корень есть то крѣпкая душа и мирное сердце. Здоровый корень разсыпает по всѣм вѣтвям влагу и оживляет их, а сердце мирное, жизненною влагою наполненное, печатает слѣды свои по наружностям: «Идет, яко древо, насажденное при исходящих водъ».

Г р и г о р і й. Не утерпѣлъ ты, чтоб не приложить библейскаго алмаза; на ж и сіе: «На водѣ покойнѣ воспита мя».

Л о н г и н. Вот же вам верхушка и цвѣток всего житія вашего, внутренній мир, сердечное веселіе, душевная крѣпость. Сюда исправляйте всѣх ваших дѣл теченіе.

Вот край, гавань и конец. Отрѣзывай все, что либо сей пристани противное. Всякое слово, всякое дѣло к сему концу да способствует. Сей край да будет всѣм мыслям и всѣм твоим желаніям. Коль многіе по тѣлу здоровы, сыты, одѣты и спокойны, но я не сей мир хвалю — сей мир мирской, он всѣм знатен и всѣх обманывает. Вот мир! — в упокоеніе мыслей, обрадованіе сердца, оживотвореніе души. Вот мир! Вот счастья нѣдро! Сей-то мир отворяет мыслям твоим храм покоя, одѣвает душу твою одеждою веселія, насыщает пшенична мука и утверждает сердце. «О мирѣ! — вопіет Григорій Богослов. — Ты божій, а бог твой».

А ф а н а с і й. О нем-то, думаю, говорит Павел: «Мир божій да водворяется в сердцах ваших».

Лонгин. Да.

Афанасій. Его-то благовѣствуют красны ноги апостолскіи и чистіи ноги.

Лонгин. Да.

Афанасій. Его-то, умирая, оставляет учеником своим Христос?

Лонгин. Да.

Афанасій. А как его оставил им, так на землѣ совѣм отдѣлался?

Лонгин. Совѣм.

Афанасій. Да можно ль всѣм достать его?

Лонгин. Можно всѣм.

Афанасій. Гдѣ ж его можно достать?

Лонгин. Вездѣ.

Афанасій. Когда?

Лонгин. Всегда.

Афанасій. Для чего ж не всѣ имѣют?

Лонгин. Для того, что имѣть не желают!

Афанасій. Если можно всѣм его достать, почему ж Павел называет всяк ум или понятіе превосходящим?

Лонгин. Потому что никто не удостоивает принять его в разсужденіе и подумать о нем. Без охоты все тяжело, и самое легкое. Если всѣ сыновя отца оставили и, бросив дом, отдалися в математику, в навигацію, в физику, можно справедливо сказать, что таковым головам и в мысль не приходит хлѣбопашество. Однако землѣделство десятеро лучше тѣх крученных наук, потому что для всѣх нужныя. Сей

мир, будто неоцѣненное сокровище, в дому нашем внутрѣ нас самых зарыто. Можно сказать, что оно бродягам и бездомкам на ум не всходит, расточившим сердце свое по пустым посторонностям. Однако оно далеко сыскать легче, нежели гониться и собирать пустошь по околицам. Развѣ ты не слыхал, что сынове вѣка сего мудрея, нежели сыны дне?

Афанасій. Так что ж?

Лонгин. Так то ж, что хотя они и дураки, да сыскивают свое.

Афанасій. Что ж далѣе?

Лонгин. То далѣе, что оно не трудно, когда добріе люди хоть непрворны и лѣнны, однако находят.

Афанасій. Для чего молодые люди не имѣют мира, хотя они остры?

Лонгин. Для того, что не могут и подумать о нем, поколь не обманутся.

Афанасій. Как?

Лонгин. Кого ж скоряе можно отвесь от дому, как молодых? Если целой город ложно закричит: «Вот непріятель, вот уже под городом!» — не бросится ли молодой дитина в очерета, в луга, в пустыни? Видиш, в чем вся трудность? Ему не тяжело дома покоится, да сводят с ума люди и загонят в безпокойство.

Афанасій. Как сіи люди зовутся?

Лонгин. Мир, свѣт, манѣр. В то время послушает ли тот молокосос одного добраго человѣка?

Афанасій. Пускай цѣлой день кричит, что лож,— не повѣрит. А как сей добрый человекъ называется?

Лонгин. Тот, что не идет на совѣт нечестивых...

Афанасій. Как ему имя?

Лонгин. Христос, евангеліе, библия. Сей один ходит без порока: не льстит языком своим ближним своим, а послѣдователям и друзьям своим вот что дарует: «Мир мой оставляю вам...», «Мир мой даю вам...», «Не яко же мир дает...».

Яков. Не о сем ли мире Сирахов сын говорит сіе: «Веселіе сердца — живот человеку и радование мужа — долгоденствіе».

Лонгин. Всѣ в библии приятные имена, например: свѣт, радость, веселіе, живот, воскресеніе, путь, обѣщаніе, рай, сладость и пр.— всѣ тѣ означают сей блаженный мир. Павел же его (слишь) чем именует: «И бог мира будет с вами». И опять: «Христос, иже есть мир ваш...»

Яков. Он его и богом называет?

Лонгин. Конечно. Се-то тая прекрасная дуга, умирившая дни Ноевы.

Яков. Чудеса говориш. Для чего ж сей чудесный мир называется богом?

Лонгин. Для того, что он все кончит, сам безконечный, а безконечный конец, безначальное начало и бог — все одно.

Яков. Для чего называется свѣтом?

Лонгин. Для того, что ни в одном сердцѣ не

бывает, развѣ в просвѣщенном. Он всегда вмѣстѣ с незаходимым свѣтом, буди то сіяніе его. А гдѣ в душѣ свѣта сего нѣтъ, там радости живота, веселія и утѣхи нѣтъ, но тма, страх, мятеж, горесть, смерть, геенна.

Яков. И странное, и сладкое, и страшное говориш.

Лонгин. Так скажи ты, что лучше всего? Я тебе послушаю.

Афанасій. Слушай, брат!

Лонгин. А что?

Афанасій. Поэтому сіи Павловы слова — «сила божія с нами» — сей же мир означают?

Лонгин. Думаю.

Афанасій. Так видно, что ошибся Григорій: он пред сим сказал, что добродѣтель трудится сыскать щастіе, назвал ея по-еллинскому и римскому крѣпостію и мужеством, но когда крѣпость означает мир, то она сама и щастьем есть. На что ж ее искать и чего? Вѣдь крѣпость и сила — все то одно?

Лонгин. Вот какое лукавство! Когда б ты был столь в сысканіи мира хитр, сколь проворный в посмѣхѣ и в примѣчаніи чужих ошибок! Сим ты доказал, что сынове вѣка сего злаго мудрѣ сынов божіею свѣта. Не знаешь ли ты, что и самой щастія истиннаго иск есть то шествіе путем божіим и путем мира, имѣющим свои многія степени? И не начало ли сіе есть истиннаго щастія, а чтобы находится на пути мирном? Не вдруг восходим на всеблаженнѣй-

шіи верх горы, именуемой Фазга, гдѣ великій Моисей умре с сею надписью: «Не отемнѣте очи его, ни истлѣста уста его». Незаходимый свѣтъ, темную мысль наших бездну просвѣщающій на то, чтоб усмотрѣть нам, гдѣ высокій и твердый мир наш обьтает, он же сам и побуждает сердце наше к восходу на гору мира. Для чего ж не зватися ему миром и мира имущею крѣпостью, естли он показывает, гдѣ мир, и побуждает к нему, находясь сам всему благу началом и источником? Кто не ищет мира, видно, что не понимает безцѣнной цѣны его, а *усмотрѣть* и горячо *искать* его обь сїи суть лучи блаженнаго правды солнца, как два крыла святаго духа.

Григорій. Перестаньте, други мои, спорить: мы здесь собрались не для хвастливых любопрѣній, но ради соединенія желаній наших сердечных, дабы чрез сопряженіе исправнѣе устремлялись, как благоуханный дым, к наставляющему заблуждающих на путь мира. Поощряет к сему всѣх нас сам Павел, вот: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, о всем благодарите». Велит всегда питать внутрѣ мир и радость сердечную и будто в горящую лампаду елей подливать. И сїе-то значит — непрестанно молитесь, то есть желайте его вседушно, ищите — и обрящете. Я знаю, что клеветник всегда беспокоит душу вашу, дабы вам роптать и ничем, от бога посылаемым, не довольствоваться, но вы лукаваго сего искусителя, то есть мучителя, отгоняйте, любя, ища и храня мир и радость. Сей день жизни и здоровья душ ваших:

потоль вы и живы, поколь его храните в сердцах своих. О всем зрѣлым разумом разсуждайте, не слушающая шипотника дьявола, и уразумѣете, что вся экономія божія во всей вселенной исправна, добра и всем нам всеполезна есть. Его именем и властію все-на-все на небеси и на земли дѣлается; говорите с разумом: «Да святится имя твое, да будет воля твоя...» И избавит вас от лукаваго. А как только здѣлаетесь за все благодарны, то вдруг сбудутся на вас сїи слова: «Веселіе сердца — живот чловѣку».

Афанасій. Кажется, всегда бы был спокоен чловѣк, естли бы в свѣтѣ все по его волѣ дѣлалось.

Лонгин. Сохрани бог!

Афанасій. Для чего?

Григорій. А что ж, естли твой разум и воля подобны стариковой кошкѣ?

Афанасій. Что сїе значит?

Григорій. Старик запалил пѣч, упрямая кошечка не вылѣзает с печи. Старик вытащил ее и плетью выхлїостал.

Афанасій. Я бы старался, чтоб моя воля была согласна самим искуснѣйшим головам в свѣтѣ.

Григорій. А ис котораго — лондонскаго или парижскаго — выбрал бы ты тѣх людей парламента? Но знай, что хотя бы ты к сему взял судіею самаго того короля, кой осуждал премудрѣйшую мать нашу натуру за распоряженіе небесных кругов, то бог и время и его мудрѣе. На что ж тебѣ лучшаго судїи искать? Положись на его и здѣлай его волю святую

своею волею. Если ее принимаешь, то уже стала и твоя. Согласие воли есть то единая душа и единое сердце; и что же лучше, как дружба с высочайшим? В то время все по твоей да еще премудрой волѣ дѣлается. И сие-то есть быть во всем довольным. Сего-то желает и наш Ермолай, да не разумѣл, что значит быть во всем довольным. Видите, что Павлово слово — «о всем благодарите» — источником есть совершеннаго мира, и радости, и счастья. Что может потревожить мое сердце? Дѣйствительно все дѣлается по волѣ божіей, но и я ей согласен, и она уже моя воля. Зачем же тревожится? Если что невозможное, то, конечно, и бесполезное: все то одно. Чем что полезнѣе, тѣм статочнѣе. Други мои, вот премудрость: если исполняем, что говорим: «Да будет воля твоя...»

Ермолай. Вспомнились мнѣ нѣкоего мудреца хорошия слова: «Благодареніе возсылаю блаженной натурѣ за то, что она все нужное легко добыточным дѣлала, а чего достать трудно, тое ненужным и мало полезным».

Григорій. Благодареніе отцу нашему небесному за то, что открыл очи наши. Теперь разумѣем, в чем состоит наше истинное счастье. Оно живет во внутреннем сердца нашего мирѣ, а мир в согласіи с богом. Чем кто согласнѣе — и блаженнѣе. Тѣлесное здравіе не иное что есть, как равновѣсіе и согласіе огня, воды, воздуха и земли, а умирение бунтующих

ея мыслей есть здравіе души и живот вѣчный. Если кто согласія с богом 3 золотника токмо имѣет, тогда не больше в нем и мира, а когда кто 50 или 100, то столько же в сердцѣ его и мира. Сколько уступила тѣнь, столько наступил свѣтъ. Блаженны, кои день от дня выше поднимаются на гору пресвѣтлейшаго сего *Мира-города*. Сіи-то пойдут от силы в силу, дондеже явится бог богов в Сіонѣ. Восход сей и исход Израилев не ногами, но мыслями совершается. Вот Давид: «Восхожденіе в сердцѣ своем положи. Душа наша преиде воду непостоянную». Вот и Исаія: «С веселіем изидите», — то есть с радостію научитесь оставить ложная мненія, а перейтить к таковым: «Помишленіям его в род и род». Се-то есть пасха, или переход во Иерусалим, разумѣй, в город мира и в крѣпость его Сіон. Соберитесь, други мои, взыйдем на гору господню, в дом бога Иаковля, да скажем там: «Сердце мое и плоть моя возрадовастася о бозѣ живѣ».

Яков. Ах, гора божественная! Когда б мы знали, как на тебя восходить!

Лонгин. Слушай Исаію: «С веселіем изидите».

Афанасій. Но гдѣ мнѣ взять веселія? И что есть оно?

Лонгин. «Страх господень возвеселит сердце». Вот тебѣ вождь. Вот ангел великаго совѣта. Развѣ ты не слыхал, что бог Моисею говорит?

Афанасій. А что?

Лонгин. «Пошлю страх, ведущій тя... Се аз пошлю ангела моего; вонми себѣ и послушай его, не обинется бо, яко имя моя на нем есть».

Ермолай. Скажи, друг мой, яснѣе, как должно восходить?

Григорій. Прошу покорно выслушать слѣдующую басню.

Пять путников за предводительством своего ангела-хранителя пришли в царство мира и любви. Царь сея земли Мелхиседек никоего сродства не имѣет с посторонними царями. Ничего там тлѣннаго нет, но все вѣчное и любезное даже до послѣднего волоса, а законы совсѣм противны тиранским. Дуга, прекрасная сіяніем, была предѣлом и границею благословенной сей страны, с сею надписью: «Мир первородный»; к сему миру касается все тое, что свидѣтельствуется в с. писаніи о земли обѣтованной. А около его как было, так и казалось все тмою. Как только пришелцы приступили к сіяющей дугѣ, вышли к ним навстрѣчу великим множеством безсмертные жители. Скинули с них все ветхое — как платья, так и тѣло, будто одежду, а одѣли в новое тѣло и одежды, вышитіе золотыми сими словами: «Внемли себѣ крѣпцѣ».

Вдруг согласная зашумѣла музыка. Один хор пѣл: «Отверзите врата вѣчная...» Поднялися врата; повели гостей к тѣм обителям, о коих Давид: «Коль возлюбленна селенія твоя...» Там особливым согла-

сіем пѣли хоры слѣдующіе: «Коль красны домы твои, Иакове, и кущи твоя, Израилю, яже водрузи господь, а не человекъ». Съли странники у безсмертной трапези; предложены ангелскіе хлѣбы, представлено вино новое, совершенный и единоклѣтный агнец, трилѣтняя юница, и коза, и тот телец, коим Авраам потчивал всевождедѣннаго своего троелічнаго гостя, голубы и горлицы, и магна — и все, касающееся до обѣда, о коем писано: «Блажен, иже снѣсть обѣд...»

Однак во всѣх веселіях гости были не веселы: тайная нѣкая горестъ сердца их угризала. «Не бойтеса, любезные наши гости, — говорили блаженные граждане, — сіе случается сюда всѣм, внов пришедшим. На них должно исполнить сіе божественное писаніе: «Шестижды от бѣд измет тя, в седмѣм же не коснет ти ся зло». Потом отведены были к самому царю. «Я прежде прошенія вашего знаю ваши жалобы, — сказал царь мира, — в монх предѣлах нѣтъ ни болѣзни, ни печали, ни воздыханія. Вы сами горестъ сію занесли сюда из посторонних, языческих, враждебных моей землѣ земель».

Потом велѣл их ангелам своим отвести во врачебный дом. Тут они, чрез цѣлые шесть дней принимая рвотное, в седмій день совершенно успокоились от всѣх болѣзней своих, а вмѣсто горести на одном сердцѣ написано было сіе: «Да будет воля твоя»; на другом: «Праведен еси, господи, и правы суды

твои»; на третьем: «Вѣрова Авраам богу...»; на четвертом: «Благословлю господу на всякое время...»; на пятом: «О всем благодарите...»

В то время вся вселенная, с несказанным веселием и согласием плещуща руками, воскликнула сию Исаину пѣснь: «И будет бог твой с тобою присно, и насытишься, яко же желает душа твоя, и кости твоя утучнѣют и будут яко вертоград напоенный и яко же источник, ему же не оскудѣ вода, и кости твои прозябнут, яко трава, и разбогатѣют, и наслѣдят роды родов». Сію пѣснь всѣ до единого жители толь сладко и громко запѣли, что и в сем мирѣ сердечное ухо мое слышит ее.

Афанасій. Знаю, куда говориш. А кое рвотное лѣкарство принимали они?

Григорій. Спирт.

Афанасій. Как сей спирт зовется?

Григорій. *Евхаристія.*

Афанасій. Гдѣ ж нам взять его?

Григорій. Бедняче! Доселѣ не знаешь, что царский лечебный дом есть святѣйшая библия. Там аптека, там болница горняя и ангелы, а внутрь тебе сам архіатор. В сію-то больничную горницу иерихонскаго несчастливца привозит челоуѣколюбивый самарянин. В сем одном домѣ можешь сыскать лечебство для искорененія сердца твоего ядовитых и мучительных непріятелей, о коих написано: «Враги челоуѣку домашни его». Враги твои суть собственные твои мнѣнія, воцарившіеся в сердцѣ твоём и все-

минутно оное мучащій, шепотники, клеветники и противники божіе, хулящій непрестанно владычное в мирѣ управленіе и древнѣйшіи законы обновить покушающіеся, сами себе во тмѣ и согласников своих вѣчно мучащій, видя, что правленіе природы во всем не по бѣсноватым их желаніям, ни по омраченными понятіям, но по высочайшим отца нашего совѣтам вчера, и днесъ, и вовѣки свято продолжается. Сіи-то неразумѣюще хулят распоряженіе кругов небесных, оуждают качество земель, порочат изваяніе премудрой божіей десницы в звѣрях, древах, горах, рѣках и травах; ничѣм не довольны; по их несчастному и смѣшному понятію, не надобно в мирѣ ни ночи, ни зимы, ни старости, ни труда, ни голоду, ни жажды, ни болѣзней, а паче всего смерти. К чему она? Ах, бѣдное наше знаніице и понятіице. Думаю, не хуже бы мы управили машиною мирскою, как незаконно воспитанный сын отческим домом. Откуда сіи бѣсы вселились в сердца наши? Не легіон ли ихъ в нас? Но мы сами занесли сію началородную тму с собою, родившись с нею.

Афанасій. Почему ты мнѣнія называешь бѣсами?

Григорій. А как же их назовеш?

Афанасій. Я не знаю.

Григорій. Так я знаю! Бѣс еллинским языком называется *δαίμονιον*.

Афанасій. Так что ж?

Григорій. То, что *δαίμονιον* значит знаніице,

или разумѣнцо, а *δαίμων* — знающій, или разумющій. Так прошу простить, что маленьким бѣскам отдал я фамилию великаго бѣса.

Лонгин. Неграмотный Марко, — выслушайте басенку, — добрался до рая. Вышел Петр святой с ключами и, отверзая ему райскія двери, спрашует: «Учился ли ты священных языков?» — «Никак», — отвѣчал простак. «Был ли в академіях?» — «Никогда, отче святой». — «Чол ли древних богословов книги?» — «Не чол: я аза в глаза не знаю». — «Кто ж тебе исправил на путь мира?» — «Мене исправили три регулки»¹. — «Кии три регулки?» — «А вот они: 1-я сія: «Все то доброе, что опредѣлено и святым людям», 2-я: «Все то невелико, что получают и беззаконники», 3-я: «Чего себѣ не хочеш, другому не желай». 1-я и 2-я — домашнія, и я сам их надумал, а 3-я есть апостолскій закон, для всѣх языков данный. 1-я родила во мнѣ Иовле терпѣніе и благодарность; 2-я дарила свободою всѣх мирских вожделин; 3-я примирила меня со внутренним моим господином».

Апостол, взглянув на его просвѣщенным, яко солнце, лицом, сказал: «О благословенная и благодарная душа! Внйди во обитель отца твоего небеснаго и веселись вѣчно; мало ты кушал, а много сът».

Яков. Не разум от книг, но книги от разума родились. Кто чистыми розмышленіями в истинѣ

¹ Правила (лат.).

очистил свой разум, тот подобен рачительному хозяину, источник чистой воды живой в домѣ своем вырывшему, как написано: «Вода глубока — совѣт в сердцѣ мужа. Сыне, пей воды от твоих сосудов». В то время, немножко с книг откушав, может много ползоваться, как написано об облистанном с небесе Павлѣ: «И приѣм пищу, укрѣпись». Таков-то есть и сей Марко; он из числа посвящаемых богу скотов, жваніе отрыгающих. «Святн их во истиннѣ твоей...» Мало кушал, много жевал и из маленькой суммы или искры размножил пламень, вселенную объмлющій. Не много ли мы его больше знаем? Сколько мы набросали в наш желудок священных слов? А кая полза? Только засорили. Ах, бѣдная ты жена кровоточивая, с слабым желудком! Вот чего надѣлали вредныя мокроты, змием апокалиптичным изблеванныя, от которых Соломон сына своего отвлекает: «От чуждых же источников да не пнеши».

Как же можно таковому, горких вод исполненному, сердцу вмѣстить мир божій — здравіе, радованіе, жизнь душевную? Сищим прежде вѣнутри нас искру истинны божіей, а она, облистав нашу тму, пошлет нас к священным вод библейских Силоам, до которых зовет пророк: «Измійтесь, отъимите лукавствіе от душ ваших». Вот тебѣ рвотное! Не житіе ли наше есть брань? Но со змѣиными ли мнѣніями нам нужно боротся? Не если та Павлова благороднѣйшая баталія, о коей: «Нѣсть наша брань к плоти и крови...» Мнѣніе и совѣт есть сѣмя и начало. Сія глава гнѣз-

дится в сердце. Что ж, если сия глава змѣина? Если сіе сѣмя и царство злое? Какова мира надѣятся в сердце от тирана: он человекуюбійца, ископы наблюдает, стережет, любит и владѣет тмою.

И если таковое горкое мнѣній море наполнило сердце и пожерла злая глубина душу, то коего там надѣятся свѣта, гдѣ горей тма? Коего веселія и сладости, гдѣ нѣсть свѣта? Коего мира, гдѣ нѣсть жизни и веселія? Кая жизнь и мир, если нѣсть бога? Что за бог, если нѣсть духа истинны и духа владычія? Кій дух истинны, если не мысли невещественныя и сердце чистое? Что за чистое, если не вѣчное, как написано: «Помышленія его в род и род»? Как же вѣчное, если на вещество засмотрѣлось? Как же не засмотрѣлось, если почитает оно? Как же не почитает, если надѣется на оно? Как же не надѣется, если тужит о разрешеніи праха? Не се ли есть имѣть таковое сердце: «Увѣжд, яко попел, сердце их, и прельщаются, и ни един возможет избавить душу свою»? Не се ли есть грѣхопаденіе и заблужденіе от бога в сторону праха идолочестія? Не се ли есть глава змѣина, о коей писано: «Той сотрет твою главу»? Слушай, Ермолай! Вот как должно восходить на гору мира: принимай рвотное, очищай сердце, выблюй застарѣлыя мнѣнія и не возвращайся на блевотину. Пій чистую воду, новых совѣтов воду по вся дни.

Се-то есть переходить от подлости на гору, от горести в сладость, от смерти в живот, от свинных

луж к горним источникам еленьим и сайсачным. Пей потоль, поколь рѣки от чрева твоего потекут воды живой, утоляющей несчастнѣйшую жажду, то есть несытость, неудовольствіе — зависть, вожделѣніе, скуку, ропот, тоску, страх, горесть, раскаяніе и протчія бѣсовских голов жала, душу всѣ купно умерщвляющія. Пей потоль, поколь запоеш: «Душа наша, яко птица, избавися... преиде воду непостоянную», «Благословен господь, иже не даде нас в ловитву зубам их»; поколь утѣшишся со Аввакумом, поя: «Вложил еси в главы беззаконныхъ смерть, аз же о господѣ возрадоуюся, возвеселюся о бозѣ, спасѣ моемъ», поя со Анною: «Утвердися, сердце мое, о господѣ...», поя с Давидом: «Знаменася на нас свѣтъ лица твоего».

Пресилный и прехитрый есть непріятель застарѣлое мнѣніе. Трудно (по евангелію) сего крѣпкаго связати и расхитити сосуды его, когда раз он в сердце возродился. Но что сладчае сеце труда, возвращающаго безцѣнный покой в сердце наше? Борисящающаго безцѣнный покой по единому из нутра, день от дня и выгоняй хотя по единому из нутра, поднимайся час от часу на гору храбро, величаясь с Давидом: «Не возвращуся, дондеже скончаются...» Се-то есть преславнѣйшая сѣчь содомо-гоморская, от которой божественный побѣдитель Авраамъ возвращается.

Григорій. Живые проживаимо, други мои, жизнь нашу, да протѣкают безумныя дни наши и минуты. О всемъ нужномъ для теченія дней нашихъ

промыслимо, но первѣйшее попеченіе наше пусть будет о мирѣ душевном, сирѣчь о жизни, здравіи и спасеніи ея. Что нам ползы приобрѣсть цѣлой вселенной владѣніе, а душу потѣрять? Что ты в мирѣ сыщешь толь дорогое и полезное, что б замѣнять отважился за душу твою? Ах, опасно ступаемо, чтоб попасть нам внѣйти в покой божій в праздник господень, по крайнѣйшей мѣрѣ в субботу, естли не в преблагословенную суббот субботу и в праздников праздник.

Да получив шабас, хотя от половины горестнѣйших трудов уволнить возможем, естли не осла нашего, то душу нашу, и достигнем, естли не в лѣто господнее пріятное в седмижды седьмой или в пятидесятый с апостолами год, когда всеобщее людям и скотам уволненіе бывает, то хотя нѣсколько освободимо бѣдную душу от тѣх трудов: «Доколѣ положу совѣты в душѣ моей, болѣзни в сердцѣ моем». Глава в человѣкѣ всему — сердце человѣческое. Оно-то есть самый точный в человѣкѣ человѣкъ, а прочее все околица, как учит Иеремѣя: «Глубоко сердце человѣку (паче всѣх) и человѣкъ есть, и кто познает его?» Внемли, пожалуй, глубоко сердце — человѣкъ-есть... А что ж есть сердце, естли не душа? Что есть душа, естли не бездѣйственная мыслей бездна? Что есть мысль, естли не корень, сѣмя и зерно всей нашей крайнѣй плоти, крови, кожи и прочей наружности? Видишь, что человѣкъ, мир сердечный погубившій, погубил свою главу и свой корень.

И не точный ли он орѣх, снѣденный по зерну своему червями, ничего силы, кромѣ околицы, не имѣющей. До сих-то бѣдняков господь с толиким сожалѣніем у Исаи говорит: «Приступите ко мнѣ, погубившіе сердце, сущіи далече от правды...». «Мысль есть тайная в телѣсной нашей машинѣ пружина, глава и начало всего движенія ея, а головѣ сей вся членов наружность, как обузданный скот, послѣдует, а как пламень и рѣка, так мысль никогда не поживает. Непрерывное стремленіе ея есть то желаніе. Огонь угасает, рѣка останавливает, а невещественная и безстихійная мысль, носящая на себѣ грубую брэнность, как ризу мертвую, движеніе свое прекратить (хотя она в тѣлѣ, хоть внѣ тѣла) никак не сродна ни на одно мгновеніе и продолжает равномолийное свое летанья стремленіе чрез неограниченные вѣчности, миліоны безконечныи».

Зачѣм же она стремится? Ищет своей сладости и покоя; покой же ея не в том, чтоб остановится и протягнутся, как мертвое тѣло, — живой ее натурѣ, или природѣ, сіе не сродно и чуждо — но противное сему: она, будто во странствіи находясь, ищет по мертвым стихіям своего сродства и, подлыми забавами не угасив, но пуще распалив свою жажду, тѣм стремителнѣе от растлѣнной вещественной природы возносится к вышней господственной натурѣ, к родному своему и безначальному началу, дабы, сіяніем его и огнем тайнаго зрѣнія очистившись, уволнитись тѣлесной земли и землянаго тѣла. И сіе-то есть

взыйти в покой божій, очиститися всякаго тлѣнія, здѣлать совершенно *волное* стремленіе и безпрепятственное движеніе, вылетѣвъ из тѣсных вещества границ на свободу духа, как писано: «Постави на пространнѣ нозѣ мои... Изведе мя в пространство... И подъях вас, яко на крылѣх орлих, и приведох вас к себѣ». И сего-то Давид просит: «Кто мнѣ даст крилѣ, яко голубинѣ, и полечу и почию...»

Ермолай. А гдѣ она находит сіе безначальное начало и вышнѣе естество?

Григорій. Если прежде не сыщет внутрь себе, без пользы искать будет в других мѣстах. Но сіе дѣло есть совершенных сердцем, а нам должно обучатся букварю сея преблагословенныя субботы, или покоя.

Ермолай. Побѣдитъ апокалъптического змѣя и страшнаго того с железными зубами звѣря, кой у пророка Даниила все-на-все пожирает, остаток ногами попирая, есть дѣло тѣх героев, коих бог в «Книгѣ числ» велит Моисею вписать в нетлѣнный свой список для войны, минуя жен и детей, не могущих умножить число святых божіих мужей, не от крове, ни от похоти плотскія, ни от похоти мужескія, но от бога рожденных, как написано: «Не соберу соборов их от кровей...» Тѣ одни почивают с богом от всѣх дѣл своих, а для нас, немощных, и той благодати божіей довольно, если можем дать баталію с маленькими бѣсками: часто один крошечный душок

демонскій страшный бунт и горкій мятеж, как пожар, душу жгущій, взбуряет в сердцѣ.

Григорій. Надобно храбро стоять и не уступать мѣста діаволу: противитесь — и бѣжит от вас. Стидно быть столь женою и младенцом, чтоб не устоять нам противу одного бездѣльнаго наездника, а хотя и против маленькой партіи. Боже мой! Колкое в нас нерадѣніе о снисканіи и о храненіи драгоценнѣйшаго небес и земли сердечнаго мира? О нем одном должен человек и мыслить в уединеніи и разговаривать в обращеніях, сидя в дому, идя в путь, и лѣгая, и востая. Но мы когда о нем думаем? Не всѣ ли разговоры наши одни враки и бѣсовскіе вѣтры? Ах, коль мы самих себе не узнали, забыв нерукотворенный дом наш и главу его — душу нашу и главу ея — богообразный рай мира! Имѣем же за то изрядное награжденіе: всилу с тысячи найтить одно сердце, чтоб оно не было занято гварнизонами нѣсколко эскадронов бѣсовских.

И понеже не обучаемся с Аввакумом стоять на божественной сей стражи и продолжать всеполезнѣйшую сію войну; затѣм здѣлались в корень нерадивы, глухи, глупы, пужливы, не искусны и вовся борцы разслабленные на то, чтоб и сама великая к нам милость божія, но нами не понимаемая, так сердцем нашим колотила, как волк овцами. Один, например, безпокоится тѣм, что не в знатном домѣ, не с пригожим родился лицом и не нѣжно воспитан;

III
другой тужит, что хотя идет путем невиннаго житія, однакъ многіе, как знатные, так и подлые, ненавидят его и хулят, называя отчаянным, негодным, лицомъ-ром; третій кручинится, что не получил званія или мѣста, которое б могло ему поставить стол, из десяти блюд состоящій, а теперь толко что по шести блюд кушать изволит; четвертый мучится, каѳим бы образом не лишится (правда что мучительнаго), но притом и прибылнаго званія, дабы в праздности не умереть от скуки, не разсуждая, что нѣтъ полезнѣе и важнѣе, как богомудро управлять внѣшнею, домашнею и внутреннею, душевною экономіею, то есть узнать себе и здѣлать порядок в сердце своем; пятой терзается, что, чувствуя в себѣ способность к услугѣ обществу, не может за множеством кандидатов прораѣтаться к принятію должности, будто одни чиновные имѣют случай быть добродѣтельными и будто услуга разнится от добраго дѣла, а доброе дѣло от добродѣтели; шестой тревожится, что начала предявляются в его волосах седина, что приближается час от часу с ужасною арміею немилосердная старост, что с другим корпусом за ним слѣдует непобѣдимая смерть, что начинает ослабѣвать все тѣло, притупляются глаза и зубы, не в силах уже танцовать, не столько много и вкусно пить и есть и протчая...

Но можно ли счесть нещетные тмы нечистых духов и черных воронов, или (с Павлом сказать) духов злобы поднебесных, по темной и неограниченной безднѣ, по душѣ нашей, будто по пространнѣй-

шем воздухѣ шатающихся? Сіи всѣ еще не исполнины, не самые бездѣльные, как собачки постѣлннн, душки, однакъ дѣйствительно колеблет наше не искусное в битвѣ и не вооруженное совѣтами сердце; самый послѣдній бѣсишка тревожит наш неукрѣпленный городок; что ж, естли дѣло дойдет до львов? Открою вам, други мои, слабость мою. Случилось мнѣ в неподлой компаніи не без удачи быть участником разговора. Радовался я тѣм, но радость моя вдруг исчезла: двѣ персоны начали хитро ругать и осмѣхивать меня, вкидая в разговор такіе алмазные слова, кои тайно изображали подлый мой род, и низкое состояніе, и тѣлесное безобразіе. Стыдно мнѣ вспомнить, сколько затривожилось сердце мое, а паче что сего от них не чаял; всилу я по долгом размышленіи возвратил мой покой, вспомнив, что они бабины сыны.

А ф а н а с і й. Что се значит?

Г р и г о р і й. Баба покупала горшки, амуры молодых лѣтъ еще и тогда ей отрыгались. «А что за сей хорошкой?..» — «За тово дай хоть три полушки», — отвѣчал горшечник... «А за того гнюсново (вот он), конечно, полушка?» — «За тот ниже двух копеек не возьму». — «Что за чудо?» — «У нас, бабка, — сказал мастер, — не глазами выбирают, мы испытуем, число ли звонит». Баба хотя была не подлаго вкусу, однакъ не могла отвѣчать, а толко сказала, что она и сама давно сіе знала, да вздумать не могла.

А ф а н а с і й. Сіи люди, имѣя с собою одинакіи

вкус, совершенно доказывают, что они плод райской сей яблони.

Яков. Законное житіе, твердїй разум, великодушное и милосердное сердце — есть то чистой звон почтенной персоны.

Григорій. Видите, други мои, сколько мы отродились от предков своих? Самое подлое бабское мнѣнище может поколотить сердце наше.

Ермолай. Не погнѣвайся — и сам Петр спулся бабы: «Бесѣда, явѣ ты творит, что галеланин еси».

Лонгин. Но таковое ли сердце было у древних предков? Кто может без ужаса вспомнить Иова? Однако со всѣм тѣм пишется: «И не даде Иов безумѣя богу...» Внимай, что пишет Лука о первых христиаках: «Бѣ в них едина душа и едино сердце...» А что ж то? Какое у них было сердце? Кромѣ согласной их любви, вот какое: «Они же убо радовахуся, яко за имя господи Иисуса сподобишася прїяти безчестіе...» Но вот еще геройское сердце: «Хулимы, утѣшаемся...», «Радуюся во страданїях моих...». Кто может без удивленїя прочесть ту часть его письма, которое читается в день торжества его? Она есть позорищем прекраснѣйших чудес, плѣняющих сердечное око. Великое чудо! Что других приводит в горчайшее смущенїе, то Павла веселит, дышущаго душею, здоровому желудку подобною, который самую грубѣйшую и твердѣйшую пищу в ползу варит.

Не се ли имѣть сердце алмазное? Тягчайшїй удар все прочее сокрушает, а его утверждает. О мире! Ты божїй, а бог твой! Сїе-то значит истинное счастье — получить сердце, адамантовыми стѣнами огражденное, и сказать: «Сила божїя с нами: мир имамы к богу...»

Ермолай. Ах, высокїй сей мир, трудно до него добратся. Коль чудное было сердце сїе, что за все богу благодарило.

Лонгин. Невозможно, трудно, но достоин он и большаго труда. Трудно, но без него тысяча раз труднѣе. Трудно, но сей труд освобождает нас тяжчайших безчисленных трудов сих: «Яко бремя тяжкое, отяготѣша на мнѣ. Нѣсть мира в костех моих...» Не стыдно ли сказать, что тяжело несть сїе ярмо, когда, нося его, находим толикое сокровище — мир сердечный?.. «Возмите иго мое на себе — и обрящете покой душам вашим». Сколько мы теряем трудов для маленькой пользы, а часто и для бездѣлиц, нерѣдко и для вреда? Трудно одѣть и питать тѣло, да надобно и нельзя без сего. В сем состоит жизнь тѣлесная, и никто о сем трудѣ каются не должен, а без сего попадет в тягчайшую горесть, в холод, голод, жажду и болѣзни.

Но не легче ли тебѣ питаться одним зелїем суровым и притом имѣть мир и утѣшенїе в сердцѣ, нежели над изобилным столом сидѣть гробом поваленным, исполненным червей неусыпных, душу день

и ноц без покоя угризающих? Не лучше ли покрыть тѣлишко самую нищею одеждою и притом имѣть сердце, в ризу спасенія и одеждою веселія одѣтое, нежели носить златотканное платье и между тѣм таскать геенный огонь в душевном нѣдрѣ, печальми бѣсовских манѣров сердце опаляющей? Что пользы сидѣть при всяком довольствѣ внутрѣ красных углов тѣлом твоим, естли сердце вверженое в самую крайнѣйшую тму неудовольствія из украшеннаго чертога, о коем пишется: «Птица обрѣте себѣ храмину... основана бо бѣ на камень... камень же бѣ Христос... иже есть мир наш... душа наша, яко птица, избавися, и сътъ сокрушися... кто даст мнѣ криль?»

Что ж ты мнѣ представляешь трудность? Естли кто попал в ров или бездну водяную, не должен думать о трудности, но о избавленіи. Естли строиш дом, строй для обеих существа твоего частей — души и тѣла. Естли украшаешь и одѣваешь тѣло, не забывай и сердца. Два хлѣба, два дома и двѣ одежды, два рода всего есть, всего есть по двое, затѣм что есть два человекъ в человекѣ одном и два отца — небесный и земный, и два миры — первородный и временный, и двѣ природы — божественная и тѣлесная, во всеѣм-на-всеѣм... Естли ж оба сіи естества вмѣшати в одно и признавать одну толко видимую природу, тогда-то бывает родное идолопоклоненіе; и сему-то единственно препятствует священная библія, находясь дугою, всю тлѣнь ограничивающею, и воротами, вводящими сердца наша в вѣру бого-

знанія, в надежду господственной природы, в царство мира и любви, в мир первородный.

И сіе-то есть и твердый мир — вѣрить и признавать господственное естество и на оное, как на необоримый город, положится и думать: «Жив господь бог мой...» Тогда-то скажешь: «И жива душа моя...» А без сего как тебѣ положится на тлѣнную природу? Как не вострепетать, видя, что вся тлѣнь всеминутно рождается и ищезает? Кто не обезпочится, смотря на погибающую существа истинну? Таковые пускай не ожидают мира и слушают Ісаи: «Возволнуются и почити не могут. Нѣсть радоватися нечестивым, глаголет господь бог...» Вот смотри, кто восходит на гору мира? «Господь — сила моя, и учинит нозѣ мои на совершеніе, на высокая возводит мя, еже побѣдiti мнѣ в пѣсни его». Признавает господа и пред невидящими его поет, а господь ведет его на гору мира. Непризнаніе господа есть мучительнѣйшее волнованіе и смерть сердечная, как Аввакум же поет: «Вложил еси во главы беззаконных смерть». Сію главу Давид называет сердцем, и оно-то есть главизна наша, глава окруженія их. Что за глава? Труд устен их. Что за уста? Доколѣ положу совѣты в души моей, болѣзни в сердцѣ моем... Труд устен есть то болѣзнь сердца, а болѣзнь сердца есть то смерть, вложенная во главы беззаконных, а родная смерть сія, душу убывающая жалом, есть смѣшаніе в одно тлѣнной и божественной натур; а смѣшанное сіе сляніе есть устраненіе от божественнаго естества

в страну праха и пепела, как писано: «Еда исповѣст- ся тебѣ персть». А устраненіе есть то грѣхопадѣніе, как написано: «Грѣхопадѣніе кто разумѣет?» О грѣхѣ вот что Сирах: «Зубы его — зубы львовы, убывающіи душу...» Вот тма! Вот заблужденіе! Вот нещастіе!

Видиш, куда нас завела тѣлесная натура, чего надѣяло слияніе естеств? Оно есть родное, идо- бѣшенство и устраненіе от блаженной природы и неведѣніе о бозѣ. Таковаго нашего сердца извѣстная есть печаль то, что о ничем, кромѣ тѣлеснаго, не стараемся, точныя язычники «и всѣх бо сих язицы ищут», а естли хотѣ мало поднять к блаженной натурѣ очи, тотчас кричим: трудно, трудно! Сіе-то есть называть сладкое горьким, но праведник от вѣры жив есть. А что ж есть вѣра, естли не обличеніе или изясненіе сердцем понимаемой невидимой природы? И не сіе ли есть быть родным Израилем, все на двое раздѣляющим и от всего видимаго невидимую половину господу своему посвящающим? О сем-то Павел щастливцѣ вопіет: «Елицы правилам сим жител- ствуют, мир на них и милость. Скажи, пожалуй, чем замѣшается тот, кто совершенно знает, что ничево погибнуть не может, но все в началѣ своем вѣчно и невреждено пребывает?»

Ермолай. Для меня сіе темновато.

Лонгин. Как не темновато, лежащему в грязѣ невѣрія! Продирай, пожалуй, око и прочищай взор; царствіе блаженной природы, хотя утаенное, однако

внѣшними знаками не несвидѣтелствовано себѣ дѣлает, печатаи слѣды свои по пустому веществу, будто справедливѣйшій рисунок по живописным краскам. Все вещество есть красная грязь, и грязная краска, и живописный порошок, а блаженная натура есть сама началом, то есть безначальною инвенціею, или изобрѣтеніем, и премудрѣйшею делинеаціею¹, всю видимую фарбу носящею, которая нетлѣнной своей силѣ и существу так сообразна, будто надежда тѣлу. Называет видимость одеждою сам Давид: «Вся, яко рыза, обветшают...» А рисунок то пядію, то цепью землемѣрною, то десницею, то истинною: «Красота в десницѣ твоей...», «Пядію измѣрил еси...», «Десница твоя воспріять мя...». «Истинна господня пребывает вовѣки». Таковым взором взирал я и на тѣло свое: «Руцѣ твои сотворишь мя...» Минает непостоянную тлѣнности своей воду. «Душа наша преиде воду непостоянную»; проникает мислію в самую силу и царство таящейся в прахѣ его десницы вышнего и кричит: «Господь защититель живота моего, от кого утрашуся? Блаженны, яже избрал и пріял еси господи...» Щастливый, перелетѣвшій в царство блаженной природы! О сем-то Павел: «По землѣ ходяще, обращеніе имама на небесѣх». Сей же мир и Соломон пишет: «Праведных души в руцѣ божіей, и не прикоснется им мука...»

Сіе же тайно образует церемонія обрѣзанія

¹ Кресленням (лат.).

и крещенія. Умереть со Христом есть то оставить стихийную немощную натуру, а перейти в невидимая и горняя мудрствовать. Тот уже перешол, кто влюбился в сія сладчайшіи слова: «Плоть ничто же...» Все то плоть, что тлѣнное. Сюда принадлежит пасха, воскресеніе и исход в землю обѣтованную. Сюда взидоша колѣна Израилева пред господа. Тут всѣ пророки и апостолы во градѣ бога нашего, в горѣ святѣй его, мир на Израиля.

Ермолай. Темно говориш.

Афанасій. Ты толь загустил рѣчь твою библейным лоскутьем, что нѣльзя разумѣть.

Лонгинъ. Простите, други мои, чрезмѣрной моей склонности к сей книгѣ. Признаю мою горячую страсть. Правда, что из самых младенческих лѣтъ тайная сила и маніе влечет мене к нравоучительным книгам, и я их паче всѣх люблю. Они врачуют и веселят мое сердце, а біблію начал читать около тридцати лѣтъ рожденія моего. Но сія прекраснѣйшая для меня книга над всѣми моими полюбовницами верх одержала, утолив мою долговременную алчбу и жажду хлѣбом и водою, сладчайшей меда и сота божіей правды и истинны, и чувствую особливую мою к ней природу. Убѣгал, убѣгаю и убѣжал за предводительством господа моего всѣх житейских препятствій и плотских любовниц, дабы мог спокойно наслаждаться в пречистих обятіях краснѣйшей, паче всѣх дочерей человѣческих, сей божіей дщери.

Она мнѣ из непорочных ложесн своих родила того чуднаго Адама, кой, как учит Павел, «созданный по бозѣ, в правдѣ, и препедобіи, и истиннѣ» и о коем Исаія: «Род же его кто исповѣсть?»

Никогда не могу довольно надивится пророчей премудрости. Самые праздные в ней тонкости для меня кажутся очень важными: так всегда думает влюбившійся. Премногіе никакого вкуса не находят в сих словах: «Вениамин — волк, хищник, рано яст, еще и на вечер дает пищу», «Очи твои на исполненіях вод...». А мнѣ они несказанную в сердце вливают сладость и веселіе, чем чаще их, отригая жваніе, жую. Чем было глубочае и безлюднѣе уединеніе мое, тѣм щастливѣе сожителство с сею возлюбленною в женах. Сим господним жребіем я доволен. Родился мнѣ мужеск пол, совершенный и истинный человек; умираю не безчаден. И в сем человекѣ похваляюся, дерзая с Павлом: «Не всуе текох». Се-то тот господень человек, о коем писано: «Не отемнѣсть очи его».

Григорій. Естли вам не нравятся библейные укрухи, то поведем наш разговор другим образом. Цѣлое воскресное утро мы провели о том бесѣдою, о чем всегда мыслить должны. Завтришній день есть работный. Однак когда к вечеру соберется, то внятнѣе побесѣдуем о душевном мирѣ. Он всегда достоин нашего вниманія, находясь всего житія нашего намѣренным концом и пристанищем.

АЗГОВОР

НАЗЫВАЕМЫЙ АЛФАВИТ, ИЛИ БУКВАРЬ МИРА

МИЛОСТИВОМУ ГОСУДАРИЮ
ВЛАДЫМИРУ СТЕПАНОВИЧУ,
ЕГО БЛАГОРОДИЮ ТЕВЯШОВУ

Милостивый государы!

Один «Разговор» уже к вам пришел. Вот же нашол вас и брат перваго. Когда мене жалуете, пріймите милостиво и сего и положите братнюю сію двоицу пред лицом дражайшаго вашего родителя как образ и память усерднаго моего почитанія. В обоих написано то, что говорено в бесѣдах с здѣшними пріятелими. Они ж и бесѣдующими лицами поставленны в обоих. Первый испытует с Давидом небесныя круги, повѣдающія славу вѣчнаго: «Лѣта вѣчная помянух...», и назван «Колцом», а второй, узнав безначальное начало из нетрудных начатков, будто из алфавита, богу послѣдовать побуждает и назван «Букварем». Предревнѣйшее слово есть сіе: Γνωσι δεαυτὸν. Nosce te ipsum. — «Узнай себе самаго».

И теперь оно всѣм во устах, но не многим во вкусѣ. Думают, что начальник слова сего был древнѣйшій мудрец Фалис. Вѣрю. Кто что нашел и любит, тое своим ему быть может, а истина безначальна. Пишет Плутарх, что на Аполлоновом делфійском храмѣ было написано: «Узнай себе». Древніе египтяне слово сіе высоко почитали. Что значит сфинкс, изъяснено в первом «Разговорѣ». Имя его значит связь, или узол. Гаданіе сего уroda утаевало ту ж силу: «Узнай себе». Не развязать сего ўзла — была смерть мучительная, убійство душъ, лишеніе мира. Для сего египтяне онаго урода статуи поставляли по улицам, дабы, как многочисленныя зеркала, вездѣ в очи попадая, сей самонужнѣйшее знаніе утаевающій узол на память приводили.

Потомки их были не таковы. Отнялась от них глава мудрости; долой пала чистая часть богочтенія; остались одни художества с физическими волшебствами и суевѣріем. Монумент, напоенный всеполезнѣйшим для cadaго совѣтом, обратился в кумир, уста имущій и не глаголющій, а только улицы украшающій, — и будто источник в лужу отродился.

Так и всѣ богословскія тайны превращаются в смѣшные вздоры и суевѣрныя сказки. Во времена авраамскія дѣлали сіе филистины, а нынѣ дѣлают не вѣдущіе себе и бога. В божественном мракѣ мойсейских книг почти 20 раз находится сіе: «Воньми себѣ», «Внемли себѣ», и вмѣсто ключа ко всему предвручается то же, что «узнай себе».

И не дивно, что древніе египтяне, евреи и еллины высоко почитали слово сіе. Знать — то от познанія себе самага входит в душу свѣтъ вѣдѣнія божія, а с ним путь щастія мирный. Что компас в кораблѣ, то бог в человекѣ. Компасная в сердцѣ корабельном стрѣла есть тайный язык, закон, глава, око и царство корабельное.

Библия тоже именуется стрѣлою, яко начертанная тѣнь вѣчнаго закона и тма божія. Не тот мнѣ знаток в кораблѣ, кто перечол и перемѣрил каюты и веревки, но кто познал силу и природу корабля: тот, разумѣя компас, разумѣет путь его и всѣ личности.

А что ж есть бог, если не вѣчная глава и тайный закон в тварях? Истину сказует Павел: «Закон духовен есть».

Закон же сей что есть, если не владѣющая тлѣніем господственна природа, названа у древних отцов: Τριβήλος μόνος καὶ φύσις — «трисолнечное единство и естество»? Сія единица всему глава, а сама безначальная, ни временем, ни мѣстом, ни полом не ограниченная, ни именов.

Сія-то мати и отец отвѣчает Мойсею, что ей имени нѣтъ. Кто-де ищет моего имени, тот не видит естества моего. Имя мое и естество есть то же: «Аз есмь сый». Я тот, что есмь вездѣ, всегда во всем, и не видно мене, а прочее все видно, и нѣтъ того ничего. «Плоть ничто же...» Я — древо жизни, а другое все — тѣнь моя. И не напрасно еллины к обоему полу прилагали

слово сіе — *θεός*¹. И не без толку у нѣкоторых христіян дают имя мужинѣ с мужеским и женское, например: Юзеф-Маріа. Сюда-то смотрит острое павловское слово: «Нѣсть мужеск пол, ни женск...» И так, не прекрасный Нарцисс, не хиромантик и не анатомик, но увидѣвшій внутрь себе главный машины пункт — царствіе божіе, — сей узнал себе, нашед в мертвом живое, во тмѣ свѣтъ, как алмаз в грязи и как евангелская жена имперіал в горничном ссорѣ. «Радуйтесь со мною...» Сей точно узнал *человѣка* и может похвалиться: «*Вѣм человѣка*».

Вот вам нѣсколько знатоков:

Авраам: «Видѣ и возрадовался».

Навин: «Видѣ *человѣка* стояща».

Іов: «Нынѣ же око мое видѣ тя».

Давид: «Возведох очи мои вгору».

Исаіа: «Видѣ славу его».

Даніил: «Видѣл и се муж един».

Захаріа: «Воздвигох очи мои и видѣх, и се муж, и в руку его...»

Вот еще дюжина. Взгляньте на гору Галилею!

11 апостолов: «Видѣвше его, поклонишася...»

И Стѣфан: «Се вижу небеса отверста...»

И как «мудраго очи его во главь его», так «очи безумных на концах земли».

С лица *человѣка* примѣтить можно, но не с подошвы. «Тыи пята мою соблюдут».

¹ Бог (гречк.).

Сколь о многих можно сказать: «Вы кланяетесь, его же не вѣсте». О всѣх сих, подло ползущих, написано: «Блюсти будешь его пята».

Вся бібліа дышет сим вкусом: «Узнай себе».

Развѣ ж бог в *человѣкѣ* точію? Никак! Но кто слѣп дома, тот и в гостях, и, не имѣя сам в себѣ, не найдет и в пищѣ вкуса. А тогда можно смѣло отважиться и на глубину біблейную с тѣм, кого слушает вѣтер и море.

Узнать его есть чувство премудрости. Любить и слушать есть дух вѣры и благочестія.

Руководство блаженныя *натуры* всей своей мудрости виною ставит Катон Цицеронов. Но ключ к сему чертогу сей есть: «Воньми себѣ». Чем болѣе кто себе узнавает, тѣм вышше восходит на Сіон мира.

Нѣтъ легче послѣдовать богу, как в пищѣ, в дружбѣ, в званіи. Тут приобучивыйся может подняться и на крутыя мѣста, поколь сбудется: «Положу стропотная их в гладкая». А я желаю вам итти от силы в силу! Половину здѣлал, кто хорошо начал.

Окончу рѣчь любезнаго моего Фалиса словом: «*Ἀρχὴν ἀπάντων καὶ τέλος ποιεῖ σεβόν*. — «Началом и концом во всем тебѣ будь бог».

И пребуду, милостивый государь,
Вашего благородія нижайшій слуга,
Любитель священных бібліи,
Григорій Скворода.

1775 года, генв. 1 дня, в Липцах.

ОСНОВАНИЕ

«Аз есмь *алфа* и *омега*» (Апокалипсис).
«Слыши, Израилю, воньми себѣ, внемли себѣ»
(Моисей).
«Себе знающіи премудры суть» (Притчи).
«Аще не увѣси самую тебе... изыди» (Пѣснь пѣсней).
«Узнай себе самага...» (Фалис).

ДРУЖЕСКИЙ РАЗГОВОР О ДУШЕВНОМ МИРѢ

Лица: Афанасій, Яков, Лонгин,
Ермолай, Григорій.

Григорій. Слава богу, собралась наша беседа! Что слышно? Нѣтъ ли вѣстей?

Яков. Вчера здѣлался пожар. Довелось быть в гостях и напасть на шайку ученых.

Лонгин. Был ли пожар?

Яков. При бутылках и стаканах ужасный загорѣлся диспут. Иной величал механику; иной превозносил химию; иной ублажал геометрію; иной пришивал человѣческое счастье врачебной наукѣ; иной похвальными пѣснями вѣнчал исторію; иной возвышал грамматику с языками; иной политику с ображеніем. Потом был спор, кая пища здоровѣе, кое вино полезнѣе. Наконец, самый пламень загудѣлъ о причинѣ, погубившей республику Афинскую, плодородную мать ученых людей. Много врали и о бо-

гинѣ Минервѣ, которой посвящен был город Афинскій. Однако я не мог ничего понять и, не знаю почему, никакова вкуса не чувствовал. А в любезной моей книжечкѣ, которую всегда с собой ношу, недавно начитал, что счастье ни от наук, ни от чинов, ни от богатства, но единственно зависит оттуда, чтоб охотно отдаться на волю божію. Сіе одно может успокоить душу.

Григорій. Как прозываются тѣ ученые?

Яков. Первой Навал, второй Сомнас, третій Пификов, люди славно ученые, а прочих не знаю.

Григорій. Как же ты не мог ничего понять?

Яков. Сему я и сам дивлюсь. Одно только то знаю, что слушать их вовсе мене не позывало.

Григорій. Развѣ они о Минервѣ говорили без Минервы? Так побесѣдуем же сами о драгоценнѣйшем нашем мирѣ безспорно и дружелюбно. Раскусим нѣсколько слово сіе: «Отдаться в волю божію». А премилосердная мати наша блаженная натура нас, любителей своих, не оставит, руководствуя нашу всю бесѣду. Вспомните сказанное мною слово сіе: «Чемъ кто согласнѣе с богом, тѣм мирнѣе и щасливѣе». Сіе-то значит: «Жить по натурѣ». Кто же не говорит сего: *жить по натурѣ*? Но сія ошибка путем есть всей пагубы, если кто, смѣшав рабскую и господственную натуру в одно тождество, вмѣсто прозорливой или божественной, избирает себѣ путеводительницею скотскую и слѣпую натуру. Сіе есть родное нечестіе, невѣдѣніе о богѣ, незна-

ніе пути мирнаго, шествіе путем нещастія, вѣдущим в царство тмы, в жилище духов безпокойных.

Самое сіе слово — *нещастіе* — оттуду родилось, что прелщенный человек, пошедшій за руководством слѣпой натуры, ухватился за хвост, минув голову или тую высочайшую часть: «Часть моя еси, господи». Сколько ж мы одолженны матерѣ нашей биб-чайшее нѣкое *естество*, называя оное началом, оком, отцем, сильным, господем, царем, ангелом совѣта, духом владычным, страхом путеведущим, вторым человеком, свѣтом, радостію, веселіем, миром и протчая. На скольких мѣстах вопіет нам: «*Внемли себѣ*», «*Вонми себѣ крѣпцѣ...*», «Внїдите в храмину вашу...», «Возвратися в дом твой», «Дух божій живет в вас», «Вторый человек господь с небесе...». И сіе-то есть благовѣстити мир, возвѣщати щастія путь, отворять ворота к благоденствію, отверзати предводительствующее во всем и недремлющее око, дабы всеусерднѣйше всяк, тайному мановенію блаженнаго внутрь себе духа повинуюсь, мог получать наставленіе, просвѣщеніе, кураж и совершеніе в каждом своем дѣлѣ, а без его дозволенія самага мѣлочнаго не всчинать дѣйствія и самага маленькаго ступня не ступать. Щаслив живущій по волѣ благаго духа! «Господь будет на всѣх путех твоих». Бѣдная душа, своими похотьми водимая! «Путь нечестивых погиб». Самое переднее крильцо и преддверіе, вводящее

в пагубу, и самая начальная замашка, будто букварь, обучающій нас быти супостатами богу, есть сія:

А. Входить в несродную статью.

Б. Нестъ должность, природѣ противну.

В. Обучаться, к чему не рожден.

Г. Дружить с тѣми, к коим не рожден.

Сіи дорожки есть родный нещастія путь.

Афанасій. А если кто к воровству рожден?

Григорій. Убирайся проч! Моя рѣчь единственно точію касается до человекѣлюбных душ, до честных званій и до благословенных промысла родов, коих божій и человекѣскій закон вон из сожительства не изгонит, а составляют они плодоносный церкви, яснѣе сказать, общества сад, так, как часовую машину свои части. Она в то время порядочное продолжает теченіе, когда каждый член не только добр, но и сродную себѣ разлившіяся по всему составу должности часть отправляет. И сіе-то есть быти щасливым, познать себе, или свою природу, взятыя за свою долю и пребывать с частію, себѣ сродною, от всеобщей должности. Сіи должности участія есть благодѣяніе и услуга. И не дивно, что у древних римлян как должность, так и благодѣяніе означалось сим словом — *officium*¹. Самая добрая душа тѣм безпокойнѣе и нещасливѣе живет, чем важнѣйшую должность несет, если к ней не рожден-

¹ Моральный обов'язок (лат.).

на. Да и как ей не быть несчастною, если потеряла сокровище сіе, всего міра дражайшее: «Веселіе сердца — живот человекѣ, и радованіе мужа (есть то) долгоденствіе?» (Сірах). Как же не потерять, если вмѣсто услуг обижает друзей и родственников, ближних и дальних, однородных и чужою страных? Как не обижать, если вред приносит обществу? Как не повредить, если худо несть должность? Как не худо, если нѣтъ упрямаго раченія и неутомимаго труда? Откуда же уродится труд, если нѣтъ охоты и усердія? Гдѣ ж возмѣш охоту без природы? Природа есть первоначальная всему причина и самодвижущаяся пружина. Она есть мать охоты. Охота есть ражженіе, склонность и движеніе. Охота сильнае неволи, по пословицѣ. Она стремится к труду и радуется им, как сыном своим. Труд есть живой и неусыпный всей машины ход потоль, поколь породит совершенное дѣло, соплѣтающее творцу своему вѣнец радости. Кратко сказать, *природа* запалает к дѣлу и укрѣпляет в трудѣ, дѣлая труд сладким.

А что ж есть сія *природа*, если не тот блаженный в человекѣ дух, о коем бог к Мойсею: «Се аз посылаю ангела моего пред лицом твоим... Воньми себѣ и послушай его. Не обинется бо, яко имя мое на нем есть». Великое есть сіе дѣло: «Имя мое на нем есть». Божіе имя и естество его есть то же. Того ради велит вникнуть внутрь себе и внимать сему наставнику, ясно все нужное показующему. Сколько можно догадываться, сей есть тот, что сказует: «Без мене не

можете творити ничесо же». И сіе-то есть с богом щасливо вступить в званіе, когда человек не по своим прихотям и не по чужим совѣтам, но вникнув в самого себе и вняв живущему внутрь и зовущему его святому духу, послѣдуя тайному его мановенію, принимается и придерживается той должности, для которой он в мірѣ родился, самым вышним к тому предопредѣлен.

Не вездѣ ли присносущнаго божія естества исполненіе? Есть он во всяком человекѣ. Есть и в тебѣ, и с тобою. Что ж он дѣлает? Послушай Соломона: «Нетлѣнный дух твой во всѣх есть. Тѣм же заблуждающих обличаеши и в них же согрѣшиша, воспоминаая, учиши, да премѣнившеся от злобы вѣрують в тя, господи». Видиш, что живущее в тебѣ блаженное естество управляет, будто скотом, твою природою. Сія слѣпая натура есть ты ж сам, с прихотями своими. И сіе-то значит: «Царствіе божіе внутрь вас есть». Оно не ошибается и лучшим путем поведет тебе, разумѣй, к тому, к чему ты рожден, да будеш для себе и для братіи твоей полезным, нежели чужіе совѣты и собственныя твоя стремленія, о коих написано: «Враги человекѣ домашніи его». А теперь осмотришь, чево торопишься? Куда забѣжит твоя необузданность? Зачем хватаешься за должность, не вѣдая, будеш ли в ней щасливым? Как можно тебѣ отправить удачно, не до ея рожденному? Кто может подписаться, что хорошая сія пища будет в пользу твоего желудка? Не лучше ль сам о сем можеш

освѣдомиться? Справся ж сам с собою. Узнай себѣ. Внемли себѣ и послушай господя своего. Есть в тебѣ царь твой, отец и наставник. Воньми себѣ, сыщи его и послушай его. Он один знает, что тебѣ сродное, сіестъ полезное. Сам он и поведет к сему, зажжет охоту, закуражит к труду, увѣнчает концем и благословеніем главу твою. Пожалуй, друг мой, не начинай ничево без сего царя в жизни твоей! Чудо, что доселѣ не могут тебе тронуть сіи слова: «Ищите прежде царствія божія». Ищи и день, и ночь вопли: «Да приидет царствіе твое». А без сего наплюй на всѣ дѣла твои, сколько ни хороши они и славны. Все то для тебе худая пища, что не сродная, хотя бы она и царская. Ах! Гдѣ ты мнѣ сыщеш человѣка, чтоб, избирая стать, сказал: «Да будет воля твоя!» Сей-то небесный отец, приводя нас по святой своей волѣ к тому, к чему нас родил, сам и совѣтами утверждает сердце наше, ежеденно оныя, как пищу, в душу нашу посылая. И тогда-то дѣло нашей должности имѣет свое существо и силу. Если ж постигло уже тебе царствіе божіе, взглянь на оное и ужаснися. Проси с оставленіи долгов твоих за то, что, похитив высочайшую власть, доселѣ правил житіем твоим по совѣтам слѣпой твоей природы, не по руководству царственнаго естества. Сіе есть родное искушеніе, разумѣй, мученіе твое, раждаемое от лукаваго духа, в скотской твоей натурѣ царствующаго.

Не думай никто, будто от нашей воли зависит избрать стать или должность. Владѣет вышній царь

ством человѣческим, и блажен сему истинному царю послѣдующій. Сіе-то есть быть в царствіи божіи и в шасливой странѣ твердаго мира.

Теперь взойшли мнѣ на ум тоскою, скукою, горестью средѣ изобилія мучащіяся. Сіи просят у бога богатства, а не удовольствія, великолѣпнаго стола, но не вкуса, мягкой постѣли, да не просят сладкаго сна, нѣжной одежды, не сердечнаго куража, чина, а не сладчайшія оныя кесаря Тита забавы: «О други мои! Потерял я день...» Ах, друг мой! Не проси дождя, по пословицѣ, проси урожаю; бывает, что и дождь вредит плодоносію.

Ермолай. А я вспомнил тѣх совопросников вѣка сего: «Богословская наука, к чему она? Я-де не священник и не монах...» Будто не всѣм нужное душевное спасеніе и будто спасеніе и спокойствіе сердечное не то же есть.

Яков. А я не могу довольно надивитись ужасному множеству грѣшачих противу сего тайнописемаго божественнаго закона.

Не сыщеш столь подлой души нигдѣ, которая не рада бы хоть севодня взойтись и на самое высокое званіе, нимало не разсуждая о сродности своей. Сіе царствія божія невѣжество всѣ сердца помрачило. Без сумнѣнія, они увѣренны, будто щастіе наше к одному ксему-то званію или статью привязано, хотя сто раз слышали о царствіи божіи, кое если кто сыскал и повинулся, принявша за природное званіе, тому легко все протчее нужное присокуп-

ляется. А без сего и званіе есть не званіем. И как быть может званіем, если я к оному не зван вышним царством? Как же зван, если не к тому рожден? Божіе царство вездѣ присутствует, и щастіе во всяком стартіи живет, если входиш в оное за руководством твоего создателя, на тое самое тебе в мір сей произведшаго, и во сто раз блаженнѣе пастух, овцы или свиньи с природою пасущій, нежели священник, брань противу бога имущій.

Почему нам столь подлым кажется хлѣбопашество, что всѣ онаго убѣгаем? Щаслив, кто родился ко медицинѣ, к пиктурѣ¹, к архитектурѣ, к книгочеству... Я их благословенную, яко природную, школу (разумѣй — празность, упражненіе) блажу и по здравляю. Радуюсь, если и сам в одной из сих наук, только бы сіе было с богом, упражняюсь.

Но чем нещаснѣе земледѣл, если с природою землю пашет? Признаюсь, други мои, пред богом и пред вами, что в самую сію минуту, в которую с вами бесѣдную, брошу нынѣшнее мое стартіе, хотя в нем состарѣлся, и стану послѣднѣйшим горшечником, как только почувствую, что доселѣ находилъ в нем без природы, имѣя сродность к скудельничеству. Повѣрьте, что с богом будет мнѣ во сто раз и веселѣе, и удачнѣе лѣпить одни глиняные сково-

¹ Живопису (лат.).

роды, нежели писать без натуры. Но доселѣ чувствую, что удерживает мене в сем состояніи нетлѣнная рука вѣчнаго. Лобызаю оную и ей послѣдую. Презираю всѣх посторонних совѣтников безсовѣтіе. И если бы я их слушал, давно бы здѣлался врагом господеву моему. А ныне раб его есмь.

Лопгнн. Я, напротив того, с удовольствіем дивлюсь, коль сладок труждающемуся труд, если он природный. С коликим веселіем гонит зайца борзая собака! Кой восторг, как только дан сигнал к ловлѣ! Сколько услаждается трудом пчела в собираніи меда! За мед ея умерщвляют, но она трудиться не престанет, поколь жива. Сладок ей, как мед, и слаже сота труд. К нему она родилась. О боже мой! Коль сладкій самый горкій труд с тобою.

Григорій. Нѣкоторый молодчик был моим учеником. Дитина подлинно рожден к челоуѣколюбію и дружбѣ, рожден все честное слышать и дѣлать. Но не рожден быть студентом. С удивленіем сожалѣлъ я о его остолбенѣлости. Но как только он отрѣшился к механикѣ, так вдруг всѣх удивил своим понятіем без всякаго руководителя.

Мертва совсѣм душа челоуѣческая, не отрѣшенная к природному своему дѣлу, подобна мутной и смердящей водѣ, в тѣснотѣ заключенной. Внущал я сіе непрестанно молодцам, дабы испытывали свою природу. Жалко, что заблаговременнѣе отцы не печатлѣют сего в сердцѣ сыновям своим. Отсюда-то

бывает, что воинскую роту ведет тот, кто должен был сидеть в оркестрѣ.

А ф а н а с і й. Как же наживать можно шляхетство и соблюсти грунт?

Г р и г о р і й. Хватаешься за хвост, не за голову. Скажу, если хочишь, чтоб сын твой куражно и удачно отправляя должность, долженствуешь ему способствовать в выборѣ сроднаго качествам его званія. Сто сродностей, сто званій, а всѣ почтенные, яко законные.

Развѣ не знаешь, что грунт от честно носимыя должности — не она от грунта зависит? И не видишь, что низкое званіе часто приобретает грунт, а вышшее теряет?

Не смотри, что вышше и нижше, что виднѣе и не знатнѣе, богатѣе и убогшее, но смотри тое, что тебѣ сродное. Раз уже сказано, что без сродности все ничто...

* Если кто владѣющій грунтом живет щасливо, не потому щаслив, что владѣет им: щастіе к грунту не привязано.

Но что владѣет по сродности, тое ж разумѣть должно о всѣх внѣшностей родах. Все ж то внѣшность, что находится внѣ человѣка: грунт, фамилія, чин и протчая. Чего хочешь ищи, но не потеряй мира. Шляхетный список внѣ тебе находится, а ты внѣ его быть можешь щасливым. Он без мира ничто, а мир без его нѣчтось, без чего нелзя быть щасливым

и в самом едемском раѣ. Развѣ чаешь сыскать рай внѣ бога, а бога внѣ души твоей? Щастіе твое, и мир твой, и рай твой, и бог твой внутрь тебе есть. Он о тебѣ, в тебѣ же находясь, промышляет, наставляя к тому, что прежде всѣх для самага тебе есть полезное, разумнѣе, честное и благоприличное. А ты смотри, чтоб бог твой был всегда с тобою. Будет же с тобою, если ты с ним будешь. А, конечно, будешь с ним, если, примирився, задружишь с пресладким сим и блаженным духом. Дружба и отдаленнаго берега выбросила буря дикаго человѣка, оленью кожею обшитаго, с такою же лоточкою. Окружил сіе чудо народ. Удивляется, соболѣзнует, пріятствует. Предлагает нѣмому гостю разные роды изрядныя пищи, но он ничево не касается, сидит будто мертв. А, наконец, как только усмотрѣл предложенные плоды, тотчас задрожал к ним и воскрес. Сей есть родной образ вѣрныя госпodeви своему души в выборѣ званія.

Л о н г и н. Живо мнѣ представляются два человѣка, одно и то же дѣло дѣлающіе. Но от сей души родится пріятное, а от тоей непріятное дѣло. Сей самою ничтожною услугою веселит, а тот дорогим подарком огорчает. От сей персоны досада, насмѣшка и самое пуганье нѣкоторую в себѣ утаевает

приятность, а от другой самая ласкавость тайною дышет противностью. Сего хула вкуснѣе от того хвалы...

Чудо! Шило, как притчу говорят, брѣет, а-бритва не берѣет. Что за чудо? Сіе чудо есть божіе. Он один тайная пружина всему сему. Все дѣйствительным, все приятным, все благоприличным дѣлает одно только повиненіе сокровенной его в человѣкъ силѣ. А противленіе святому сему вся дѣйствующему духу все уничтожает. По сей-то причинѣ искусный врач неудачно лѣчит. Знающій учитель без успѣху учит. Ученый проповѣдник без вкуса говорит. С приписью поддѣчій без правды правду пишет. Перебравшій библію студент без соли вкушает. Истошившій в пиктурѣ вѣкъ без натуры подражает натурѣ. Во всѣх сих всегда недостает нѣчтось. Но сіе нѣчтось есть всему глава и конечная красота десницы божія, всякое дѣло совершающія. Кратко притчею сказать: «Совсѣм телѣга, кромѣ колес». И не без толку здѣлали лаконцы. Они полезнѣйшій для общества вымысел, из уст плутовских произшедшій, отринули, а приняли из уст добросердаго гражданина, который, по прошенію сейма, тое ж самое своим языком вы- сказал.

Самое изрядное дѣло, без сродности дѣемое, теряет свою честь и цѣну так, как хорошая пища дѣлается гадкою, пріемлемая из урынала. Сіе внушает предревняя старинных вѣков пословица она: «От врагов и дѣры — не дѣры». И слаже меда сія

русская притча: «Гдѣ был?» — «У друга». — «Что пил?» — «Воду, слаже непріятельскаго мѣду». И по- длинно, самая мѣлкая услуга есть милая и чувстви- тельна, от природы, как от неисчерпаемаго родника сердечнаго, исходящая. Вспомните поселянина, под- несшаго пригорстю из источника воду проежжаю- щему персидскому монарху! Вспомните, чему мы недавно смѣялись — мужичка Конона рѣпищу, при- несенную в дар Лудовику 12-му, королю француз- скому! Сколько сіи монархи веселились грубою сею, но усердно простотою! Зачем же окаеваеш себе, о маловѣрная душа, когда твой отец небесный родил тебе или земледѣлом, или горшечником, или банду- ристом? Зачем не послѣдуеш званію его, уклоняясь в вышшее, но не тебѣ сродное? Конечно, не разу- мѣеш, что для тебе в тысячу раз щасливѣе в сей незнатной низкости жить с богом твоим, нежели без его находиться в числѣ военачальников или перво- священников? Неужель ты доселѣ не примѣтил, щастіе твое гдѣ живет? Нѣтъ его нигдѣ, но вездѣ оно есть. Пожалуй, чувствуй, что разумным и добрым сердцам гаразда милѣе и почтеннѣе природный и честный сапожник, нежели безприродный штатскій совѣтник. Кая польза, если имя твое в тлѣнном спискѣ напечатанно, а дух истины, сидящій и судя- щій во внутренностях твоих, не одобряет и не зрит на лицо, но на твое сердце?

Останься ж в природном твоём званіи, сколько оно ни подлое. Лучше тебѣ попрощаться с огромны-

ми хоромами, с пространными грунтами, с великолѣпными названіями, нежели растаться с душевным миром, здѣлав чрез сопротивление твое внутренним себѣ непріателем так чуднаго, сильнаго и непобѣдимаго духа, самые ливанскіе кедрѣ стирающаго.

НѢСКОЛЬКО ОКРУХОВ И КРУПИЦ
ИЗ ЯЗЫЧЕСКОЙ БОГОСЛОВІИ

Яков. Позволите ли нѣчто предложить на стол из языческих закровов?

Григорій. Представь, только бы не было идоложертвенное.

Лонгин. Смотри, чтоб не смердѣло духом, Христовому благовоію противным. Сіе-то значит у Павла бѣсовская трапеза.

Афанасій. Возможно ли, чтоб пища не была скверная, если она от языческаго стола?

Ермолай. А я вѣрую, что она престанет быть скверною, если господь освятит оную соблаговолит. Все то святое, что доброе. Все то доброе, что господи приносится. Все то господне, духу страха божія и царствію его не противустоящее. Если ж сам господь освятит, то кто дерзнет сквернить? Давай сюда! Я прежде всѣх начну кушать с господем и пред господем, нимало не боясь Мойсеева угроженія. «Истина есть господня, не бѣсовская».

Яков. Предлагаемое мною не точію не востает противу господа, но, сверх того, стоит за ним.

Лонгин. Развѣ ж ты позабыл, что всякъ, кто не противу нас, по нас есть? — сказует истина. И кто дает быть пророками?.. «Еда іудеов точію бог?», «Ей, и языков». Дышет вездѣ живущій во всѣх дух господень, и блажен, послушай его. Сіе-то значит похищенное у язычников золото посвящать в храм господеву. И не меньше богу любезный римскій капитан Корнилій, как самый іудей, втайнѣ обрѣзан по сердцу, омыт по смыслу.

Яков. Мнѣ кажется, что сія божественная в человѣкѣ сила, побуждающая его к сродности, называлась у древних египтян Исис, Isis, у еллин — Ἀθηνᾶ, Athena, у римлян — Minerva, сиречь natura. Природа называлась γένιος, genius — ангел природы, называлась тож теός — бог.

Афанасій. А почему называлась Минервою?

Яков. Не знаю, а только, думаю, потому, что Минерва былъ человѣкъ (мущина или женщина) к тому рожден, чтоб мог для себе и для своей братьи хорошо научиться знать, гдѣ обитаетъ щастіе. Сему научившійся назывался у еллин ἐυδαίμων, eudemon, сіестъ хорошо знающій, а благополучіе — ἐυδαίμονια.

Противное ж сему — какодемон, какодемонія, а у римлян сей хорошо знающій, кажется, назывался divini juris peritus, сіестъ «хорошо знающій божіе право». Что же присносущное величество божіе его именем означалось, сіе, думаю, здѣлано для любви

к нему и почтенія, дабы чрез любезнаго человѣка имя означить вселюбезнѣйшаго, приводящаго к счастью и таящагося в каждом человѣкѣ божіею духа, который собственнаго имени для себе не имѣет и с которым неразрывная была дружба Минервы. Сего духа, если кто, не слушая, принимался за дѣло, о сем у язычников была пословица: «Invita Minervâ» — «Без благоволенія Минервы», а у нас говорят: «Без бога». И первѣе так говорено о науках, потом о всем, даже о самом мѣлочном дѣлѣ. Если кто без природы сунулся во врачебную науку или в музыку, говорили: «Invito Apolline; Igatis Musis» — «Без благоволенія Аполлонова», «Без милости муз».

Если кто обращался в купечествѣ — «Без дозволенія Меркуріева».

Если обитал в прекрасных рощах, на полях, на холмах и горах, при чистых рѣках и прозрачных источниках, уединяясь в лѣсах и в шумящих птичьим пѣніем вертоградѣх, убѣгая человѣческаго сожительства и брачнаго союза, но без бога, говорили: «Без благословенія Діаны».

Сколько должностей, столько сродностей. Сіи разныя к различным должностям божественныя побужденія означались у них разными разных человѣков именами, своими сродностями прославившихся. Однако всѣ сіи дарованія столь различныя един и той же дух святой дѣйствует. Так, как, на примѣр, в мусикійском органѣ один воздух разные чрез различныя трубки голоса производит или как в человѣ-

ческом тѣлѣ один ум, однак разно по разсужденію разных частей дѣйствует.

А ф а н а с і й. По моему мнѣнію, не очень погано из языческаго павоза собираешь золото. Часто загребаются в горничном ссорѣ монета царская, а родник здоровѣйшія воды грязью затаскивается.

Яков. Вить басня о исполинах, воздвигших брань противу бога, всѣм знакомая. Но она не перстом ли показывает на тѣх смѣлчаков, кои дерзновеннѣе и упрямѣе духу божественному сопротивляются, устремляясь с отчаянным упорством к великому, но совсѣм природѣ их не благоприличному званію.

Сіе сколь смердит богомерзостью и нечестіем, столь, напротиву того, благословенное господем дѣло, будто полная роза и благовонный ландыш, сокровенною дышет красотою.

Сія красота называлась у древних препон — decorum, сіесть благолѣпіе, благоприличность, всю тварь и всякое дѣло осуществляющая, но никоим человѣческим правилам не подлежащая, а единственно от царствія божія зависящая. И кто может человѣка наставить к тому, к чему сам бог преградил ему путь?

Отсюда, думаю, родился у них чудный сей философскій догмат: Ὅτι μόνον ἀγαθόν τό καλόν, сіесть: «Доброта живет в одной красотѣ». Отсюда у них же слѣдующая пословица: Ὅμοιον πρός ὁμοιον ἄγει θεός — «Подобнаго до подобнаго ведет бог». Она учит, что

не точію званія, но и высокостепенныя дружбы избраніе не от нас, а зависит от вышняго опредѣленія. Наше точію дѣло узнать себе и справиться, в кую должность и с кѣм обращеніе имѣть мы родились. И как сродность к званію, так и склонность к дружбѣ ни куплею, ни просьбою, ни насиліем не достается, но сей есть дар духа святаго, все по своему благоволенію раздѣляющаго; и послѣдующій благому сему духу челоуѣкъ каждое званіе хвалит, но принимаетъ за сродное; всякому доброжелательству, но дружитъ с тѣми, к коимъ особое святаго духа чувствуетъ привлеканіе. Сему вѣрному наставнику столь усердно послѣдовалъ Сократъ, что и в самыхъ мѣлочахъ его совѣтовъ придержался. Я вамъ недавно рассказывалъ, коимъ образомъ сей мужъ, вышедъ изъ гостей, вернулся изъ переулка и пошелъ домой другою улицею, по одному только внутреннему манію, ничево не предвидя.

А ф а н а с і й. А если бы не воротился, тогда что такое?..

Я к о в. То же, что другимъ, не послѣдовавшимъ. Нечаянно навстрѣчу гонимое стадо свинное всѣхъ ихъ перемарало, какъ видно изъ книги Плутарховой о ангелъ-хранителѣ Сократовомъ. И нельзя повѣрить, чтобъ сей мужъ, находясь въ бесѣдахъ, не по болшей части бесѣдовалъ о семъ премудромъ наставникѣ и главѣ щастія. Оттуда носится и у насъ премудрая сія пословица: «Безъ бога ни до порога, а съ богомъ хоть за море». А когда такихъ бесѣдниковъ не стало въ Афинахъ,

тогда источникъ, напаяющій сад общества, и родникъ мудрости совсѣмъ сталъ затасканъ и забитъ стадами свинными. Стада сіи были соборища обезьянъ философскихъ, конь, кромѣ казистой маски (разумѣй, философскую епанчу и бороду), ничево существа от истинныя мудрости не имѣли. Сіи растлѣніемъ спортили самое основаніе афинскаго юношества. Оно и вздумать не могло, дабы заглянуть внутрь себе к божественному своему предводителю. Безпутно стремился вслѣдъ бѣшеныхъ своихъ замысловъ, будьто олень, котораго крилами бьетъ по очамъ сидящій на рогахъ его орелъ, дабы какъ можно пробраться къ знатнѣйшимъ званіямъ, нимало не разсуждая, сродны ли имъ тѣ званія и будутъ ли обществу, а во-первыхъ сами для себе, полезными. Только бы достать блистательное, хоть пустое оно, имя или обогатиться.

Судите, коликое множество тамъ было пожаловано ословъ мулами, а муловъ лошадками. Тогда-то богочтеніе превратилось въ ядъ, въ раздоры — въ суевѣріе и лицемѣріе, правленіе — въ мучительство, судейство — въ хищеніе, воинство — въ грабленіе, а науки — въ орудіе злобы. Симъ образомъ, воинствуя противу Минервы, здѣлали себѣ защитницу свою враждебною, а республику погибельною.

А ф а н а с і й. Или я ошибся, или ты твою языческую дѣву Минерву не беззаконно обрѣзалъ, но такъ, какъ велитъ обрядъ обрѣзанія, дабы непорочно посвятить ее господеву богу нашему. Она перестаетъ быть идолослужительною, не означая впередъ тлѣнную

плоть и кровь, но служит являющемуся под именем, будто под одѣяніем ея, тому, о ком написано: «Вы есте храм бога жива, и дух божій живет в вас». Кратко скажу: нынѣ египетская Исыс и именем, и естеством есть то же, что павловскій Иисус. «Вѣм чловѣка...» Но скажи мнѣ, каковы были афиняне в то время, когда Павел к ним пришол, — мудрые ли?

Яков. Если бы ты презнал всѣ твои тѣлесные уды, минув голову, и от самага рожества твоего, не вѣруя о пребываніи ея, можно ли почестъ тебе за знатока или за изряднаго анатомика?

Афанасій. Фу!.. В то время был бы я самой изрядненькой чучел.

Яков. Тогда бы ты был родной Павловых времен афинянин. Скажи мнѣ, какъ мудрость быть может в не познавших естества божія? Одно тѣнное естество в сердцах их царствовало. Зѣвали они на мірскую машину, но одну только глинку на ней видѣли: глинку мѣрали, глинку считали, глинку существом называли, так как неискусный зритель взирает на картину, погрузив свой тѣлесный взор в одну красочную грязцу, но не свой ум в невещественный образ носящаго краски рисунка, или как неграмотный, вперившій тѣнное око в бумагу и в чернило букв, но не разум в разумніе сокровенныя под буквами силы. А им и на ум не всходило сіе нетѣннаго нашего чловѣка чудное слово: «Плоть — ничто же, дух животворит». У них тое только одно было

истиною, что ощупать можно. Глиняные душкы — тѣ их защитники. Каждое мнѣніе — то их божок, а каждый божок — то их утѣшеніе. Собакою охотою чествовали Діану, математикою — Юпитера, или Діа, мореплаваніем — Нептуна. Инаго бога чтили оружейным брязком, иных великолѣпными пирами и уборами и протчая.

Одно точію осязаемое было у них натурою, или физыкою, физыка — философіею, а все неосязаемое — пустою фантазіею, безмѣстными враками, чепухою, вздором, суевѣріем и ничтожностью. Кратко сказать, все имѣли и все разумѣли... кромѣ что, не узнав нефизыческаго, нетѣннаго бога, с ним потеряли нѣчтось, разумѣй, «мир душевный».

А хотя чувствовали, что как-то, что-то, чем-то, тайным коим-то ядом жжет и мятежит сердце их, но оно как неосязаемое, так и презираемо было до толь, доколь сія искра выросла в пожар неугасаемый. Бывает же сіе в каждом, что хотя весь мір приобрѣсть удастся, однак неизглаголаннныи воздыханіями сердце внутрь вопіет о том, что еще что-то недостает нѣчтось и будто странная и ненатуральная у больнаго жажда не утоляется.

Так же то здѣлалось и с афинянами: они чувствовали, что вся вселенная мудрость их прославляет, коею, будто богатыми товарами, род чловѣчскій снабдѣвали. Но при всем том принуждены внимать тайному сердечному воплю. Начали догадываться,

что доселѣ не все-на-все перезнали и что, конечно, нужны еще какія-то колеса для коляски.

Сей недостаток своего хвальнаго и прехвальнаго одной только іезекиилевских колес вѣчности непонимающаго разума поставленным монументом признали пред цѣлым свѣтом. Кромѣ любезнѣйших своих богов, кои всю их мудрость, будто ложные камни столп, почасти составляли, построили храм тому богу, котораго сіянія, как очи, кровію играющія, солнечнаго свѣта понять и снестъ не могли. Храм тот был с сею надписью: «*Невѣдомому богу*».

Павел наш, между множеством кумирниц сей храм примѣтив, ухватился за желанный повод к благовѣстію. Начал предисловіе, что афинскаго шляхетства мудрость по всему видна, но что еще нѣчтось к совершенной их мудрости недостает однакъ... как сами в сем благородноу оноу надписью признаются. Сего ж то де вам благовѣствую. Стал странник сей разгребать физическій пепел, находит в нем божественную искру и тое господственное естество, кое им, кромѣ пепелныя природы, понятно не было; показывать, что пепелное или глиняное естество, в коем сердце их обитало, есть идол, разумнѣй, видимость и одно ничто, тма и тѣнь, свидѣтельствующая о живой *натурѣ*, нетлѣнным *словом* своим вѣки сотворившей, и что сіе *слово* есть второй человек в перстном тѣлѣ нашем, живот и спасеніе наше... И сіе-то есть благовѣстити нетлѣніе воскресенія. Но можно ль излѣчить больнаго, почитающаго себе

в здоровых? Нет труднѣе, как вперить истину в глупое, но гордое сердце. Проповѣдь воскресенія здѣлала Павла нашего буйством у афинян и игралищем у их мудрецов. Отсюда-то породились его рѣчи: «Мнящесе мудры быти, объюродѣша», «Гдѣ премудр? Гдѣ книжник?...». Вот сколь мудрые были афинцы во время Павлово!

Григорій. Видно, что они любомудрствовали так, как медвѣдь пляшет, научен в рожкѣ.

Афанасій. Конечно, пляшет по наукѣ своей; и есть пословица: «Медведя да учат...»

Григорій. Учат, но вовѣки ему не умѣтъ.

Афанасій. Почему?

Григорій. Потому, что сіе дѣло человѣчое, не медвежье.

Афанасій. Однако же он пляшет.

Григорій. И волк в баснях играет на флавтѣ козліонку.

Афанасій. А для чего не играть, если научился?

Григорій. Какой сей капелмейстр, такой твой танцмейстр.

Афанасій. Иное дѣло басня, а медвѣдь пляшет дѣйствительно.

Григорій. Если ты так дѣйствительно кушаеш, как он пляшет, чуть ли и сам захотишся танцовать.

Афанасій. Как же недѣйствительное то, что дѣло?

Григорій. Без вкуса пища, без очей взор, без кормила корабль, без толку рѣчь, без природы дѣло, без бога жизнь есть то же, что без размѣра строить, без закроя шить, без рисунка писать, а без такта плясать... Спроси ж теперь, как недѣйствительное то, что дѣло?

Афанасій. Для чего ж забавно, когда он танчит?

Григорій. Для того, что смѣшно, а смѣшно затѣм, что несродно и неприлично. Итак, нѣтъ безтолковѣе и вреднѣе, как медвежая твоя пословица. Будь волк поваром, медвѣдь мясником, а лошак под сѣдоком. Сіе дѣло честное. Если ж волк свиряет в свирѣлку, медвѣдь пляшет, а лошак носит поноску, нельзя не смѣяться. Всякая безвредная неприличность смѣшит. А когда уже стал волк пастухом, медвѣдь монахом, а лошак совѣтником, сіе не шутка, но бѣда. О, когда б мы проникнули, коль сіе обществу вредно! Но кто может пектися о других ползѣ, презрев собственную? И если для себе зол, кому добр будет? Самим себѣ суть убійцы, борющіеся с природою. Коликое мученіе — трудиться в несродном дѣлѣ? Самое пиршество без охоты тяжелое. Напротив того, в природном не точію труд сладок, но и сама смерть пріятна.

И сія-то есть вина тому, что во всяком званіи находятся щасливые и нещасливые, спокойные и безпокойные, куражные и унылые. Запри несроднаго в уединеніе, оно ему смерть, а с природою — рай.

«Уединеніе для мене — рай, — вопіет блаженный Иероним, — а город — темница». «О уединеніе! — кричит другой, ему подобен. — Умерщвленіе порокам, оживленіе добродѣтелям!..» Для такихъ сердецъ самая внутренняя пустыня тѣм многолюднѣе, чемъ уединеннѣе, а дѣлнѣе тѣм, чемъ празднѣе; будто виноградная ягода тѣм в сладкой своей силѣ богатѣет, чемъ варит и сокращает ее солнце в полудни.

Афанасій. Зачем же люди сунутся в званія без природы?

Григорій. Самих их спроси.

Афанасій. Конечно, охота влечет их.

Григорій. Конечно, тѣ не виноваты, коих при-
нуждают к сему.

Афанасій. А если охота, откуда ж им мучиться? С охотою все пріятно. А гдѣ охота, там и природа. Охота, по твоей же сказкѣ, есть родная дочь природы. Как же?..

Григорій. О крючкотворная тварь! Как прехитрый змій, вьешся, развиваешься в разные свертки.

Афанасій. Пожалуй, не сердись! «Яко лестцы и истинны».

Григорій. Хорошо: выслушай же прежде басеньку.

БАСНЯ О КОТАХ

Кот из пчельника по давней знаемости пришол в деревню к своему товарищу и принят великолѣпно. Удивлялся во время ужина изобилію.

— Бог мнѣ дал должность, — сказал хазяин, — она приносит на дом мой в сутки по двадцати туш самых добрых мышей. Смѣю сказать, что я в деревнѣ великим Катонем.

— Для того-то я пришол повидаться с вами, — говорил гость, — и освѣдомиться о щастіи вашем, при том и ловлею позабавиться. Слышно, что у вас харошія появились крысы.

Послѣ ужина легли спать. Хазяин во снѣ стал кричать и разбудил гостя.

— Конечно, вам страшное нѣчто во снѣ явилось?

— Ох, братец! Казалось, будто я утоп в самой безднѣ. А я ловлею веселился. Казалось, будто поймал самую чистую сибирскую крысу.

Гость опять уснул, выпался и проснулся. Услышал воздыхающаго хазяина.

— Господин Катон! Ужель вы выпались?

— Нѣтъ! Я послѣ соннаго страшилища не спал.

— Ба! А для чего?

— Такая моя натура, что, раз проснувшись, уснуть больше не могу.

— Что за причина?

— Тут есть тайна... Ах, друг мой! Не знаешь, что я обовязался быть рыболовом для всѣх котов в сем

селеніи. Ужасно мене беспокоит, когда вспомню лотку, мрежу, воду...

— Зачем же ты взялся за рыболовство?

— Как же, братец? Без пропитанія в свѣтъ не проживеш. Сверх того, и сам я к рыбѣ великій охотник.

Гость, пошатав головою, сказал:

— О государь! Не знаю, в коей силѣ понимаешь имя сіе: бог. Но если бы ты придержался твоей природы, которую безвинно обвиняешь, был бы гаврада одною в сутки тушею доволнѣе. Прощай с твоим щастіем! Моя нищета лучше.

И возвратился в свой лѣсок.

Отсюда родилась притча сія: «Catus amat pisces, simul odit flumen aquatum» — «Кот охотник к рыбѣ, да воды боится». Сіе нещастіе постигает всѣх охотников не к званію, но к доходам. Не нещасное ли разсужденіе — любить от хазяина платеж, а виноград копать не быть охотником? Конечно, тот не охотник, кто не природный. Природному охотнику больше веселія приносит самая ловля и труд, нежели поставленный на стол жареный заец. На искусной живописи картину смотрѣть всякому мило, но в пиктурѣ один тот охотник, кто любит день и ночь погружать мысли своя в мысли ея, примѣчая пропорцію, написывая и подражая натурѣ.

Никто не пожнет твердой славы от коего-либо художества, если около онаго трудиться не почтет за сладчайшее, самую славу превосходящее увеселе-

ние. А тот уже самый вѣрный друг званію своему, если и самая доходов убыль, нищета, хула, гонение — любви его угасить не может. Но без природы труд сладок быть никак не может.

Многіе, презрѣвъ природу, избирают для себе ремесло самое модное и прибыльное, но вовся обманываются. Прибыль не есть увеселение, но исполненіе нужности тѣлесныя, а если увеселение, то не внутреннее; родное же увеселение сердечное обитает в дѣланіи сродном. Тѣм оно слаже, чем сроднѣе. Если бы блаженство в изобиліи жило, то мало ли изобильных? Но равнодушных и куражных скудно.

Изобиліем снабждается одно точію тѣло, а душу веселит сродное дѣланіе. Сія-то есть зала сладчайшаго ея пиршества. Тут-то она, будто хитрая машина, в полном своем ходу обращаясь, радуется и, находясь при одном ржаном хлѣбѣ и водѣ, царским чертогам не завидит.

КАРИНА ИЗОБРАЖЕННАГО БѢСА,
НАЗЫВАЕМАГО ГРУСТЬ,
ТОСКА, СКУКА

Если же отнять от нея сродное действие, тогда-то ей смертная мука. Грустит и мятется, будто пчела, заперта в горницѣ, а солнечный свѣтлѣйшій луч, окошка пронзающій, зовет ее на цвѣтоносные луга. Сія мука лишает душу здравія, разумѣй, мира, от-

нимает кураж и приводит в расслабленіе. Тогда она ничем не довольна, мерзит и состояніем и селеніем, гдѣ находится. Гнусны кажутся сосѣды, невкусны забавы, постылые разговоры, неприятны горничныя стѣны, немилы всѣ домашніе; ночь скучна, а день досадный; лѣтом зиму, а зимою хвалит лѣто; нравятся прошедшіе, Авраамскіе вѣка, или Сатурновы; хотѣлося бы возвратиться из старости в младость, из младости в отрочество, из отрочества в мужество; хулит народ свой и своя стороны обычаи, порочит натуру, ропщет на бога и сама на себе гнѣвается. Тое одно сладкое, что невозможно; вожделѣнное, что минувшее; завидное, что отдаленное. Там только хорошо, гдѣ ея, и тогда, когда ея нѣтъ. Больному всякая пища горка, услуга противна, а постель жостка. Жить не может и умрѣть не хочет.

Млось у врачей есть предводительницею всѣм тѣлесным болѣзням и возмущеніям. А душевное неудовольствие дверь есть всѣм сердечным страстям и внутренним обуреваніям.

Не виден воздух, пѣнящій море, не видна и скука, волнующая душу; не видна — и мучит; мучит — и не видна.

Она есть дух мучительный, мысль нечистая, буря лютая.

Ламлет все и возмущает, лѣтает и садится на позлащенных крышах, проникает сквозь свѣтлыя чертоги, присидит престолом сильных, нападает на воинскіе станы, достает в кораблях, находит в Ка-

нарских островах, вѣдряется в глубокую пустыню,
гнѣздится в душевной точкѣ...

Вить тоска вездѣ лѣтает,
На землѣ и на водѣ;
Сей дух, молній всѣхъ быстрѣе,
Может нас сыскать вездѣ.

Един вышній отецъ бурю сію в тишину обратить,
управить к гавани, а душу сродным дѣланіем, будто
бродами и уздою буйную скотину, удержать может.

Афанасій. О брате! Странное влагаеш во
уши мои... А народ скуку ни во что ставит и к про-
гнанію сего непріятеля за чрезчурь допольное ору-
жіе почитает деньгу, вино, сады, музыку, шутки,
карты, поездки...

Григорій. О друг мой! Не ничто есть то, что
возрастает в великое. Не почитай малым тое, что
ведет за собою немѣлкое. Малая в кораблѣ сква-
жина впускает внутрь страшную стечь. Не думай,
что невидное и безильное есть то же. А народ, одно-
то за существо почитая, что в кулак схватить может,
там боится, гдѣ нѣтъ страха, и напротив того.

Вексель не бумагою и чернилами страшен, но
утаенною там обовязательностью. Бомба не чугуном
опасна, но порохом или утаенным в порохѣ огнем.

Все невидное сильнае есть своего виднаго, и от
невиднаго зависит видное.

Скука у древних христіанских писателей назва-
на бѣсом уныніа. Чего сіа ожившая искра не дѣ-

лает? Все в треск и мятеж обраѣщает, вводит в душу
все нечистыхъ духов ехиднино порожденіе. Гризущая
мысль не червь ли неусыпающій и не ехидна ли
есть? Палящая печаль или зависть не лютый ли дух
есть и не лютая ли мысль? А мысль злая не тай-
ный ли и лютый есть язык, о коем сын Сирахов:
«Зубы его — зубы львовы, убивающіи душу».

Сіе столь тяжело, что лучше душа изволяет не-
сродное и вредное брѣдить, нежели быть от природ-
наго дѣла упражненною.

Отсюда всѣхъ безобразныхъ дѣлъ страшилища и са-
моручныя себе убійства.

А когда апостолъ Іаковъ скажетъ, что маленькая
частица — языкъ, но, будто кормило кораблемъ, цѣ-
лымъ владѣетъ тѣломъ, — такъ не мысль ли движетъ
и правитъ тѣломъ? Мѣлкая язычная частица есть одна
видная тѣнь и будто шумящій воздухомъ часобой-
ный колокольчикъ, а самая пружина и существо есть
мысль. Мысль есть невидная глава языка, сѣмя дѣлу,
корень тѣлу. Мысль есть языкъ немолчный, неослаб-
ная пружина, движимость непрерывная, движущая
и носящая на себѣ, будто обетшающую ризу, тлѣн-
ную тѣлесную грязь, прильнувшую к своей мысли
и исчезающую, какъ тѣнь при яблонѣ.

Видишь ли, друг мой Афанасій, что невидное силь-
нае есть своего виднаго и от невиднаго зависит
видное.

Къ сему хору пришалкиваетъ Іеремія, называя че-
ловѣкомъ не тѣлесный видъ, но сердце, яко неисчер-

паемое сокровище мысленных таин. «Глубоко сердце человек... и человек есть...» (глава 17).

Если сердечное око — съмя злое, тогда все тѣло злое и всякое дѣло приносит плоды горести. Горестному источнику грустные поточки.

Афанасій. Ты заврался, дружище... Я слышал и увѣрен, что Иереміино слово касается до библии. В ней тлѣнь образов подобна тѣлу, а сокровенное в образах божіе вѣдѣніе подобно утаенным в тѣлѣ сердечным мыслям. Яснѣе пересказать слово его так. Библиа есть будто один человек или Адам. Глинку и тѣло его всяк видит, а сердце закрыто, и дух жизни в нем не виден. Сіе то же есть, что у Павла: «Кто разумѣ ум господень?»

Григорій. Узнай же прежде самага себе, тогда познаеш и Адама с Евою. Развѣ нельзя мнѣ библейнаго слова рѣчь приточить к человеку, когда вся библиа уподобляется человеку? Для того-то, сирѣчь, здѣлал пророк человека образом двоестественныя библии, что одно в нем есть видное, второе невидное, так как сердце морское или тончайшая вода в облакѣ, из моря исходящем.

Афанасій. По крайней мѣрѣ ты, братец, не туда заѣхал. «Ѣхал в Казань, да заѣхал на Рязань». Течение нашей рѣчи было о природных упражненіях, о веселіи и мирѣ, а теперь дѣло дошло до сокровищ мысленных, потом докатится до сокровищ снѣжных, что в Іовѣ...

Григорій. Пожалуй, не печалься! Не очень в сторону заѣхали. Веселіе и радость недалече от сердца, а сердце всегда при своих мыслях, как источник при своем токъ.

Афанасій. Ну, добро, быть так. Скажи же мнѣ: для чего иной сроднѣе к нижней должности и к подлѣйшему ремеслу?

Григорій. А ты мнѣ скажи: для чего иному пища простая здоровѣе?

Афанасій. Конечно, для того, что сроднѣе.

Григорій. Так и сроднѣе иной к подлѣйшему ремеслу для того, что для его оно полезнѣе.

Афанасій. Для чего же, скажи мнѣ, и почему полезнѣе?

Григорій. Потому, что куражнѣе, забавнѣе и веселѣе.

Афанасій. Так ты только мнѣ скажи, почему веселѣе?

Григорій. Потому, что с богом. Без бога ничто не веселит. О чудный ты вопросник!.. Вить когда сродно, тогда и с богом. Чево ж тебѣ далѣе спрашивать? Довольно точію спросить: сродно ли, сирѣчь, хочет ли бог? Воля божія есть то верх и закон законов; не ходи далѣе... А ты спрашиваешь, почему сродно? Сирѣчь, почему так бог хочет? А если должен он тебѣ дать отчет в дѣлах своих, спроси его и требуй в отвѣтъ: почему он землю и воду здѣлал преклонными долой, а воздух и огонь стре-

мительными выпрѣ? Для чего огонь все снѣдает, кромѣ виссона, или каменнаго льна обратитъ в пепел не родился? Почему малая рыба, названна у римлян гепога, имѣет сродность удержать стремленіе корабля, прильнувши к его брюху? Почему природа делфинова любитъ горячо человѣка, но зміина ненавидит, а львиная трепещетъ поющаго пѣтуха? Природа и сродность значитъ врожденное божіе благоволеніе и тайный его закон, всю тварь управляющій; знать то, что есть подобіе в душѣ и в том дѣлѣ, к которому она стремится, каковое равенство между другом и другом, а сходство между пищею и желудком. «Подобное течетъ к подобному». Царствіе божіе и правда его внутрь тварей есть. Никого он не обижаетъ, вливая закон сродностей. Одинъ к одному, другій к другому, сотый к сотому, хотя к подлому званію или ремеслу, но не к безчестному, а для его забавному и полезному, если устремляется с богом, щаслив.

Что тогда бы было, когда бы бог блаженство наше заключилъ в одномъ коем-либо званіи? Тогда бы щастіе ограничено было тѣсною одной стороны и одного только времени. Тогда могъ ли бы бог в одной сторонѣ и в одномъ времени помѣстить весь родъ человѣчій, когда каждому щастіе нужно? Возможно ль, чтобъ в одномъ родѣ пищи или в двоихъ заключилось здравіе? Всемирная божія экономія безчисленную тварь и дыханіе троихъ точію жребіевъ пищу пропитать можетъ ли?

Все то одно: не можно и бесполезно. Если бы было полезно, было бы и можно. А не могли бесполезнаго дѣлать — сія есть неизреченная сила его и власть.

Сколь же теперь премудро дѣлается, что одной твари бываетъ ядомъ и смертію, тое ж для другой ядыю и здравіемъ. Сколько родовъ твари, столько родовъ пищи, и всякое дыханіе имѣетъ внутренній позывъ к сродной себѣ. Когда ж отецъ нашъ небесный столько радитъ о тѣлѣ, тогда о душѣ много больше.

ПРИМѢТЫ НѢКИХЪ СРОДНОСТЕЙ

А ф а н а с і й. Трудно узнать свою природу, а чужую познать и того труднѣе. Узнаешь, да поздно. Черепаха ошибку почувствовала, какъ начала летѣть.

Г р и г о р і й. Не поминай мнѣ трудности в нужномъ дѣлѣ. Нельзя никакъ, чтобъ натура нужное дѣлала труднымъ. Не нужно, сирѣчь не полезно, а тѣмъ-то и трудно летѣть черепахѣ, но не соколу. Трудно-де узнать... Да гдѣ ж тотъ, кто охотникъ узнать? Сложившему крила трудно летѣть и самому орлу. Знаешь ли, что землемѣры узнаваютъ высоту превысокаго фарійскаго терема из одной его тѣни.

Всякая тайна имѣетъ свою обличительную тѣнь. Трудно распознать между дружескимъ и ласкательскимъ сердцемъ, но наружная тѣнь, будьто изъяснительное штекло, и самыя сердечныя закоулки ставитъ в виду острымъ блюстителемъ.

Смотри, когда мальчик, здѣлав для игрушки воловый ярем, налагает оной щенкам или котикам, — не сія ли есть тѣнь хлѣбопашескія в нем души? И не позыв ли к земледѣланію?.. Если припоясует саблю, — не аппетит ли к воинствованію?..

Когда трилѣтній отрок самовольно наслышкою перенимает божественныя пѣсни, любит заглядывать в священныя книги, перекидывать листы, смотрѣть то на таинственных образов картинки, то на буквы, — не сіе ли обличает тайную искру природы, родившія и зовущія его в упражненіе богословское? Невидимая его сила в нас и божество, безпритворными сими твареніями разумѣваема, ясно изображается.

Зачем же блаженство ограничивать в одном житіи родѣ или в двоих?

Бог вездѣ есть, и щастіе во всяком состояніи, если с богом в оное входим. Нужно только узнать себе, куда кто рожден. Лучше быть натуральным котом, нежели с ослиною природою львом.

Ганяться в званіи за доходами есть неложный знак несродности. Не лишишься доходов, если будет в тебѣ царствіе божіе в силѣ своей.

Не чудо ли, что один в изобиліи скуден, а другой в скудости доволен? Видно, что природа больше прилагает хитрости, выльпливая фигуру мурашкину, нежели словову, и дивнѣйшій царствія божія промысл можно видѣть в пчельных роях, нежели в овечьих и воловых стадах.

Бог богатому подобен фонтану, наполняющему различные сосуды по их вмѣстности. Над фонтаном надпись сія: «Неравное всѣм равенство».

Льются из разных трубок разные токи в разные сосуды, вокруг фонтана стоящіе. Меншій сосуд менѣ имѣет, но в том равен есть большему, что равно есть полный. И что глупѣе, как равное равенство, которое глупцы в мір ввестъ всеу покушаются? Куда глупое все то, что противно блаженной натурѣ?.. Боимся голода, не помня, что гаразда множайшіе умирают из пресыщенія. Глупая грусть сама не знает, чего желает. Самое пресыщеніе не от скуки ли? Лучше умрѣть, нежели всю жизнь тосковать в несродностях. Несродность всякія праздности есть тяжелѣе. И легче не ползать, нежели лѣтять, для черепахи. Не ползая, лишается точію сродныя забавы, а лѣтая, стонет сверх того под несродным бременем.

Яков. Слушай, Афанасій! Слышал ли ты басню о дворовом псу и ослѣ, что...

Афанасій. Да, довольно мы третово дни смѣялись, как он, завидуя собачьим ласкавостям, спятился копытами на брюхо хазяину. Как черепахѣ не бывать орлом, так ослу — придворным человѣком.

Ермолай. А скажи, которую награду получил осел, встрѣтившій хазяина придворною ласкавостію?

Афанасій. Тую, что служитель, снявшій с королевскаго платья в присутствіи блоху.

Лонгин. Таковых всѣх точный есть герб —

обезьяна. Дивно, что они ее не вырѣжут на своих печатях. На печати Августа-кесаря была сила: «Festina lente» — «Поспѣшай с совѣтом». А на их печать пристало слово: «Дерзай хоть некстати». Общій наш друг — вы знаете, кто мнѣ в умѣ — описал басню о козліонкѣ и о свиряющем волкѣ, приточив к ней слѣдующее наставленіе: «Tu nihil invita dices facies-ve Minerva», сирѣчь: «Не говори и не дѣлай ничего без благоволенія Минервы». Довелось у его спросить, что значит древняя пословица: «Без благоволенія Минервы»? Отвѣчал: «Не пялся к тому, что не дано от природы», «Без бога, знаешь, нельзя и до порога», «Если не рожден, не суйся в книгочество». Ах, многіе чрез то в вѣчну пали муку, не многих матери породила к школь.

Хочешь ли блажен быть? Будь доволен долею твоей природы.

Самая его аффабулация, вот она:

Tu nihil invita dices facies-ve Minerva. Quae Natura negat, scilicet illa fuge. Si non es natus Musis, fuge discere Musas. Neul multos perdit fistula docti viros. Paucos justa parens Musis Natura creavit. Esse ne vis felix? Sorte quisce tua ¹.

¹ Не говори і не роби нічого наперекір Мінерві. В чому природа відмовляє, того уникай. Якщо ти не народжений для муз, то уникай вивчати муз. Гай-гай! Багатьох мужів губить вчена сопілка. Не багатьох справедлива мати природа створила для муз. Хочеш бути щасливим? Вдовольняйся своєю долею (лат.).

Изрядно великая Россія говорит: «За богом пойдеши — доброй путь найдешь». Видно, что усердно послѣдовать богу есть сладчайшій источник мира, счастья и мудрости. Да знает же всяк свою природу и да ищет, «что есть благоугодно богу». Общество есть то же, что машина. В ней замѣшательство бывает тогда, когда ея части отступают от того, к чему оныя своим хитрецом здѣланы.

СРОДНОСТЬ К ХЛѢБОПАШЕСТВУ

Слушай, Афанасій! Скажи ж теперь, кой ты звѣрок, что за птичка и чем рожден?.. Мнѣ кажется, ты рожден к земледѣльству.

Афанасій. Правда, что я сады, поля, лѣса люблю по природѣ, но отец мой есть точный земледѣль.

Лонгин. Слава богу! Ты к сему родился затѣм, что иные к иному; а они рожденны к другому потому, что ты к сему. Божіе сіе царство есть: не спорь же. Прибирайся пахать землю, заготовлять пищу для людей и скотов, водить стада, или пчелы, или что твой в тебѣ господь повелит. Не бойся: самый в дѣланіи твоем труд будет для тебе сладчайшій, нежели благовонный воздух, чистыи вод поточки, птиц пѣніе, нежели и самыя трудов твоих плоды. Сего ожидает от тебе отечество твое.

Если ж не повинешься господеву, знай, что грусть загризет душу твою средъ позлащенных палат и заплачеш, вспомнив поля зеленыя. Рано скажеш: «Когда тот день пройдет?..» А в вечер скажеш: «Когда тот рассвѣт будет?»

Или скажу тебе Мойсейскими словами: «Будет живот твой висящ прѣд очима твоима, и убоишься в дни и в нощи, и не будеши вѣры яти житію твоему. Заутра речеши: «Како будет вечерь?..» И в вечерь речеши: «Како будет утро?..» От страха сердца твоего, им же убоишися, и от видѣній очес твоих, ими же узриши».

Сіе-то есть жить в тѣлесном изобиліи, а лишиться душевнаго утѣшенія, имѣть господа своего, висяща над очима твоима и не покрывающаго, будто гнѣздо и птенцы своя, но біющаго по сердечным зѣницам, как орел оленя, сидящій на рогах его.

Афанасій. Уже вы другой раз вспоминаете орла с вашим оленем.

Лонгин. Довелось читать, что орел, оленя на пишу убить намѣревая, прежде качается по пѣску, чтобы зассорить крила, потом взлѣтует на оленя и, сидя на рогах, бьет крилами по очам, поколь то ударами, то пѣском обезьочит. А слѣпой олень быстрѣе стрѣлы по холмах стремится и, взбег на стремнины, падает в бездну и разбивается. «Блаженны, слышашіи слово божіе и хранящіи его». Друг мой, Афанасій!..

СРОДНОСТЬ К ВОИНСТВУ

...Может быть, ты воином родился?

Афанасій. Не хочу... Я не воин. Я законник. Гражданскіе законы знать — то мое дѣло.

Яков. Дай бог вам знать законы да и вкус чувствовать. Тать крадет, однак знает закон: «Не укради».

Ермолай. Что до мене надлежит, куда мнѣ мил всяк человек в сродности своей! Не могу довольно насладиться позором, когда он дѣйствует, и его дѣйствіе, как смирна, издает благовоніе. И воином кто рожден, дерзай, вооружайся!.. С природою скоро научишься! Защищай земледѣлство и купечество от внутренних грабителей и внѣшних неприятелей. Тут твое щастіе и увеселеніе. Береги званіе, как око. Что слаже природному воину, как воинское дѣло? Закалать обиду, защищать страждущую и безоружную невинность, заступать обществу основаніе — *правду* — сей есть его пресладкій завтрак, обѣд и ужин. Не бойся: с богом легко тебѣ будет несть голод, жажду, холод, жар, бессонницу, кровокаплющія раны и самый страх смертный, и гаразда легоче, нежели без его противное сему, да уразумѣешь, сколь сильная природа. Сіе воинское горе с богом тебѣ будет во сто раз пріятнѣе ранков и доходов твоих. Ранк носить может всяк, но дѣло дѣйствительно дѣлает один тот, кто природный. Дѣло

и без ранга дѣлом, но ранг без дѣла ничто, а дѣло без бога.

Если ж, званіе божіе презрѣвъ, пойдеш вслѣд своих прихотей и посторонних совѣтников, не забудь проститься навѣк со всѣм утѣшеніем, хотя бы ты схоронился в рогъ изобилія, и, боясь умереть по тѣлу, станеш всеминутно терпѣть душевную смерть.

Отнять от души сродное дѣланіе — значит ее лишить живности своей. Сія смерть есть люта. Знаю, что щадиш тѣло, но убиваеш душу. Сія замѣна есть худа.

Не понимаю, к чему имѣть меч, если не тое сѣчь, на что он выкован. И не разумѣю, к чему носить тѣло, если шадѣть, на то терять, к чему кто им одѣтъ. Повѣрь, что самая Мафусалова жизнь вся пропала и самый есть ад, если не истощенна на то, к чему тебѣ господь твой дал оную. Коль сладкая здравія и лѣтъ трата в главноприродном дѣлѣ! Тогда-то жизнь наша бывает жертвою благоуханія господевы. Опера, книга, пѣсня и жизнь не от долготы, но от благолѣпія и доброты цѣну свою получает. Цѣна всему и благолѣпіе — бог. «Красота в десницѣ твоей...» С богом краткая жизнь исполняет долгія лѣта, а дѣло с ним есть само себѣ верховна награда.

А ф а н а с і й. Но что значит то, что говорят студенты: «Ars perlicit naturam»? ¹

¹ Мистецтво вдосконалює природу (лат.).

Григорій. Правда, что наука приводит в совершенство сродность. Но если не дана сродность, тогда наука что может совершить? Наука есть практика и привычка и есть дочь натуры. Птица может научиться лѣтать — не черепаха.

Куда мы хитры находить вылазку, гдѣ не надобно! Удивительно, что всякая тварь послѣдует создателю предводительству. Один через непослушаніе человекъ глупоудроу дѣлается мартышкою, засмотрѣвся на слѣпую моду, не на мановеніе прозорливья природы. Кто зовет в лѣса и сады род соловьев и дроздов, на поля жаворонков, а жаб в воды и болота? Кто ведет рѣчные потоки к морю? Кто влечет к магниту сталь? Кто устремляет дрожащій пламень выспръ? Сей есть бог наш, всѣми царствующій и всѣм все домостроящій.

Все то сносное, что природное, и симпатія (ὁμοπάθεια) значит природную сносность, касающуюся к дружбѣ, к пищѣ, а паче всего к избранію званія.

Если кто щасливо живет в изобиліи, не потому щаслив, что в изобиліи, но что в изобиліи с богом. А без сего гораздо его щасливѣе природный нищій. Не всѣ рождены к изобилію.

Естли математик, медик или архитектор щаслив, конечно, шастіе тое зависит от природы, родившія его к тому. А без ея он бѣдная и смѣшная тварь. С богом святым низкое возводится, а без его низводится и высокое. Шастіе наше внутрь нас... пускай никто не ожидает шастія ни от высоких наук, ни от

почтенных должностей, ни от изобилия... Нет его нигдѣ. Оно зависит от сердца, сердце от мира, мир от званія, званіе от бога. Тут конец: не ходи далѣе. Сей есть источник всякія утѣхи, и царствію его не будет конца.

СРОДНОСТЬ К БОГОСЛОВІИ

Да умножит же господь царствія своего благовѣстники! Да возобновит время, написанное у Исаи: «Иже до конца не премолкнут, поминающе господа». Да вострубят и возопіют тѣ, о коих сам милостиво изволит спрашивать: «Кіи суть, иже яко облацы летят и яко голубы со птенцы ко мнѣ?» Да возсіяет всевождедѣннѣйшій день оный! «Свѣтися, свѣтися, Іерусалиме!.. Се тма покрывает землю и мрак на языцы. На тебѣ же явится господь».

Сіи проповѣдники, как из червячков пчелы, рождаются из студентов. Студент ли ты рожден? Смотри ж, так ли оно? Ты, может статься, червячок, но подложный: из сих рождаются трутни. Они вначалѣ с великим шумом ведут свой хор, но, наконец, бывают постыдны и изгнанны из дому божія.

Нѣсколько ты, может быть, к сему родился, но главное твое рожденіе для инаго дѣла. И как быть можешь проповѣдником, находясь сам царствію божію противником? Внемли ж себѣ, испытай опасно. Осмотришь исправно... а если оно точно так и не тщеславіе, ни прибыль, но сам господь тебе зовет

врожденною к самому дѣлу любовію, ступай вслѣд его и прибирайся к званію. Оставь все дѣла. Для того ты к сему рожден, что другіе к другому.

Бѣгай молвы, объеми уединеніе, люби нищету, цѣлуй цѣломудріе, дружи с терпѣніем, учись священнымъ языкам, научись хоть одному твердо и будь в числѣ научныхъ для царствія божія книжников, о коих Христос: «Всяк книжник, научивыйся царствію божію...» Вот для чего сіи книжники учатся языкам. Не бойся! Голод, холод, ненависть, гоненіе, клевета, руганіе и всякій труд не только сносен, но и сладостен, если ты к сему рожден. Господь твой — сила твоя. Сіе все здѣлает тебе острѣе и крилатѣе. Устремленіе природы, будто ключевой поток или пламень, быстрѣе рвется чрез препятствія. Привитайся с древними языческими философами. Побесѣдуй с отцами вселенскими. Наконец, пойдеш в землю израилскую, в самый Вифлеем, в дом хлѣба и вина, в священнѣйшій храм библии, поя с Давидом: «Возвеселихся о рекших мнѣ...» Коль опасно входит в сей чертог! Имѣй одѣяніе. Омый руки и ноги. Потом садись за безсмертный стол сей. Но берегись! Не тѣснися в солонку с господином. Помни, что не твоя плотская, но господня есть трапеза. Сохрани тебе бог! Умреш, естли будеш ѣсть кровь. Ёжь кровь и плоть господню, а не твою. «Да благо тебѣ будет и угодно будет пред господом богом твоим». Принимай, но от господа; кушай, но для господа; насыщайся, но пред господем.

Коль многіе жерут, но пред собою, не пред господем. Не дай тебѣ бог вкусить от древа смерти! «Разумѣй, яже глаголю...» Премудрость божія, безспорно, что на наших улицах и средѣ наших стезь, будто лѣствица, утверждена на землѣ стоит, но на высоких краях, и на острѣйших остнах, и на горних горах почивает. «Исходы ея, исходы суть живота, и кто взыдет? Един господь уготовляет хотѣніе».

Коль о многих причастниках можно сказать с Іеремією: «Близь еси ты, господи, устен их, далече же от сердец их».

Печись прежде всего уразумѣть, что значит вѣра. Нѣтъ нужнѣе ея. Но знай, что нигдѣ ее не найдеш, если не выреш искры ея прежде внутри себе. Узрѣв ее, вѣдай, что начал ты соединяться с тѣм: «Господи, очи твои зрят на вѣру». И если не больше оныя в тебѣ будет, как зерно горчичное, тогда щасливо ввійдеш в седмистолпный дом премудрости божія и насладишься на горнем мѣстѣ высоким умом божественнаго слова, плотію твоею облеченнаго, от его ж самага научаясь.

В тридцати лѣтѣх утро истины свѣтатъ начинается. В сих лѣтѣх крещеніе Христово, отвореніе небес, снисхождение святаго духа. «И той бѣ яко лѣтъ тридцатъ». В сем возрастѣ у жидов ставили во священники. Если ж уже ты призапасался хлѣбом Христовым и собылось на тебѣ: «Износит от сокровища своего новая и ветхая». В то время можеш удѣлять друзьям, благодѣтелям, ближним и дальним.

Долго сам учишь, если хочешь учить других. Во всѣх науках и искусствах плодом есть правильная практика. А ты, проповѣдуя слово истины божія, утверждай оное непорочнаго житія чудесами.

Нелзя построишь словом, если тое ж самое разорять дѣлом. Сіе значит давать правила для корабельнаго строенія, а дѣлать телѣгу. Без святости житія корабельным мастером, может быть, можно здѣлаться, но проповѣдником никак нелзя, развѣ мартышкою его. Начало и конец званію сему, природная сила его и печать есть страх божій, всю нечистоту изгоняющій. Сей есть дар божій и ключ, данный от господа. Он один отверзает вход в дом Давидов и в тѣ библейныя внутренности: «В сокровищах спасеніе наше. И отверзет — и не будет затворяющаго, и затворит — и не будет отверзающаго».

Всегда бывает скудное число охотников к божіей истинѣ. Сіе да приводит тебе не в негодованіе, но в сожалѣніе.

Берегись сребролюбія. Помни, что туне пріял еси. Весь твой труд ничто же есть в сравненіи дара сего. Кой ты мнѣ богослов, если сребролюбец... Не думай, что до иных касается слово сіе, кромѣ тебе: «Воззрите на птицы...» Пускай другіе собирают, а твоя часть будь господь. Имѣя пищу и одѣяніе, тут все твое довольство тѣлесное. Богатѣй и собирай день от дня богатство славы божія. «Всѣх отщетишься, — говори с Павлом, — да Христа приобряшу».

Авось-либо достигнеш в силу совершеннаго вос-

кресенія мертвых в землю обѣтованную, в лѣто господне пріятное и в 50 лѣт житія твоего получиши всеобщее от всѣх твоих души и тѣла твоего долгов разрѣшеніе и полное просвѣщеніе тебѣ и ближнему твоему.

А ф а н а с і й. Приказное дѣло — подлинно трудное. А и сіе не без тово...

Я к о в. А я вѣрю, что самый тѣсный, жесткій и крутой путь бывает легким, если сам бог указывает дорогу к намѣренію и, конечно, указывает тому, кого родил к сему.

ХОР ПРИРОДНЫХ БЛАГОВѢСТНИКОВ

А ф а н а с і й. Да гдѣ ж он таков? Покажи хоть одного.

Я к о в. На, вот тебѣ один: «В трудѣ и подвижѣ, во бдѣніих множицею, во алчбѣ и жаждѣ, в пощеніих многаци, в зимѣ и наготѣ...» Пробѣги 11-ю главу втораго письма его к коринфянам и удивишься природѣ его, всѣ горести улаждающей.

Чего не терпит воин или купец? Не сыщешь дня без тмы и свѣта, а года без зимы и теплоты. Не найдешь и состоянія, чтоб оное из горести и сладости не было смѣшенное. Так весь мір стоит. Противное противному способствует. Сладость есть наградою горести, но горестъ — мати сладости. Кто хочет пожинать сладость, да любит прежде горестъ: и уродится сладость, а любит природный.

А ф а н а с і й. Сказуют, в Норвегій день без тмы и свѣта бывает.

Л о н г и н. Кто ж был природнѣе, как сей: «Аз на сіе родихся, да свидѣтельствую истину»? Утружден от пути, сидит при источникѣ и голоден и жажден. 12 часов у них в день считалось. Уже велось около полудня. «Бѣ, яко час шестый». Не было с кѣм завести бесѣду о царствіи божіи. Пришла жена за водою. Вот и случай! Просит пить не для утоленія жажды, но для заведенія бесѣды. Вода стихійная подала повод говорить с несмысленною женою о водѣ живой, о воде божіей, утоляющей жажду нещасных несытостей, день и ночь душу нашу беспокоящих, о коей Исаія: «Измойтеся, и чисты будите». Не устыдился, ни поопасался муж божій со слабым полом богословствовать: авось-либо приведет ее в истинное из суевѣрія богочтеніе, ни к полу, ни к статью, ни к сторонам, ни к мѣстам, ни к временам, ни к обрядам, кромѣ одного сердца, не привязанное, и откроет очи ея к уразумѣнію естества божія, утаеннаго в стихіях, наподобіе ключевой воды, в земном сердцѣх сокрываемой, коея жаждет Давид: «Кто мя напоит водою?» Возвратились друзья с пищею и, зная, что он ничево еще не ѣл, просят, чтоб покушал: «Равви, яждь».

«Моя пища, — сказал учитель, — есть да сотворю волю пославшаго мя».

И голоден, и жажден, и не весел, если не дѣлать и не говорить о том, к чему отец небесный его родил

и послал. Тут его и пища, и питье, и веселіе. Учит в сонмищах, учит в домах, учит на улицах, учит в кораблѣ, учит на травѣ зеленой, на горах, и вертоградах, и на мѣстѣ равнѣ, стоя, и сидя, и идый, и ночью и днем, в городах и селах, в разных предѣлах, каждого и народ мног зѣло.

В несродное себѣ дѣло не мѣшается. «Учителю (просил его нѣкто), поговори брату моему, чтоб дал и мнѣ часть наслѣдія, пускай мене не обижает. Он тебе послушает...» — «Человѣче! Кто мя постави судію или дѣлителя? Мое дѣло учить о царствіи божіи». Каково ж учил? Был ли бог с ним? Я закричу, возвысив глас, с женою, слышавшею его. «Блаженно чрево, носившее тя...» Удивлялись народы, яко николи же бѣ тако во Израилѣ и никогда так не говорил человекъ: столь великая от уст его исходила пріятность.

Яков. Вот вам еще один природный! Говорит бог к Моисею: «Аз есмь сый...» И посылает его в посольство, а он отрѣкается. «Молюся ти, господи, не доблорѣчив есмь». Диво, сколь неторопоко принимается за должность. Знал он свои дарованія, видѣл в купинѣ сіяющую истину, однакъ сам себѣ не вѣрит, дабы, паче чаянія, принявша за несродное, не завел в безпутное народ, а себе в погибель. Да и как не опасно подрядиться показать утаеннѣйшую естества божія истину, ввести в землю таковой же природы, развязать заплутанный в людях путь к точному благополучія центру? Сіе значит испытывать себе.

Может статья, что рожден кто быть воином, но пѣшим, не конным, быть хазяином, но не пахать и не скот водить, быть купцом, но не золотыми торжить товарами, быть учоным, но не евангелія проповѣдником, пушай же и сим, но писателем, не оратором. И конечно бы не отважился без сего гласа: «Нынѣ же иди, и снйди, и возведи люди». И так, чувствуя руку божію, пошел за привѣтствіем Іофора, тестя своего: «Иди здрав». Здравіе и мир душѣ нашей есть послѣдовать господу. Каков же был проповѣдник? Слушай самага бога. «Почто не убоястеса глаголати на раба моего Моисея? Не воста к тому пророкъ во Израили, яко же Моисей. Не отемнѣсть очи его, ни истлѣста устнѣ его».

Ермолай. Кто дерзнет из числа проповѣдников исключить свѣтилника слова, чрез всю жизнь гласившаго сіе: «Покайтесь...»? Не был он свѣт, но имѣл и любил в себѣ свѣт, свидѣтельствовал и ходил во свѣтѣ, окончав в нем и за него теченіе жизни своей. Свидѣтельствовать о свѣтѣ — значит благовѣстити истину, правду и царствіе божіе внутрь нас. Проповѣдует в пустынѣ, благовѣстит, кому может, и в селеніях сей до конца цѣломудріе возлюбившій пустыножитель.

«Бысть человекъ послан от бога». Вот свидѣтельство о сродности его, но он и сам о себѣ признает: «Да явится (Христос) Израилеви, сего ради прійдох...»

Каков же проповѣдник? Сам господь одобряет.

«Не воста в рожденных женами болій. Мнози о рождествѣ его возрадуются».

Яков. До сего рода надлежат всѣ пророки. Иной с них вопіет: «Бысть слово господне ко мнѣ». Иной: «Бысть на мнѣ рука господня». Иной: «Господь посла мя прорещи». Иной: «Слышах глас словес его». Иной: «Слух слышах от господа». Иной: «Рече ко мнѣ ангел, глаголяй во мнѣ: «Востани и иди и проповѣжд». «Рцы, сыне человекъ». Всѣ сии святыи божіи не были из числа тѣх: «Не посылах пророки, а они течаху», «Не глаголах к ним и ти пророчестваху», «Не слушайте словес пророков», «От сердца своего глаголют, а не от уст господних».

Григорій. Вот вам еще дюжина рожденных к проповѣди! «Призва, их же хотяше сам, и приидоша к нему, и сотвори дванадесяте; да будут с ним и да посылает их проповѣдати и имѣти власть цѣлити недуги и изгонити бѣсы. И нарече Симону имя...» Искаріотскій тут же. Да познаем, что невозможно, дабы между сродными не нашолся несродный, и напротив того, и да устрашит нещасная сего ученика дерзость всѣх, по сребролюбію и тщеславію устремляющихся к дѣлу апостолскому. И сіе-то значит: «Призва, их же хотяше сам». Видно, что не от смертных сіе зависит. Сам призывает, сам посылает и имена дает: «Их же и апостолы нарече». Даются Симону и Савлу новыя имена. У смертных часто именем величаются неимущіе существа его. У бога не так. У его имя и существо есть тожде-

ством; как только назвал, так вдруг и естество дал. Как только сказал: «Да наречется свѣтъ!», разумѣй: «Да будет свѣтъ!» Когда слышиш: «Апостолы нарече», разумѣй: «Вы есте свѣтъ міру». Быть и называться раздѣляет наша ложь, а не божія нераздѣльная истина. Если дана свыше твердость алмазу, прозрачна зелень смарагду, если сапфир родился с голубым, анфракс с блистательным, как огонь, сіяніем, — назови, как хотиш, но естества его не тронеш. Что ж сильнѣе — бог ли, или ты, называя сущее несущим и противляяйся богу, «животворящему мертвыя и нарицающему не сущая у тебе, яко сущая у себе». Бог, раждая, вливает существо, силу и естество, а сим самим нарицает.

Пустое имя без существа подобное виноградному гроздю, на стѣнѣ живописью хитро изображенному. Он, накрашен, видом сущаго грозда обманывает, общая сокровенный внутрь себе зрѣлый вкус сладкаго муста, а безразсудныя птички, прилѣтывая, бьются в нѣмую стѣну.

Если чем-то хочеш славиться, будь по естеству тѣм. Бытіе и слава имени, как доброе зерно с вѣтвями, как источник с потоками, как солнце с лучами, есть нераздѣльное, а тщеславіе — как трава, на кровлях растущая, прежде исторженія сохнущая.

Но от тебе ли зависит взять бытіе? Можеш ли быть служителем при боку его? Не можеш ни чрез себе, ни чрез другаго. Вот кто силен! «И сотвори дванадесяте, да будут с ним». Сотворить, призвать,

назвать, послать, дать власть — зависит от рождения, а сіе от царствія божія. Теперь отгадай, что значит: «Павел зван апостол». Да кѣм? Ни от человекѣ, ни человекѣм. Но Иисус Христом и богом отцем.. Нелзя было не позвать на то рожденнаго: «Бог избравый мя от чрева матере моея...» Как можеш цѣлить недуги, не имѣя власти? Откуда ж власть, когда ты не послан от бога? Как послан, если не наречен? Как наречен, если не зван? Как же зван, если не на то рожден? Вспокойся, не твое дѣло. Чуть ли ты не брат нахаду тому: «Учителю, иду по тебѣ».

Скажи мнѣ, откуда толикой безбожія потоп? Откуда суетвѣрія, лицемѣрія и ереси? Откуда у христіан ругательство священныя библии? Где раченіе сладчайшія дружбы? Гдѣ согласіе дражайшаго мира? Гдѣ живость сердечнаго веселія? Кто безобразит и растлѣвает всякую должность? — Несродность. Кто умерщвляет науки и художества? — Несродность. Кто обезчестил чин священничій і монашескій? — Несродность. Она каждому званію внутренній яд и убійца. «Учителю, иду по тебѣ». Иди лучше паши землю или носи оружіе, отправляй купеческое дѣло или художество твое. Дѣлай то, к чему рожден, будь справедливый и миролюбный гражданин, и довлѣет. «Учителю, иду по тебѣ».

Не ходи... Сего не довольно, что ты остр и учон. Должно быть другом званію, не любителем прибили от него. Сему одному не будет должность орудіем лакомства. Развѣ не учен Симон-волхв? Волхв

значит мудреца. Развѣ не был остр? Вся Самарія проповѣдывала: «Сей есть сила божія великая!» Схватила мудреца лихорадка имѣть духа святаго и подавать людям по-апостолску. Что ж сему востряку отвѣчает Петр? «Нѣсть ти части... Сердце твое нѣсть право...» Дать и взять для сребра должность — равная бѣда. С такимъ сердцем, хотя врачуеш страсти и изгониш бѣсы, не радуйся. Хотя ангелскими языками проповѣдуеш, не годишся. Пускай многіе народы на золотѣ напишут: «Сей есть сила божія велика — пустая пустошь».

Если, по пословицѣ, на должность мостишся, как коза на кровлю для того, чтоб чрез нея вскочить на кучу изобильнаго тщеславія, видно как в зеркалѣ, что ты не к должности усерден, а посему и не рожден, слѣдственно, и не записан на небесѣх, развѣ у людей.

Не слыть у людей, но быть благовѣстником с богом и у бога — сіе есть дѣлно, как написано: «Бѣ бог с ним», «Радуйтесь, яко имена ваша...», «Учителю, иду по тебѣ». Вижу в тебѣ корень желчи и горести. Вижу в сердцѣ твоем сѣмя сребролюбія. Не обновляться духом сватым, но чтоб торжить сим сокровищем и повесть себе великолѣпно, сего ради бѣшено жаелаеш божественнымъ знаніем прославиться. «Покайся о злобѣ твоей».

Куда нелѣпой вздор! Лѣсницу, возводящую от земныхъ подлостей, обращать на снисхожденіе в бездну. Не сіе ли значит даннымъ для живота хлѣбом за-

давиться? «Шед удавился». Если любиш прибыль, ищи ее приличным путем. 1000 на то пред тобою благословенных ремесл. «Учителю, иду по тебѣ». Иди... и будеш естества лишенный чучел, облак бездождный, прелестная денница, сатана, с небесной должности к подлым похотям падшій. «Им же мрак темный вовѣки блюдется».

Лонгин. А иной рад бы убѣжать с Іоною, но влечет бог: «Востани и иди в Ниневію и проповѣдь». К иному сам говорит господь: «Ходи вслѣд мене». По крайней мѣрѣ дай погребсти отца... «Остави...»

Не пушает и проститься с домашними. И подлинно. Управляеш ли ралом? — Не оглядайся назад. Родился ли в проповѣдь? — Брось все житейское. А иначе и природный не годишся. Пушай всяк дѣло свое знает. Ты же возвѣщай царствіе и старайся быть в числѣ сих: «Блаженны очи видящи, яже видите». А дабы получить мзду сію, нужно прежде поработать в божіем виноградѣ. К природным говорит: «Идите в виноград мой».

Коль скудное число сродных дѣлателей! Отводит их лукавый мір, плѣнив плотскими науками и книгами, славу и прибыль общающимися, отвлекая от безневѣстных невѣсты оныя: «Вся слава дочери царевы внутрь». Если кто почувствовал обман, да не стоит на пути чуждем, да спѣшит в виноград и да слышит: «Что стоите праздны?»

Виноград господа Саваофа есть библия. Ум остр

во многих, но не обучились разсуждать. Иные цмѣют обученны чувства долгим учением, но не имѣют неутомимой охоты. Сыщеш и охотников, но связаны житейскими печальми. Найдеш и вольное сердце, но без страха божія. Всѣ сии средства без природы мертвы, но и природа без них безоружна. Видите, сколь трудно поднять змія, как обѣщал господь: «Змія возмут». С помянутых четырех средств нужнѣе страх божій. «Блажен муж, иже в премудрости умрет». Но там же сын Сирахов скажет: «Бояйся господа сотворит сіе и держайся закона, постигнет ю». Однак нужно имѣть и вольное сердце, по его ж слову: «Умалаяйся дѣяніем своим, упримудрится». Сіе он твердит и в другом мѣстѣ: «Дѣла правды его кто возвѣстит?», «Умалаяйся сердцем, размышляет сія». Умалаяйся сердцем и дѣяніем — значит то же.

Афанасій. Развѣ ж сердце и дѣяніе значит то же?

Лонгин. А ты доселѣ не знаеш, что сердце есть мыслей бездна? А мысли — сѣмена и источник дѣйствіям? Умалаяющееся сердце значит не зарослое терніем житейских печалей и дѣл, а готовое к снисканию правды божія: «Упразднитесь и разумѣйте».

Посему-то вседушный искатель бывает нищ, воздержан и пустынолюбный. Для сего добрый книгочій держан и пустынолюбный. Для сего добрый книгочій учится, а добрый схоластик от дѣл книгочтенію учится, а добрый схоластик от дѣл упражняется. Скажем с сыном Сираховым: «Чем умудрится держай орало?» Мысли его и разговоры

о быках, о нивах, о скотском кормѣ. То же разсуждать о протчих. Правда, что общество без них не населится, но быть они не могут в совѣтъ, все в порядкѣ содержащем. «Точію-де вдающій душу свою и размышляющій в законѣ вышняго премудрости всѣх древних взыщет и в пророчествіих поучатися будет, повѣсти мужей именитых соблюдет и во извиція притчей совнідет, сокровенная притчей изыщет и в гаданіи притчей поживет, посредь вельмож послужит...»

Для сего не велит господь Аарону имѣть грунт. «Аз часть твоя и наслѣдіе твое». Да блюдет скинію, да роют священныя книги.

Афанасій. Итак, бѣдныя твои проповѣдники остаются нищими?

Лонгин. Совсѣм нищими, чтоб были готовы. Но сіи нищіе благовѣствуют. Сам господь учит их. «Приступиша к нему ученицы его, и отверз уста своя, учаше их». О сих-то умаляющихся сердцем и дѣяніем сказует: «Блаженны нищіи духом...» Они-то плачут, алчут и жаждут царствія божія и правды его, кротки, лишены, гонимы, поношаемы, но имѣют же мзду свою с Петром: «Сребра и злата не имам...» и со Іисусом Сираховым: «Даде господь языкъ мнѣ, мзду мою, и тѣмъ восхвалю его». Послушай, вот нищій хвалится мздою! «Уготовася мнѣ вѣнец...» Куда охотник до премудрости был сын Сирах! «Еще юн сый, прежде неже странствовати ми, исках премудрости явѣ в молитвѣ моей». А сіи

слова не чудною ли дышут горячностью? «Боряшеся душа моя о ней», «Возвеселися сердце мое о ней», «До послѣднихъ взыщу ея...», «Предупряніе бысть мнѣ в ней...»

Но живѣе всего изображает сродность его сіе: «Даде господь языкъ мнѣ, мзду мою, и тѣмъ восхвалю его». Видно, что не для кошелька учился, но было ему любезнѣе, какъ достать сіе с Исаіею: «Господь дастъ мнѣ языкъ наученія...» И с тоєю: «Мед и млеко подъ языкомъ твоимъ», «И начаша глаголати иными языки...». Сію премудрость, познавающую и любящую господа своего, называетъ Соломон долготою житія, древомъ жизни, вѣрою, правдою, миром, молитвою, богатствомъ и славою, красотою молодцамъ, а старикамъ сѣдиною. «Лѣпота юнымъ премудрость, слава же старымъ сѣдины».

Нѣсколько символов,
сирѣчь гадательныхъ
или таинственныхъ образовъ,
изъ языческой богословіи

Не хочется мнѣ с вами растаться. Забавно для мене сказалъ тотъ, кто дружескую в путешествіи бесѣду назвалъ возкомъ. Жизнь наша есть путешествіе.

Григорій. Прошу из сада в мою горницу... Правда, что дружеска бесѣда есть возокъ, путника облегчающій. А тѣмъ онъ лучше, когда катится на

колесах пророческих. О колеса! О сладчайшая вѣчносте! Щаслив, кто взор свой приобучил к свѣтозарному твоему блистанію. Сей почаще взглядывает и вкушает от тебе. Вот точная манна! А зерно ея мѣлкое, как коріандр, разными любителям своим пріятностями вкус услаждает, как дражайшій алмаз, мечет в очи молнію разнаго цвѣта. Кто хочет облегчить несытость свою без ея, тот чаёт горстью пѣска забросать бездну окіана, а каплею прохладить огненное царство, объщая душѣ своей пространную роскошь, заключив ея, как орла, в тѣсну яскиню и не разумѣя, что

Бездна дух есть в человѣкѣ,
Водъ всѣхъ ширшій и небес.
Не насытишь тѣмъ вовѣки,
Чемъ плѣняетъ міръ сей весь.

Но чувствуя жало ея, наставляющее нас в выборѣ пищи, дружбы и званія, помаленьку узнавать ея, будто из букваря, обучаемся.

Афанасій. Ба! Откуда у тебе столько новых картин? Смотри: вся горница ими одѣта.

Яков. Не удивляйся: разумнымъ людямъ мудрая картина есть планомъ, представляющимъ обширность цѣлой книги. Картина есть книга нѣмая, но, как вижу, здѣсь они не нѣмы, всѣ говоры.

Афанасій. Фе! Они всѣ, как вижу, языческая грязь...

Григорій. Пересмотрите, для сего я вас позвал. Но не ругайте. Они мнѣ всѣ любезны.

Ермолай. Если бы в твою горницу пришол младоумный христіанин, почел бы тебе идолотцеом.

Григорій. Чистое небо не боится молніи и грому.

Афанасій. Что за вздор! Вкругъ звѣри, птицы, лѣса, горы, скоты, воды, рыбы, гады и протч. и протч., будьто рай паганскій.

Григорій. Я с Петромъ святымъ все сіе рѣжу и в сладость с богомъ кушаю; с нимъ ничто же есть скверно.

Афанасій. Пожалуй, не все глотай. Пожалѣй хоть горъ с деревьями. Посмотримъ на первую, что над дверьми. Что за птички сидятъ на цвѣтушихъ вѣтвяхъ?

Григорій. Соловей с своими дѣтьми учит ихъ пѣть.

Яков. А прочитайте, что говоритъ картинка?

Григорій. «Родители суть наши лучшіе учителя». Судите, не прекрасная ли пѣснь? И не должно ли почитать предковъ нашихъ законы? Извѣстно, чего учитъ насъ мати наша библія.

Ермолай. Взгляньте сюда. О бѣдненькой олень! С вонзенною в тѣло стрѣлою страдаетъ возлѣ холма, полстрѣлы в язвѣ, пропалъ он. Кто пособитъ?

Яков. Не бойся! Развѣ не видишь, что траву кушаетъ? Она ему выгонитъ вонъ стрѣлу. Сія трава у древнихъ еллиновъ звалася *δίκηταμος*¹.

¹ Ясенець (грецьк.).

Ермолай. И так стрѣлец ничево над ним не успѣл? Хотѣл бы я знать, кто его учит цѣлбы сей?

Яков. Развѣ не видиш, что сей тебѣ говорит олень? Природа превосходит науку. Вот кто его учит! Самый лучший учитель.

Афанасій. А протолкуйте мнѣ, что се за пирог, что ли?

Лонгин. Гдѣ тебѣ пирог? Конечно, севодня мало ты ѣл. Се раковина, или черепашка, или устрица. Откушай ее, она говорит самое премудрѣйшее: «Ищи себе внутрь себе». Все ея добро внутрь черепа сохраняется.

Афанасій. О, право, вкусная черепашка... Ба! Да ты, брат, и слона кушаешь?.. Хлѣб да соль...

Григорій. Нѣтъ его вкуснѣе и здоровѣе. И вас милости просим. Он мене укрѣпляет искать щастія в богѣ. А дабы я бога искал внутрь себе самаго, к сему оправляет мене устрица моя.

Афанасій. Начто ж он вгору поднимает хобот?

Лонгин. Ожидает поздравить восходящее солнце. Вон смотри! Лучи из-за гор выникают. Описатели звѣрей пишут, что слоны каждый день громадою собираются пред восходом солнца и смотрят на восток. Не живой ли сей образ челоуѣка благочестиваго? А для чего не уподобить его слону, если пророк Малахія уподобляет быку? «Возсіяет вам, боящимся имене моего, солнце правды и исцѣленіе

в крылѣх его. И изыдете, и възиграете, яко же телцы, от уз разрѣшѣнны».

Григорій. Прочитайте ж слóново поздравленіе солнцу.

Лонгин. «Заутра предстану, ти и узриши мя», «Не пребудут беззаконныи пред очима твоима».

Афанасій. Я люблю горы, дубровы, источники, вертограды.

Ермолай. Кто се таков? Какой-то молодчик. Конечно, пить хочет. Наклонился в источник...

Яков. Вот несчастный Нарцисс! О бѣдненькой! Конечно, он не раскусил сея притчи: «Не красна хата углами, а живопись красками». В чистом источникѣ засмотрѣлся на благообразную свою кожу, а не вникает внутрь, в самое сердце свое, и в тайное руководство блаженныя натуры, могущія его наставить на путь мира; тѣмь губит себе, что любит себе.

Лонгин. Нарцисс изрядная статуа и живая фигура чтущих библию, но одну в ней тлѣнь свою видящих, а не проникающих в сокровенное под тлѣнію, не слышащих Мойсеа: «Слыши, Израилю!», «Воньми себѣ, внемли себѣ...», «Господь бог твой посредѣ тебе».

Григорій. Не узнав себе, как узнаеш библию? Кто дома слѣп, тот и в гостях. О Нарцисс! Премудрая твоя пѣсенька, но не разумѣеш ея; я ж твою пѣсню воспою тебѣ же. «Узнай себе. Заглянь внутрь».

Афанасій. Воля ваша, не могу узнать сего

хвостатаго звѣря: бѣжит и оглядывается, схож на волка.

Яков. Бобр, отгрыз сам себѣ ядра, бросив, убѣгает. Вон, смотри! Охотники гонят его.

Афанасій. Начто ж он, дурак, портит сам себе?

Яков. Охотникам нужны одни его ядра для аптекарей. Ничего не щадит, только бы успокоить себе. Вот пѣсня его: «Только бы не потерять сердца».

Афанасій. Не очень глупа замѣна. Весь міръ не заплатит успокойствія сердечнаго. «Веселіе сердца — живот человѣку».

Ермолай. Взгляните на горящую свѣчу. Что она значит?

Лонгин. А вот видиш: лѣтает около свѣчи ночной метелик.

Ермолай. Развѣ он любит свѣчу?

Лонгин. Возможно ль, чтоб ночной твари нравился свѣтъ?

Ермолай. Кой же бѣс несет его к несродному? Развѣ надѣется от товарищей награжденія, если угасит свѣтъ, очи их ослѣпляющій?

Лонгин. Может быть и то, но прежде сам ожжется. Вот прочти внизу ему награжденіе: «Охота моя погубляет мене».

Афанасій. Смотри! Собаки на горѣ рвут оленя... Но сей олень в человѣчом одѣяніи: что за вздор?

Яков. Бѣдный Актеон превращается в оленя. Вот при источникѣ моется с служанками Діана. Она

его передѣлала в звѣря, чтоб охотника свои ж собаки загрызли. Зачем ему итить из сеяенія? Некстати ему видѣть чистую дѣву. Дал бы бог, чтоб сію басню раскусили монахи! Не всяк рожден к уединенію и умозрѣнію. Праздность, грусть, тоска, ах, многих погубила! Олень есть та ж скотина, только что в лѣсу живет. Библиа есть то же, что сфинкс. Она портит и мучит не познавшего самаго себе и слѣпца в собственном домѣ своем. Древній дурак Иксіон ухватился за пустой облак, осѣняющій сестру Діеву, вмѣсто ея. А на Актеона, вмѣсто сладчайшія Діаниной любви, попала месть и клятва потопнаго языка. Вот что дѣлают «враги человѣку — домашніи его».

Лонгин. Здѣсь тщеславный Фаeton с шумом и с колесницею с небес низвергается. Достоин! Достоин... Сѣл не на своем мѣстѣ, презрѣвъ совѣтъ отческій. «Досажденіе мужа смиряет» (Притча). Досажденіе значит противиться отцу. Сей подобен Іаковлю, сыну Симеону, отцовское ложе осквернившему и от отца проклятому. Да внимают сіе нахально засѣдающіе в званіи; пускай ражжуют и тѣ, кои тащатся с своею грязью на колесницу божію, рожденную возить одну точію вѣчность кіота господня.

Ермолай. О, прекрасный холм приосѣненный. Что за птички сидят на сухих вѣтвах?

Лонгин. Пѣсня сея птицы дает знать, что пустынолюбная горлица с своими дѣтьми въздыхает о своем супругѣ. Пѣснь ея из Исаи: «Воспою воз-

любленному пѣснь». Вот под деревом лежит ея любезный мертв! А от его богатый ключ качает струн вод под гору на луга... Сей есть портрет библии. Сія колесница одного носит, а сія вдова одного точно любит и воздыхает: «Бог любви есть».

Григорій. Скажи мнѣ, Афанасій, чего ты все смѣешься? Я давно примѣтил. Что тебѣ смѣшно?

Афанасій. Смѣюсь твоим купидонам. Ты их множество собрал, помѣшав дѣло с бездѣльям, а христіанство с язычеством.

Григорій. Не опасайся, друг мой. Вся чиста чистым. Баснословныя древних мудрецов книги есть то самая предревняя богословія. Они так же невещественное естество божіе изображали тлѣнными фигурами, дабы невидимое было видимым, представляемое фигурами тварей. Скажи, каким образом изобразишь мнѣ нетлѣннаго духа существо, если не младенцем крилатым? Крила его значат непрерывное, всю вселенную движущее движеніе, а младенство намѣчает в нем то: «Ты же тойжде еси...» Может быть, отсюда родилось и имя сіе «бог», что движенія, вселенную движущаго так, как рѣки текущія, есть бѣг непрерывный.

Если сіе изображеніе хулишь, скажи мнѣ, много ли ты разумѣешь Лотово с дочерьми пьянство? Иероним называет сіе баснею. И, конечно, она тайнообразная, если богословская. Всей библии предметом сам только один бог. Тут ей конец до послѣднія черты. Без его она и лжива, и дурна, и вредна, а с ним вкуснѣе

и прекраснѣе всѣх невѣст. Онъ свѣтъ ея грязи, как честь алмазу блеск. Ты ж слышал, что и Малахія поминает какія-то божественныя крила: «Исцѣленіе в крилѣх его», «Яко орел, покры гнѣздо свое». И невѣста о братней любви скажет: «Крила ея — крила огня». Купидон — значит желаніе, еллински — *эрос*. Мудрецы их означали сим то, что самое любезнѣйшее в мірѣ и благородное. Не знаю, друг мой, что такое разумѣешь чрез сіе слово, а мнѣ дай волю разумѣть с невѣстою того: «Гортань его — сладость, и весь желаніе», «Бог любви есть».

Были и тогда, и нынѣ, и всегда мудрствующіе подло. Если называешь купидона бѣсом, не спорю... Дай же мнѣ в сем рыкающем львѣ сыскать сладость сота, а в исполинѣ — корысти. Развѣ ты никогда не слышал, что такое к просвѣщающемуся Иерусалиму вопіет Исаія: «Иссеши млеко языков», «И поймут их языцы, и введут на мѣсто их, и наслѣдят, и умножатся на земли божіи».

Видишь, что Израиля и языцы ведут на мѣсто его. Если ж сего не знаешь, то, конечно, слышал то: «Аще и что смертно испіют, не вредит их». Всякая ж фигура есть смерть и яд языческой, если не исходит из нея дух того: «В воню мира твоего течем», «Гортань его — сладость...». Просвѣщенное духом господним сердце взором маленькой травки и крошечнаго червячка возводится к чувству *вѣчнаго*, будто уксусное гнѣздо, все влитое к себѣ, в уксус превращая, — не точно языческими баснями, которыя тебѣ

и прекраснѣ всѣхъ невѣст. Онъ свѣтъ ея грязи, какъ честь алмазу блеск. Ты жъ слышалъ, что и Малахія поминаетъ какія-то божественныя крила: «Исцѣленіе въ крилѣхъ его», «Яко орелъ, покры гнѣздо свое». И невѣста о братней любви скажетъ: «Крила ея — крила огня». Купидонъ — значитъ желаніе, еллински — *ἔρος*. Мудрецы ихъ означали симъ то, что самое любезнѣйшее въ мірѣ и благородное. Не знаю, друг мой, что такое разумѣешь чрезъ сіе слово, а мнѣ дай волю разумѣть съ невѣстою того: «Гортань его — сладость, и весь желаніе», «Богъ любви есть».

Были и тогда, и нынѣ, и всегда мудрствующіе подло. Если называешь купидона бѣсомъ, не спорю... Дай же мнѣ въ семъ рыкающемъ львѣ сыскать сладость сота, а въ исполинѣ — корысти. Развѣ ты никогда не слышалъ, что такое къ просвѣщающемуся Іерусалиму вопіетъ Исаія: «Иссеши млеко языковъ», «И поймутъ ихъ языцы, и введутъ на мѣсто ихъ, и наслѣдятъ, и умножатся на земли божіи».

Видишь, что Израиля и языцы ведутъ на мѣсто его. Если жъ сего не знаешь, то, конечно, слышалъ то: «Аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ». Всякая жъ фигура есть смерть и ядъ языческій, если не исходитъ изъ нея духъ того: «Въ воню мира твоего течемъ», «Гортань его — сладость...». Просвѣщенное духомъ господнимъ сердце взоромъ маленькой травки и крошечнаго червячка возводится къ чувству *вѣчнаго*, будь то уксусное гнѣздо, все влитое къ себѣ, въ уксусъ превращая, — не точію языческими баснями, которыя тебѣ

читать и не совѣтую. Я не виноват, что ты беззубый: и за сіе тебе не укаряю. Много жрать, а мало жевать — дурно. Но: «Не ядый, ядушаго да не осуждает».

Ермолай. Взгляньте, пожалуйста, на -великолѣпну гавань, издали видну. А за нею на высокой горѣ богатый город, смотрящій на широту морскую. Без сумнѣнія, к той-то гавани плуют три корабли сіи с поднятыми флаками, управляемы купидонами.

Лонгин. Смотри же, коль приличное сія картина говорит: «Господь права сотворит теченія твоя» (Притча).

Ермолай. Вот два прекрасные мальчики! Конечно, они купидоны. Один другаго на раменах несет. Должен носимый носящему благодарить.

Лонгин. Но еще больше одолжен носящій носимому другу.

Ермолай. Для чего?

Лонгин. Для того, что носящій слѣп, а носимый очит. Един человек из двоих составлен. Подпись из Павла: «Прилѣпляйся господеву, един дух есть с господем».

Ермолай. Помогите сему трудолюбцу: упадет под бременем. Купидон цѣлюю на раменах таскает систему міра.

Лонгин. Не бойся.

Яков. Не опасайся! Он в одной десницѣ и всѣ Коперниковы міры в забаву носит лучше Атласа. А кто он? Се тот, что спрашивает Іова: «Гдѣ был

еси, егда основах землю?» Но кто скажет, что значит круг міра, со всѣх сторон пронзен стрѣлами?

Григорій. Что есть стрѣла, если не стремленіе? Что ж есть стремленіе, если не божіе побужденіе, всю тварь к своему мѣсту и своим путем движущее? Сіе-то значит составлять мір и сей машинѣ движеніе давать. Древнѣйшее любомудрцов реченіе: «Любовь составляет мір». Поминает о сем и Цицерон в книжечкѣ о дружбѣ. Тот же вкус и в тѣх рѣчах: «Omnia vincit amor» — «Все побѣждает любовь». О сей-то преблаженной и всем влаждующей любви и симпатіи невѣста в «Пѣснѣ пѣсней»: «Крѣпка, яко смерть, любовь, жестока, яко ад, ревность; крила ея — крила огня; угліе огненное — пламы ея».

Теперь наперстниково слово само изъяснилось: «Бог любви есть». Я так же разсуждал о ангелах природы, называемых у древних *геніос*, коим они приносили приношенія, дабы сіи ангелы были вождями в дѣлах житія их.

Ермолай. Сей мальчик без крил, увѣнчан цвѣтовым вѣнцем, держащій рог изобилія, чуть ли не ангел природы.

Григорій. Так. Но не бѣшенством ли пахнет приносить хранителю своему ладан, вино, цвѣты, а не послѣдовать ему туда, куда ведет божій сей наставник? Самая их Минерва, когда то же есть, что натура, тогда видно, для чего поставили ее начальницею всѣх наук и художеств? Знать-то, что всѣ науки и всѣ книги родились от тѣх, кои за то прини-

мались, самою начальницею руководствуемы. Между тѣм, разбирая древних любомудрцов, тайно образующія божію премудрость картины, не видите на главнѣйшем мѣстѣ, будто всѣми ими образ владѣющей Христов.

Вверху написано: «Образ ипостаси его».

Внизу: «Иисус Христос вчера и днесь...»

В кругѣ, окружающем главу его, сіе:

ⲠⲚ̅ сирѣчь: СЫИ.

На взаимном мѣстѣ — образ пречистыя матери его, вѣнец ея от звѣзд; под ногами — луна, система міра и змій, держащій во устах яблоко; но в руках ея цвѣт лиліа, а в сердцѣ сіяніе святаго духа, задумчив и цѣломудренный взор.

Вверху надписано: «Сотвори мнѣ величіе, сильный».

Внизу:

«Радуйся, честнаго таинства двери!

Радуйся, премудрых превосходящая разум!

— Радуйся, вѣрных озаряющая смыслы!»

АРХИСТРАТИГА МИХАИЛА СО САТАНОЮ
О СЕМ: ЛЕГКО БЫТЬ БЛАГИМ

НАПИСАННА В 1783-м ЛЬТЬ

Возлюбленный друже Михаиле!

Прійми от мене и сію книжечку в дар тебѣ, именем твоего же тезоименита печатлѣнную. Аще имя Михайлово пріял еси, прійми и сердце его, воспѣвая из книги царственных пѣснь оную: «Сердце мое твоим, твое же есть моим». В то время, о Михаиле, сущій еси друг, хранителю твоему Михаилу, единосердечно восклицая: «Кто яко бог?»

Я сію книжечку начал в Бурлѹках, кончил в Бабаях. Не орю убо, ни сѣю, ни куплю дѣю, ни воинствую, отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дѣю? Се что! «Всегда благословяще господа, поем воскресеніе его!»

Се моя дѣжа и надѣжа! Что ли убо есть воскресеніе? Воскресеніе есть вся земля Израилева. Прямо сказать, весь библичный мырик, новая и древняя Ева. В сей землицѣ спаше Іяков с покоем. Како же

не с покоем? Самый камень был ему вмѣсто подушки. Самая жестость была ему мягкостію тамо, гдѣ по нем Сампсон нашел *соты*. Ей глаголю! Обрѣтох и аз. *Тамо* и сам я покоюся, наслаждаюся, веселюся. Пою со Мароном: «*Deus vobis haec otia fecit*» — «Бог нам сіе празденство даровал».

Паче же пою с моим Давидом: «Аз уснух, и спях, и востах», и с моим Исаіею: «Покой нам дал бог на горѣ сей». Не знаю, что то разумѣет Плутарх чрез свою Надежду (нарицаемую у его) Піндарскую. Он ее творит долицею старцам. Сіе же вѣм воистину, яко старцы оныи Соломоновы: «Вѣнец хвалы, старость...» и протчая, — кормятся, сосуще сосца двоих матерей и безневѣстных невѣст — праматери Евы и матери Маріам, яко же есть писанно: «Сосаша мед из камня» и «тамо дам тебѣ сосца моя». Речеши, почто убо не всѣ в сей земелькѣ наслаждаются, но алчут, ропшут и кленут ее?

Отвѣтъ: Того ради, яко сія земличка имѣет *двѣ части* — долнюю и горнюю, здѣшнюю и тамошнюю, прокляту и благословенну, бѣсовску и господню, аки два сосца и два источники. «Изыйде Іаков от студенца клятвеннаго». Внял ли еси? «И иде в Харран». Внял ли еси? «И обрѣте мѣсто». Внял ли? «И спа тамо». Внял ли еси? Аще бы равная мѣста, не бы искал втораго и не шел бы от здѣ. Не всуе и Исаіа: «Не точію, — рече, — в землѣ сей, но на горѣ ея». Тамо! Речеши, кто убо благою часть избирает?

Отвѣтъ: Сего убо ради сія книжечка изводит на поднебесный позор два сердца: ангелское и сатанское, борющаяся между собою. Сія два царства в каждом человѣкѣ дѣют вѣчную борбу. Егда же чистое сердце одолѣло злбную бездну, тогда врата адава сокрушаются. Рѣшатся плѣнники. Открывается путь на оную воскресшую из бездн гору: «Кто взыйдет на гору господню?» Кая же сласть и утѣха на горѣ той? Возвѣсти нам, о Исаіе! «Покой даст бог на горѣ сей». О, довольно! Еще ли что-то? «Испіют-де вино. Испіют радость на горѣ сей». О, предовольно! «Помажутся-де миром на горѣ сей». О, предовольно, довольно! Се гдѣ наш Іаков покоился! «И спа тамо». Спа в Харранѣ, во градѣ любви спа. «Тамо дам тебѣ сосца моя».

Видиши ли, возлюбленне Михаиле, се гдѣ покоится друг твой! Старец Варсава Даниил Меингард. Аминь!

Іюня 19-го, 1788-го года

ГЛАВИЗНА ТВОРЕНІЯ

«Убьет дракона, суцаго в мори» (Исаіа).

«Како спаде денница!»

«Кленущу нечестивому сатану, сам кленет свою душу» (Сирах).

«Дондеже день озарит и денница возсіяет в сердцах ваших» (Петр).

БОРБА И ПРЯ О ТОМ:
ПРЕТРУДНО БЫТЬ ЗЛЫМ,
ЛЕГКО БЫТЬ БЛАГИМ

Возлетѣвъ нетопырскими крилами сатана из преисподних в горня, остановился на предѣлах атмосферы. Узрѣвъ же ношным оком лучезарный оный дом: «Премудрость созда себѣ дом и утверди пирамид седмь». Адским рыком, аки громом, возревѣл так: «К чему сей дом сотворен?»

На сей трус бурен сребровидными со златым междораміем крилами, аки орел на лов, низпускаясь, Михаил возопил: «О враже божій! Почто ты здѣ? И что тебѣ здѣ? Древле отрыгнул еси предо мною хулу на Мойсеево тѣло. Нынѣ той же яд изbleваешь на дом божій. Кто яко бог? И что добро и толь красно, яко дом его? Да запретит тебѣ господь мой, ему же предстою днесь!..»

С а т а н а. Не подобает небесных воинств архистратигу быть сварливу, но тиху, кротку и...

М и х а и л. О змій! Умягчил еси словеса твоя паче елея и та суть стрѣлы. Нѣсть твое разумѣти, что благовременный гнѣвъ есть то любовь божія, а что безвременная милость есть то твое сердце.

С а т а н а. Се странную пѣснь воспѣл еси!

М и х а и л. Странная убо, новая и преславная воспѣвают небесныя силы во градѣ божіем. Сія есть истина.

С а т а н а. Силы же преисподнія что ли поют?
М и х а и л. Силы твоя поют подлое, мірское, мерзкое. Сказать же Петровым в «Дѣяніях» словом — (σοφιστε, σοφιστῶν, σοφιστῆς), просто сказать, грязь рыночную и обвившую Іезекиилевскій оный оприснок мотылу.

С а т а н а. Ха-ха-ха! Странное поют силы небесныя...

М и х а и л. О ругатель! К чему сей песій смѣх твой? Не таится же предо мною лукавство твое. Наричая странною, тайно клеветешь небесную славу и догматы ея, воздая ей мнимое тобою неблаголѣпіе и непреподобіе, просто рекши вздор.

С а т а н а. Нынѣ убо не обынуся провѣщал еси вину, чесо ради преисподнее жительство в тысящу крат многолюднѣе паче вашего небеснаго?

М и х а и л. И лжешь, и темнорѣчишь. Открой, аще можеш, откровеннѣе сердца твоего бездну.

С а т а н а. О Апокалипта, странность в догматах, стропотность в пути, трудность в дѣлѣ, сей есть троеродный источник пустыни вашей небесная.

М и х а и л. Не можно ли хоть мало откровеннѣе?

С а т а н а. Претрудно быть жителем небесным. Внял ли еси? Се вина, опустошившая небеса ваша.

М и х а и л. Откуда сей камень и кто его положил во основаніе?

С а т а н а. Се аз глаголю! Претрудно быть — и бысть тако.

Михаил. Ты ли еси творец догмата сего?

Сатана. Сей догмат есть несокрушимый адамант.

Михаил. «Воньми, небо, и внуши, земле!..» Услышите, и преисподняя! Кая есть большая на господи вседержителя хула и клевета, паче сея? Се улица, всех уловляющая! Се ключ, всѣм врата ада отверзающая. Се соблазнь, всѣм путь на небеса оскорбляющая! О украшенная гробница царская, полна мертвых костей и праха, міре блядословный! Прелщаешь старых, младых и дѣти. Вяжешь в прелести, аки птенцы в сѣти.

Весь мір дышет его духом. Он есть сердце міру. Сердце нечистое, сердце плотское. Се богомерзкая троица: сатана, плоть, мір. Кто даст мнѣ меч божій, да прободу сего мадіанита, любодѣйствующаго со блудницею и любодѣйницею міра сего, и обличу срамоту ея?

И, подъяв Михаил молніевидное копіе, поразил адамантовым востріем сатану в самое сердце его, и поверже его во облак вечерній. Он же, падая стремглав, воскликнул: «Ура! Ура! Побѣдих! Побѣдих!» Из-среди же облака возревъл: «О, о Апокалипта! Призови небо и землю во свидѣтели, аз же тебѣ не покорюся, даже до сего есмь тверд в сем моем догматѣ».

Михаил. О нетопыр! Горе тебѣ, творящему свѣтъ тмою, тму же свѣтом, нарицающему сладкое горким, легкое же бременем.

Сатана. Нѣсть ли писано: «Нужное есть царствіе божіе?..»

Михаил. Онѣмѣй, псе лживый!

Сатана. И не нужницы ли восхищают оное?..

Михаил. Лай, лай нынѣ, псе, издалече на солнце... господи боже мой! Правда твоя яко *полудень*. Кто яко же ты? Ты сам дракону сему челюсти его, всѣх пожирающія, загради не един токмо *день* твой, иже есть яко тысяща лѣт. Аминь.

На сей шум и рев, яки еродіевы птенцы слѣтают со гнезда к матерѣ своей, поправшей змія,— он же под ногами ея вьется, развивается,— так низлетѣли к Михаилу Гавріил, Рафаил, Уріил и Варахіил. Михаил же, аки боголюбивый еродій, терзает и попирает домашняго врага, воздая благодать *дому* владыкѣ, дозволившему на седми башнях, надзирающих премудрый дом его, возгнѣздитися птицам по писанію: «Коль возлюбленны селенія твоя!..», «Птица обрѣте себѣ храмину», «Тамо птицы возгнѣзятся», «Еродіево жилище предводителствует ими», «Блаженны, живущіи в дому твоём...».

БЕСЪДА АНГЕЛСКАЯ

О клеветѣ діавольской и о кознях, отводящих от истиннаго утѣшенія

Небесніи архивоины возсѣли на *радугѣ*. Михаил же так повел слово: «Нѣсть наша брань противу крови и плоти, но...» Сердце челоуѣку есть неогра-

ниченна бездна. Она есть то, что воздух, плаваюція планеты носящій. Сія бездна если темна и не собылось на ней: «Пресвѣщаеши тму мою», «Бог, рекій из тмы свѣту возсіяти, иже и возсія в сердцах наших...».

Тогда она бывает адом, сирѣчь темницею, и исполняется, аки nocturnal птиц, мрачных мечт и привидѣній. Nocturnal орел, царь и отец всѣм протчим, есть сатана. Сіи пустыя мечты суть то злыи духи, а злыи духи суть то злыи мысли; злыи же мысли суть мысли плотскія, владѣющія міром. І сіе-то написано: «К міродержителям тмы вѣка сего, сирѣчь брань наша противу злых духов, державу имущих над непросвѣщенным міром и над всею смѣсю беззаконников». Что же далѣе? Началом вертоградных плодов суть сѣмена. Сѣменами же злых дѣл суть злыи мысли. Сіе же то и написано: «К началам и ко властем... к духовом злобы поднебесным». Поднебесныи духи злобы суть мечты плотскаго, скотскаго и звѣрскаго сердца, коему очи бодет острый сей *правды божія меч*: «Сатано, не мыслиши, яже суть божія, но яже челоуѣческая».

Любезная моя братія! Видите, коль по всей вселеннѣй разсѣял сатана сѣмена своя! От его рода сѣмен суть и сіи блядословныя сиренскія і блядогласныя пѣсенки:

Жесток и горок труд
Быть жителем небес;

Весел и гладок путь —
Жить, как живет мір весь.

И пакн:

Святыня страждет без утѣх,
А злость вездѣ свой зрнт успѣх.
Кая польза быть святым?
Жизнь удачнѣе всѣм злым.

Сих услажденных своих вод хляби изbleвая, ангелское око ваше остро провидит, коль хитро погасил во всѣх сердцах божественный оный огонь: «Кто даст мнѣ крилѣ?.. И полещу и почию», «Крѣпка, яко смерть, *любовь*. Крила ея — крила огня...», «Кто ны разлучит от любве божія?», «Согрѣяся сердце мое, и в поученіи моем разгорится *огнь*».

Василисковым убо ядом надхнен мір, глух, аки аспид, и студен, аки лед, сотворился к матерѣ нашей, ко премудрости божіей, согрѣвающей нас в нѣдрѣ своем и утѣшающей: «Сыне! Аще поспиши, сладостно поспиши, аще пойдеши, безбоязнен будеши, и радость будет на всѣх путех твоих». «Сего ради нѣсть дивно, яко все уклонишася вкупѣ. Не сладок бог и нѣсть бог есть тожде». Раствѣша и омерзишася в самых началах и сѣменах своих, в самом коренѣ сердца своего.

Кто может поднять на пути злато или бысер, мнящій быть нѣчтось бесполезное? Кій тетервак не дерзнет вскочить в сѣть, почитая рогом изобилія? Кій агнец не устрашится матери, творящій ее волком, и не прилпнет к волку, творящій его матерью?

Не вините міра. Не винен сей мертвец. Отнят сему плѣннику кураж, избоденно око, прегражден путь; связала вѣчными узами туга сердце его.

Кая туга? Когда что любят и желают мысли, тогда и плотяное сердце внутрь нас распространяется, раздувается, радуется; во время же огнушенія — стѣсняется, жметя, тужит, аки недужный, отвращается отъ пищи и уста сжимает. Сатана, погасив огонь божества в мірском сердцѣ, связал туго тугою, дабы оно вѣчно гнушалось царствіемъ божіимъ и вовѣкъ не разрѣшилося ко обрѣтенію его; дабы не воспѣло побѣдныхъ оныхъ пѣсни: «Сѣть сокрушися...», «Путь заповѣдей твоихъ текохъ, егда разширил еси сердце мое», «Желаетъ и скончается душа моя...», «Сердце мое и плоть моя возрадовастя...».

И когда пишется: «Да возвеселится сердце мое...», сіе значитъ — да закуражится. «Отвержесе утѣшитися душа моя...», значитъ — не приѣмлетъ куража и желанія. Отнять кураж, а навѣсть ужасъ есть то — стѣснить, затворить и связать душу, дабы она не веселилася, но тужила в благомъ дѣлѣ. Сія есть страшная обида, плѣнь и убійство — растлѣть чело-вѣка в самыхъ мысляхъ и в сердцѣ его, аки в сѣменахъ и в коренѣ его, какъ написано: «Растлѣша и омерзѣшася в начинаніихъ своихъ», сирѣчь в главностяхъ: подобны колесничному или корабельному бѣсноватому управителю. Не виненъ убо мертвецъ, виненъ чело-вѣкоубійца. Міръ есть орѣхъ, червомъ растлѣнъ, слѣпецъ

без очей и вожда, медвѣдь, влекомъ за ноздри своя, рабъ сатанѣ, плѣнникъ діаволу, львина ограда. Кая ограда? Послушаемъ притчы.

ЛЬВИНА ОГРАДА

Левъ дрѣмающую дубраву со дѣбрыми ея ограждаетъ, давъ ей одни врата, гдѣ и самъ близъ обитаетъ втайнѣ. Ограждаетъ же не стѣною и рвомъ, но своимъ слѣдомъ. Какъ только гладенъ, такъ возревѣлъ. Звѣри, вострепетавъ, ищутъ спасенія и, притекъ ко спасительнымъ стезямъ, отскакиваютъ воспятъ ото львинаго слѣда, дышущаго в чувства ихъ нестерпимымъ ужасомъ и преградившаго *путь*. Убоявшеся убо тамо, идѣ же не бѣ страхъ, ищутъ безопасныя стези потоль, поколь приближатся ко вратамъ, гдѣ нѣсть подлинно слѣда и нечувствителенъ правдивый ужасъ. Здѣ уловляются. Вотъ врата адова! Здѣ всему міру исходъ и кончина. Сатана «ловитъ, яко левъ, во оградѣ своей и, яко львинъ щенокъ, обитая въ тайныхъ», всѣхъ тѣхъ, о коихъ написано: «Убояшася страха, идѣ же не бѣ страхъ». В семъ страшномъ мѣстѣ умолчалъ Михаилъ. Горніи же военачалники, сидяще на благокругломъ лукѣ облаковъ, отдалися в размышленія, призирая на кругъ земный и унывая, аки разоряемый Содомъ или Вавилонъ предъ собою видяще. В самое сіе задумчивое время вмѣсто унынія — куражъ, вмѣсто же страха — радость, по-слѣдующимъ словомъ нечаянно такъ возблаговѣстилъ *Гавріилъ*.

ПУТЬ СПАСИТЕЛЬНЫЙ

Он прежде запѣлъ пѣснь, а за ним всѣ архангелы сію:

Снѣде архангел в Назарет ко дѣвѣ,
Приносит радость праматерѣ Евѣ.
Радуйся, Ево! Радуйся, дѣво!
Обрадованна.

Господь с тобою! Радость тобою
Всѣм будет данна...

Потом отверзл цвѣтушая уста в сей нетлѣнный запах, благовѣствуя *день* от дне спасеніе бога нашего: посланником есмь не ко единой дѣвѣ Маріи, но во всей вселеннѣй, всѣх тѣх: «Господи, во чревѣ нашем зачахом», всѣх заченших во утробѣ своей и вмѣстивших в сердцѣ своем *дух* заповѣдей господних, пощщаю, ублажаю и цѣлую сим цѣлованіем: «Радуйся, благодатная! Господь с тобою! Бла-гословенна ты в женах!»

Сіи суть правдивыя матери божія: ни от крови, ни от похоти плотскія, ни от похоти мужескія, но от бога раждающія чада своя. Рожденное от плоти плоть есть, рожденное же от духа есть дух, освятившій сердца и утробы наши. Господи! Сей дух есть закон твой, посреде чрева нашего — *путь, истина и живот*. Мир многолюблящим его и нѣсть им соблазна. Мир на Израиля и на всѣх, елицы правилом сим жительствуют; мир на них и милость! Воньми

небо, и возглаголю... Жизнь безопасна; есть то путь сладкій — путь господень. Любезная моя братія! Отвратите от содомлян ангелскія очи ваши и при-зрите на грядущаго пред вами странника сего на землѣ. Он шествует со жезлом, веселыми ногами и мѣстами и спокойно воспѣвает: «Пришлец аз есмь на землѣ, не скрый от мене заповѣдей твоих».

Воспѣвая, обращает очи то надесно, то налево, то на весь горизонт; почивает то на холмѣ, то при источникѣ, то на травѣ зеленѣй; вкушает пищу без-притворную, но сам он ей, как искусный пѣвец про-стой пѣснѣ, придает вкус. Он спит сладостно и тѣми же божіими видѣніями во снѣ и внѣ сна на-слаждается. Востает завтра свѣж и исполнен на-дежды, воспѣвая Исаіевскую пѣснь: «Взалчут юнѣй-шіи и утрудятя юноты и избранныи не крѣпцы будут; терпящии же господа, обновлять крѣпость, окрилатѣют, яко орлы, потекут и не утрудятя, пойдут и не взалчут».

День его — вѣкъ ему и есть яко тысяща лѣтъ, и за тысящу лѣтъ нечестивых не продаст его. Он по міру паче всѣх нищій, но по богу всѣх богатѣе. И что лучше, как «веселіе сердца — живот чловѣку»? Жезл его есть господь страстей и вождельнѣй его, и радости его никто же возмет от его. Достал он сей мир не яко же мір доставать обыче. Он возлюбил путь и славу божію. Сей есть истинный мир и живот вѣчный, а вѣсть его — благовѣстіе. «Да слышит земля глаголы уст моих!»

Сей странник бродит ногами по землѣ, сердце же его с нами обращается на небесѣх и наслаждается. «Праведных души в руцѣ божіей». У безумных почитаются погибшими и заблуждшими: «Они же суть в *мирѣ*». Хотя тѣлесныя наличности, досаждающая, беспокоят, но сей урон со излишком награждает упованіе их, безсмертія исполненно, и воцарившійся господь в них вовѣки. «Не слышите ли, что сей пѣшеходец поет?» — «Как не слышать? — воскликнули архангелы. — Он руками машет и поет пѣсню сію: «На *пути* свидѣній твоих насладихся, яко во всяком богатствѣ».

Он един нам есть милѣйшій позор паче всѣх содомлян. Мы же его узнали. Сей есть друг наш — Даниил Варсава.

И всѣ возсмѣялися. Потом же Гавріил простер смарагдинныя крила и, прелетѣвъ, сѣде при боку Рафаилову, обоняя в руках своих сладковонный шѣпок и крын селный. Рафаил, смотря на Варсава и посмѣваясь, яко Сарра, помянул духовнаго своего сына, любезнаго путника Товію, сына Товитына. Он долгую повѣсть соткал — коим образом поручил ему старик сына своего, кія напасти и припадки встрѣчались на пути, коль щасливо юноша вшел в невѣстник и преспал с невѣстою божіею? «Когда он боялся воды или рыбы, — повѣтствовал Рафаил, — тогда я его научал: «Сыне мой Товія! Сыне мой, не бойся! Вода не потопит тебе. Но воды блевотин змѣиных, но потопныя рѣчи совѣтов мірских, но волненія плот-

ских устремленій — сей есть всемірный оный древній *потоп*, всѣх пожирающій! Ей, глаголю тебѣ: сего убойся! И рыба, сыне, не поглотит тебе. Но чрево, но сирище и чресла твоя се есть ад и кит, поглощающій всѣх, им же бог — чрево и слава в студѣ их. Ей, глаголю тебѣ: сего убойся. И утроба рыбная, и дым внутренностей ея не спасет тебе. Но дым дыма и дух духа, ей, глаголю тебѣ, он спасет тебе. «Слыши, Израилію! Господь бог твой посреде тебѣ, во внутреностех твоих, в сердцѣ твоём и в душѣ твоей». Той есть дым дыма и дух духа: дым от утроб твоих, от содомскаго запаленія вождельній, восходящій до небес; и дух, не раздѣляющійся от тебе, но превосходящій дебелость плоти и тонкость души твоея, той спасет тебе. Сей есть смирна, и стака, и касія от утроб твоих. Сей да изыйдет, да явится тебѣ, да зачнешь во утробѣ и вмѣстиши в сердцѣ, да в воню мира его течешь, да не удавит души твоея смрад бѣсовскій и мірских вождельній зловоніе.

Сожечь утробы, по Мойсееву повелѣнію, и умертвить уды, составленныя с праха, есть то же. Сіе все бывает вѣрою, сирѣчь помышлять себе, — мертвым убо быти по плоти, живым же по богу. Сожечь и убить душу твою, разумѣй: отнять от нея власть и силу. Тогда останется в тебѣ един фиміам божій, и спасительное благоуханіе, миро мира и помазавшій тебе дух господень и собудется: «Направить ноги наши на путь *мира*».

ПУТЬ МИРА НАРЕЧЕН ПУСТ

— Сим благовѣстіем ражжен,— продолжал Рафаил,— пошел мой Товіа надесно, во путь мира, коим нынѣ шествует наш Варсава. Сей есть путь царскій, путь верховный, путь горній. Сим путем Енох, Иліа, Аввакум и Филипп восхищен, не обрѣтошася в мірѣ. Сим путем возшел на гору Авраам вознести на жертву Исаака и пріял от бога печать вѣры. Сим путем возшел на гору Фасга Мойсей и упокоился. Сим путем шествует весь Израиль во обѣтованную землю. Сим путем возшел в Сіон Давид, насытился священных хлѣбов, раздав и сущим с ним по сковрадному блину. Сим путем восходит в горня Маріам, цѣлует Елисавету и ублажается. Сим путем шед Христос во пустыню, побѣдил сатану. Сим путем восходят на гору Галилейскую апостолы и видят свѣтъ воскресенія. Сей есть путь субботный, разумѣй — мирный. Сим путем шествовали Лука и Клеопа. Сошелся с ними третій, блаженный оный собесѣдник, преломившій им хлѣб небесный и открывшій им очи видѣти невидимое его благоуханіе.

Напослѣдок сим путем ѣхал в колесницѣ евнух царицы Кандакіи и познался со Филиппом. Филипп открыл ему в человѣкѣ человѣка, в естествѣ — естество, благоуханіе Христово и новым благовѣстіем, аки чудным фиміамом, накадил ему сердце, омыл его нетлѣнною/сверх от стихійныхъ воды водою и от-

пустил его в дом свой. Он же отыде в путь свой, радуясь. Сей путь есть радостен, но пуст, пуст, но радостен, и внѣ его нѣсть спасенія. Пуст же, яко людем избраннымъ точію отверст. Мір мнит его быти пустым, сирѣчь сѣтным. Сія есть клевета. Мнит же паки его быти горним, сирѣчь горким. И сіе клевета. Гора значитъ превосходство, не труд и горестъ. Горе глаголющимъ: сладкое — горкое и вопреки. «Путь господень есть суд, разсудити злое — избрати благое». Любезный путь! «Не зайдетъ солнце тебѣ, и луна не оскудѣетъ тебѣ. Есть господь тебѣ свѣтъ твой, и ищезли дни рыданія твоего». — Сія возгласив, Рафаил умолкнул. Уриил же воззвалъ: «Распрострите вдаль взор ваш и увидите нѣсколько путников, предварившихъ Варсаву». Но Рафаил начал понуждать: «Любезная моя братія! Призрите хоть мало на путь шуій и на козлища, на нещасныхъ путниковъ его...» — «Ах! Отвращаешъ нас, друже,— вскричали архангелы,— от прекраснаго позорища къ страшному». Обращаяся же, воспѣли всѣ пѣснь такуюю:

О міре, міре, міре украшеннѣй!
Весь притворный, весь гробе поваплѣннѣй!
Прелщаешь старыхъ, младя и дѣти.
В прелести вяжешь, аки птенцы в сѣти.
Свѣтъ кажется украшеннѣй,
Но он какъ гробъ поваплѣннѣй,
Внутрь же его выну, зрю мерзость едину.

ПУТЬ ШУИИ, НАРЕЧЕН ВЕНТЕР

— Сей путь,— сказал Рафаил,— нарицается вен-тер. Есть же вентер сътъ рыболовна, сотворѣнна по образу чрева: широка во входѣ, тѣсна во исходѣ. Сей путь, уклоняясь от востока, сокрывает конец свой не во свѣтлой южной странѣ, но во мракѣ полунощном.

— Вот путь,— говорил Товиин вождѣ,— вот и не-щасный его путник грядет пред вами! Судите его! Небесныя силы, призирая на путника со уныніем и милосердствую о нем, возгласили:

— О бѣдный страдалец! Сей есть сребролюбец. Боже мой! Весь обременен мѣшками, сумами, коше-лями, кошельками, едва движется, будто навючен-ный вельблюд. Каждый ступень — ему мѣкою. «Горе вам, богатые, яко отстоите от утѣшенія вашего».

— Но он сего,— извиняет Рафаил,— не чувствует, но паче еще блажит себе и почитает путь свой бла-гословенным вовѣки. Он благодушествует, шествует и поет.

— Возможно ли? — вскричали духи.

— Пожалуйте,— просил Рафаил,— внемлите пѣс-нѣ его.

БОГАЧ, ПУТЕШЕСТВУЯ, ПОЕТ ПѢСНЬ

Пусть я во свѣтъ скверн — только бы был богат,
Днесъ не в моду совѣсть, но злато идет в лад.
Как нажил, не спросят, только б жирный был грош.

Сколь богат, столь всѣм брат, и честен, и пригож.
Что у нас безчестно в мѣрѣ? Кошель иустой.
Нищим ли жить? Лучше пушуся в смертный гной.
И смерть сладка, поколь рубль за рублем плывет.
О святое злато! Над тебе в свѣтѣ нѣтъ.
Не столь милый отец, не столь рождшая мать,
Не столь любезный и чада веселят.
И если такая у Венеры краса,
Не дивно, что в ее влюбилася тварь вся.

Ангелскія силы ужаснулись, видяще, что сатана толь хитро умѣл растлить бѣсноватую сію душу, обожающую мертвое и уповающую на кумира. «О сатана! — воззвали они, соболѣзнуя. — Родная божія обезяна!» Он им вмѣсто слова «горе вам, бо-гатые...», «блаженны нищии...» положил на сердцѣ во основаніе сей свой смрад: «Блаженны богатые, яко тѣхъ есть царство всякихъ утѣхъ». Такова душа есть аспид, отнюдь не слышашій призывающія ми-лости: «Прійдите ко мнѣ, все труждающіися и обре-мененныи, и аз упокою вы...»

— Боже мой! — возгласил Уриил. — Сей безо-койный путь толпами людей, как торгами, весь за-ссорен. Слышь, Рафаил! Кая есть сія ближайшая толпа?

— Трус колесниц,— отвѣщал он,— шум бичей, конскій топот и свист обличает, что сія громада есть полк честолюбцов; сію же предварившая толпа есть торжество сластолюбцов. Сіе обличается пищаніем и ржаніем мусикійскихъ органов, восклицаніем тор-жествующихъ и козлогласованіем, повѣренными за-

пахами, гаром и курением. Протчее в далних оних сволочях и стеченях: там — тяжбы, брани, татьбы, грабительства, лести, купли, продажи, лихоимства...

Братие! Призрите к правой сторонѣ — вот они! Нѣскольکو путников, откравшись от шуяго пути, пробираются чрез стропотная мѣста к пути мирному: «Яко бог искуси я и обрѣте их достойны себѣ...»

— Ба-ба-ба! Кое странное сіе вижу позорище! — возопил, как молнія, нечаянно Варахійл. Пятерица человек бредут в преобширных епанчах, на пять лактей по пути влекущихся. На головах капишоны. В руках не жезлы, но дреколіе. На шеѣ каждому по колоколу с веревкою. Сумами, иконами, книгами обвѣшенны. Едва-едва движутся, аки быки, парохіалный колокол везущи. Вот развѣ прямо труждающіся и обремененны! Горе им, горе!..

— Сіи суть лицемѣры, — сказал Рафаил, — мартышки истинныя святости: они долго молятся в костелах, непрестанно во псалтырь барабанят, строят кирки и снабдѣвают, бродят поклонниками по Іерусалимам, — по лицу святы, по сердцу всѣх беззаконѣе. Сребролюбивы, честолюбивы, сластолюбцы, ласкатели, сводники, немилосерды, непримирительны, радующіся злом сосѣдским, полагающіи в прибылях благочестіе, целующіи всяк день заповѣди господни и за алтын оныя продающіи. Домашніи звѣри и внутреніи зміи лютѣйшіи тигров, крокодилов и василисков. Сіи нетопыры между десным и шуим путем суть ни мужескаго, ни женскаго рода. Обоим

враги, хромы на обѣ ноги, ни теплы, ни студены, ни звѣрь, ни птица. Шуій путь их чуждается, яко имущих образ благочестія; десный же отвергает, яко силы его отвергшихся. В сумах их пѣсок іорданскій с деньгами. Обвѣшенныя же книги их суть типики, псалтыри, прологи и протчая. Вся их молитва в том, чтоб роптать на бога и просить тлѣнностей. Вот останавливаются молящеся и пѣть начинают. Послушаем безбожныя их пѣсни божія.

ЛИЦЕМѢРЫ, МОЛЯЩЕСЯ, ПОЮТ:

Боже, возстани, что спиши?
Почто о нас не радиши?
Се путь беззаконных цвѣтет!
На путех их бѣдностей нѣт.

Мы ж тебѣ свѣчицы ставим,
Всякій день молебни правим!
И забыл ты всѣх нас.

Два раза постим в недѣлю.
В пост не уживаем хмелю.
Странствуем по святым градам,
Молимся и дома, и там.
Хоть псалтыри не внимаем,
Но наизуст ее знаем.
И забыл ты всѣх нас.

Услыши, боже, вопль и рык!
Даждь нам богатство всѣх язык!
Тогда-то тебе прославим,
Златыя свѣчы поставим,

И всѣ храмы позлащенны
Возшумят твоих шум пѣній —
Токмо даждь нам вѣкъ злат!

— О смердящія гробы со своею молитвою! — возопил Варахиил.— Сіи блядолѣпныя лавры под видом божіим сатану обожают. Злоба, во одежду преподобія одѣта, есть то сатана, преобразивыйся во ангела свѣтла. Нѣтъ сего злѣе во всем адѣ: опустошеніе царствам, церкви поколебаніе, избранных божіих прельщеніе... Отвратим очи наши от богомерзких сих ропотников, прошаков, лстецов и лицемѣров. Не слышите ли, что шум, треск, рев, вопль, вой, свист, дым, жупель и смрад содомскій восходит от сего пути?

Архангелы обратили свѣтлыя лица своя от свѣтра к ясному югу и воспѣли пѣснь сію.

АНГЕЛСКАЯ ПѢСНЬ В СИЛУ СЕГО:

«Бездна бездну призывает»

Нельзя бездны окіана горстью персти забросать,
Нельзя огненнаго стана скуднѣй капль прохладдать.
Возможет ли в темной яскинѣ гулять орел
Так, как на небесный край вылѣтъ он отсель?
Так не будет сыт плотским дух.

Бездна дух есть в человѣкѣ, вод всѣх ширшій и небес.
Не насытиш тѣмь вовѣки, чемь плѣняет мір сей весь.

Отсюда-то скука внутрь скрежет, тоска, печаль.
Отсюда несытость, чтоб с капли жарь горшій встал.
Знай: не будет сыт плотским дух.

О роде плотскій! Невѣжды! Доколь ты тяжкосерд?
Возведи сердечны вѣжды. Взглянь выпр на небесну твердь.
Чему ты не ищешь знать, что то зовется бог?
Чему не толчешь, чтоб увидѣть его ты смог?
Бездна бездну удолит вдруг.

КЛЕВЕТА

Еллински — діаволі, римски — traductio.

Воспѣвше же спросили: что есть клевета? Изречи нам, молніе божія, Варахииле!.. Он же отвѣщал тако: «Клевета есть творить сладкое горким и вопреки; она есть тожде, что татьба; татьба крадет вещи, а клевета мысли. Мысль есть руководительница человѣку и путь. Діавол, украв у человѣка добрую мысль, перекидает, будто сътъ и препону, чрез добрый путь, а сим самым сводит и переводит его на путь зол. Вот почему еллински діаволос, сирѣчь переметчик, римски же traducto, сирѣчь сводник, или переводник, дано имя *клеветнику*; славянски же клеветать значит то же, что колотить, мѣшать горкое со сладким и вопреки. Сіе бывает тогда, когда на мѣсто сладкаго поставляется горкое и вопреки. Сей есть един источник всѣх адских мук».

КОЗНЬ

«Ты же, о свѣте божій, Урииле! Изъясни нам, что значит то *кознь*?» Отвѣщал Уриил: «Кознь есть образ клеветы, по коему она растет и съется. Она есть то же, что *машина*. Машина хитрствует в вещах, а діаволска кознь в мыслях. Птицелов и рыболов ловит сътми, а он кознями. Кознь есть ловкая *машина*, напимѣр, ков, пругло, капкан, западня, сътъ, *вѣнтер*, *вѣрша*, еллински — строфа, сирѣчь увертка, вертушка и протчая. У архитектонов и нынѣ пѣкая машина именуется латински сареч, сирѣчь козел. Нынѣ ясно видно, что хитрость в татѣбѣ, а кознь в клеветѣ есть тожде. О коль прелестная удица. Ею, точно возбѣсившись, человекча воля ужасается претодобія, стремится за нелѣпостями, аки елень, устрѣлен в ятра, не видя, яко в погибель свою течет. Сіи-то души услаждаются пѣсенками сими:

Древній вѣк был для святцов.
Нынѣ вѣк есть не таков.
Плюнь, брат, на Сион. Пой на свѣцкой тон.
Скоро ль святость жить дождется?
Наша ж здѣ жизнь наживется.
И паки:

В молоды лѣта не зажить свѣта?
Что ж за корысть свѣт молодому?
И паки:

В старом вѣкѣ нѣсть покою,

Только болѣзнь со бѣдою,
Тогда щастя хотъ бы ѣ было,
Но в старости не так мило...

Кое же то мнѣ щастіе, если оно мнѣ измѣняет во время старости, если нѣсть вѣрный и вѣчный друг оный? «Друг вѣрен — кров крѣпок...», «Не остави мене во время старости...», «Вся преходят, любви же ни!», «Бог любви есть...», «Слыши, Израилю! Господь бог твой посредѣ тебе».

Се видна зла удица, бѣсноватыми душами пожираема. А как волк овцы на пажитѣ и при водопоѣ похищает, тайный же ласкатель в самом чертогѣ и при трапезѣ, аки червь орѣхи, внутрь их обрѣтаясь, растливает, — так діавол на самых злочных мѣстах, во Едемѣ священных библіи, хитро уловляет, привѣшивав, аки змій, в матернее для чад млеко яд свой, так он вкус и дух свой в благоуханныя *плоды* божіе-го рая. «Нужное есть царствіе божіе, и нужницы восхищают е».

Сей оракул сатана растил. Он в нем осквернил Христово благоуханіе. Он в нем, украв дух Христов, вложил в него свой душеубійственный вкус. Он перековал нужное на трудное. Поют германы притчу сію: «Бог строит кирку, а чорт там же часовню». Поет Христос: «Нужное есть царствіе божіе». Діавол подпѣвает: «Трудное есть царствіе божіе».

О пакостная обезяна! Тѣм же мостом грядет, а в разный город; тѣм же звоном поет, да чего-то

как нѣтъ. Ангелскій тон — адская думка, глас Яковль — сердце Исавлее; лобзает, как друг, — про-
дает, как Иуда. И смѣх, и плач нам есть божія сія
мартышка... «Вонми небо, и возглаголю!» Се кле-
вета на господа вседержителя! Нужность со труд-
ностью так не вмѣщается, как свѣтъ со тмою. Нужно
солнце — трудно же ли? Нужен огонь — а труден ли?
Нужен воздух — но труден ли? Нужна земля и во-
да — и кто без нея? Видите нужность? Гдѣ же при-
божъ ея трудность? Ах, исчезла! Нѣтъ ей мѣста в чер-
тогах непорочных и блаженных нужности! Дом ея
есть дом мира, дом любви и сладости. Покажите же
мнѣ, гдѣ водворяется трудность? Во адѣ ли? Вѣрую,
господи, там-то обитает труд и болѣзнь, печаль
и воздыханіе. Но там ли нужность? Ах, не бывала
она там. Ея присутвіем ад во мгновеніи преобра-
жается в рай. Во адѣ все дѣлается то, что ненужное,
что лишнее, что ненадобное, неприличное, против-
ное, вредное, пакостное, гнусное, дурное, неприго-
жее, скверное, мучительное, нечестивое, богомерзкое,
проклятое, мірское, плотское, тлѣнное, вѣтренное,
дорогое, рѣдкое, модное, заботное, разорительное,
погибельное, адское... и протчій неусыпающій червь.
Сія бѣсноватая и буйная дѣва, трудность, именуется
еллински *ѣта*, сирѣчь пагуба, еврейски же — *Ада*,
Ламехова жена, сирѣчь блядокрасующаяся и забот-
ная, противная женѣ, именуемой *Селла* и *Мирна*.
Коль же разнится чистая наша дѣва — святая нуж-
ность! Она нѣсть *ѣта*, но *Лѣта* и *Лѣтургисса*; нѣсть

Ада, но *Селла*; нѣсть *Фуриа*, но *Анна*, но *Харіа*, но
Гратіа, разумѣй: возлюбленная, милостивая, даро-
вита. С небесных кругов и от горних предѣлов воз-
любленныхъ сея царицы ищезла всякая горестъ со
трудом, а печаль со воздыханіем. Оттуду сатана со
всѣми своими тмами низвержен во ад. Кая сила
низвергла? Та, что там жизнь не зависит от забот-
ных сует и суетных забот. Там живет едино точію
нужное *оное*: «Едино есть на потребу». Оно есть
и сродное, и легкое, и благолѣпное, и преподобное,
и веселое, и полезное, без сребра и без горестей стя-
жаемое, как написано: «Туне пріятѣ, туне дадите».
Внуши, земле! Услыши, роде челоувѣчь! Напиши на
ногтѣ алмаантовом, на вѣчных сердца своего скры-
жалях господню *славу* сію: «*Благословен еси, творяй*
нужное нетрудным, трудное ненужным».

Как только Уріил отрыгнул господствующую сію
славу вышняго, поднялся от преисподних хулный
шум, рык, вой, свист, стон... каков бывает от дубрав-
ных звѣрей, от ночных птиц, от блатных жаб во вре-
мя землетрясенія. Замялся, свиваясь и развиваясь
в безчисленные свертки, адскій змій, пронзен изо-
щренно *сильнаго* стрѣлою и варом палящих углій
осыпан, по-оному: «Иже от устен произносит пре-
мудрость, жезлом бьет мужа безсердечна». На кри-
лах Уріиловых видѣн был вид многоцѣннаго *сапфи-
ра*, превосходящій голубый свод благовиднаго неба.
Сей божественный ум, пустившій из уст своих меч
обоюдоостр, поразил сатану в самое чрево его и убил

блудодѣяніе. Варахіил же выстрѣлил праволучную стрѣлу молніину, пронзил дракона в самое око его и убил похоть очес, по писанію: «Око, ругающееся отцу и досаждающее *матерѣ* своей, да избодут оное вранове от дебрія». Прежде же всѣх умертвил копіем Михаил любодѣйственное сердце его. От того часа царство его и козни разоренны.

АДСКОЕ ЦАРСТВО

На чем основанно?

Простер же Рафаил іасписошарныя крила своя со Гавріилом и, прелетѣвъ, сѣде при боку Варахіилову. Потом, возсмѣваясь, веселовидно изрече: «Возрадовася дух мой, яко Уріил, аки Финеес, во чрево, ты же, аки Сисарѣ, в самое око его пробил ему главу его». Вид же Варахіиловых крил, аки вид углей ражженных от онаго углія: «Стрѣлы сильнаго изошренны со угольми поядающими». «Ражженно слово твое зѣло, и раб твой возлюби е». «Слово плоть бысть и вселися в ны».

Тогда сей пламенѣющій орел, служитель в молніи вышнему, божественный Варак распростер крила своя и, помаяв оныя, возгласил: «Сія есть побѣда, побѣдившая мір, плоть и діавола — любовь наша. Крѣпка, яко смерть, *любовь*. Жестока, яко ад, ревность божія. Крила ея — крила огненныя. Угліе

огненное воспламеняет ее. О углы! О возлюбленный наш анфракс оный!»

«Злато земли оныя доброе и тамо анфракс». Сей дражайшій анфракс нас, серафимов, воспламеняет, творяй ангелы своя духами и слуги своя пламенем огненным». Глас его оный... «Глас брата моего...» Сей един утѣшает и укрѣпляет нас. «Возвеселися, неплоды!» Сей есть глас его. «Смиренная и колеблемая! Не имѣла еси утѣшенія. Се аз уготовляю тебѣ анфракс — камень твой — и на основаніе твое сапфир. И положу забрала твоя, іаспис и врата твоя, каменія кристалла и огражденіе твое, каменія избранная — и правдою возградишися... Всякое орудіе, содѣланное на тя, и всякій глас, иже на тя востанет на прю, не благопоспѣшу. Одолѣши им всѣм. Вся сыны твоя наученны богом и во мнозѣ мирѣ чада твоя. Сіе есть наслѣдіе служащим господи, и вы будете мнѣ праведны», — глаголет господь. Нынѣ желаніе наше исполнилось. Нынѣ услышана тричастная оная молитва Сираховская:

Господи, отче и боже живота моего!
Да не пожрет мя бездна мірская!
Возведша очи на прелесть его,
Да не поглотит мя пропасть чрева,
Угождающаго яко богу. И да не свяжет мя
Студодѣйство, ищуща сладости в мертвом блатъ.

На сей тричастности стоит все адское царство.
Нынѣ мудрость одолѣла злобѣ, и всѣ воспѣли так:

О сыне, рожден от дѣвы,
Во безстрастія глубинѣ!
Тричастную злобу души
Потопи, молюся.
Да яко же во тѣмпанѣ,
Во умерщвленном тѣлеси
Воспою побѣдную пѣснь.

— О язык трегубый! — возглашая, возгласил Вара-
рак, разорившій грады и превратившій дома вель-
мож.— Блажен, обладай тобою. Се есть царствіе
божіе! Нѣсть его легчае, яко нѣсть нужнѣе, и нѣсть
нужнѣе, яко нѣсть врожденнѣе его. И что есть бог,
если не виауль нас пламенѣющая, аки искродышу-
щій уголь, блаженная оная врода: «Без мене не мо-
жете творити ничесо же». Что убо есть? Она носит
горы, и воды, и весь труд наш. Она тонкоплотное
небо и огонь десницею своею жмет и держит. Кто убо
присноблаженную и пренепорочную сію *матерь* нашу
держает нарещи трудною? Аще ли сатана сатану
изгонит? Тако ниже трудностію труд уврачуется.
Господи! Се труд воздают тебѣ! Ты же еси веселіе
и радость, мир и упокоеніе. Правда твоя яко солн-
це. И се сатана помрачает! Мир же свидѣтельствуєт
о лжѣ. Господи! Аще возможно есть, да мимо идет
от тебе горкая чаша сія. Аще же не может сія лжа
мимо ити от тебе, буди воля твоя.

ПЛАЧУЩАЯ НЕПЛОДЫ

Во оно время слышан бысть жалостный глас на
небеси. Вдова, бродящая по землѣ, облаченна в тем-
ныя ризы, имущая родити сына, ищет мѣста, но не
обрѣтает, гонима зміем, пожерти плод чрева ея
хотящим и во слѣд ея изблевающим потоп блевот-
тин. Сего ради скитається, рыдающая и вопіющая
пѣснь сію:

Кто даст мнѣ криль нынѣ? Кто даст посребренны?
Кто даст мнѣ рама нынѣ? Кто даст восперенны?
Да лещу сквозѣ присно о бозѣ,
От земна края даже до рая
И почию.

Се ехиди лютый бѣжит! Се мя достизает!
Се челюсть адску на мя лють разверзает!
Поглотить хошет, ядом клокошет
Василиск дивый, аспид питливый.
Ах, увы мнѣ!

Вод горких хлябы студно изблевет черный.
Се мрак! Се облак покры мя нынѣ вечерній!
Увы мнѣ нынѣ! Увы, единѣ!
Гонит всѣм адом мене со чадом.
Нѣсть мнѣ мира.

Увы мнѣ! Горе! Увы! Что имам творити?
Кого на помощь дерзаю, бѣдна, молити?
Увы мнѣ нынѣ! Увы, единѣ!
Гонит всѣм адом мене со чадом.
Нѣсть мнѣ мира.

Боже! Ты призри на мя с высоты святых
И приклонися странной на слезы ми сія.
Даждь крѣпость силы, бы не сдолѣли
Твоей рабынѣ уста змѣины.
Ах! О! Боже!

Кто даст мнѣ крила нынѣ? Кто даст голубины?
Да выпры парю от сея адскія глубины...

Архангелы возлюбили прекрасную сію невѣсту
божію, скитающуюся по землѣ и неимущую, гдѣ
главы подклонити, милосердствуя о ней. Михаил же,
ражжен ревностію, разширил посребренныя крила
своя и устремився, аки ко страждущему своему
птенцу орел, восхитил жену и посадил ее на радугѣ.
Тогда цѣломудренная сія Сусанна не обрѣтется меж-
ду смертными на землѣ, да не злоба измѣнит разум
ея или лесть прелстит душу ея. Непраздная *мати*
возсѣла со сыном своим на благокруглом лукѣ обла-
ков, и сама сущи прекратившая потоп радуга оная.
«Видь дугу и благослови сотворшаго ю. Зѣло
прекрасна сіяніем своим».

Досадители же ея суть сіи: «Премудрость и на-
казаніе уничтожайя есть окаянен, и праздно упованіе
их, и труды безплодны, и неключима дѣла их. Жены
их безумны, и лукава чада их, проклято рожденіе
их, яко блаженна есть неплоды не оскверненная!»
Тогда из облака возгремѣл Михаил к живущим
на землѣ сим гласом: «Сынове человекскіи! Вскую
любите лжу, ядуще землю во вся дни живота ва-

шего? Тако ли юродивы есте, сынове Израилевы?»
Не испытавше, ни истины разужѣвше, осудисте
дщерь Израилеву. О обвѣтшалый злыми днями ва-
шими! Почто судите суды неправедны и не слышите
глаголюща бога: «Неповинна и праведна не убивай»,
«Имѣяй уши слышати, да слышит!» После сего грома
слышанна бысть издалеча в горнем воинствѣ ангел-
ском пѣснь воспѣваема сія:

ПѢСНЬ

В конец сего: «Испусти змій за женою из уст своих
воду, яко рѣку, да ю в рѣцѣ потопит».

Воньми, небо и земля! Нынѣ ужаснися.
Море безднами всѣми согласно двигнися.
И ты, быстротекущій, возвратися, Іордане.
Прійди скоро крестити Христа, Іоанне.

Краснозачныи лѣсы, стези отворите,
Предитечу Іоанна ко Христу пустите.
Земныи же языцы, купно с нами всѣ ликуйте,
Ангелскіи хоры вси, в небѣ торжествуйте.

Снійде спас во Іордан, ста в его глубинѣ.
Се снійде и дух свят на нь в видѣ голубинѣ.
«Сей есть сын мой возлюбленный»,— отец из облак
вѣщаше.

Сей мессія обновит естество все ваше.

Освятит струи и нам. Змію сотри главу.
Духа твоего, Христе, росу даждь и славу,
Да не потопит нас змій. И мы вси от земна края
Да почитити полещем до твоего рая.

гады, всѣ лютыя звѣри, всякій труд и болѣзнь, и всѣ злыхъ духовъ легеоны, всѣ безчисленныя свитки, изблевающія хулу на вышняго, вихромъ возметаемы отъ лица земли, ищезоша. И се! воспѣвающе воспѣли архангелы и все ангелское воинство во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣсняхъ духовныхъ побѣдную.

ПѢСНЬ ПОБѢДНАЯ

Пой и воспой, коль благъ богъ твой!
Скоръ рукою за тобою
Въ день брани твоея стати,
Враги твоя, супостаты,
Погоняяй, поборяяй.
День и вечеръ пой. Ночь и утро пой.
Коль десница, прославися!
Коль мессія, возвысися!
Во побѣдѣ дивныхъ, на хребтѣ противныхъ!

АНТИФОН

Я, боже, тебѣ пѣснь нову,
Пѣснь Мойсейску, пѣснь Христову,
Воспою въ духовной лирѣ,
Въ десятиструнной псалтырѣ.
Всякъ царь въ бою цѣлъ тобою,
Цѣлъ твой и Давидъ, мечемъ не убитъ.
Ты изволилъ мя изъяти,
Злоплемѣннымъ не далъ яти.
Изъ устъ ихъ мечъ смерти готовъ мя пожерти,
И зла ихъ десница правды не держится.
Въ полкахъ же ангелскихъ слышанны были се сѣи!

Воспоимъ господеву! О боже всеилный!
Еще нашъ пріялъ еси вопль и плачъ умиленный.
Еще насъ не судиши въ конецъ отринути.
Побѣдихомъ! Падесе супостатъ нашъ лютой.
И антихристъ пріялъ казнь, домашній врагъ велий.
Ко намъ же возвратився, грядетъ миръ веселый.
Онъ безбѣдно здравіе ведетъ за собою.
Нынѣ и деньъ лучшею красенъ добротою.
И солнце силнѣйшіи лучы испушаетъ,
И лице краснѣйшее цвѣтъ полній являетъ.

Зима преиде, Солнце ясно
Мыру открылъ лице красно.
Изъ подземной клѣтки явишася цвѣты,
Мразомъ прежде побѣнны.

Уже всѣ райскія птицы
Испущены изъ темницы.
Повсюду лѣтаютъ, сладко воспѣваютъ,
Веселія исполнены.

Зелены поля въ травы,
Шумящія въ листъ дубравы
Встаютъ, одѣваясь, смотря, возсмѣваясь.
Ахъ, кольъ сладко тамъ взирати!

Отъ днесъ открылися въ жаждущихъ поляхъ и пустыняхъ живыя воды источники. Явилися грады и жилища оная: «Коль красныя дома твои, Іаковѣ!» Стропотныя горы отворили стези свои, одѣваясь цвѣтами оными: «Азъ цвѣтъ полній и крынъ удолий». Дикій и безстраннопріимный неприступный Кавказъ отверзлъ гостиницы свои странникамъ. Море сказало дорогу кораблямъ всѣмъ плывущимъ. Показалися

плодоносніи острова, кефы, петры, гавани и мысы Добрыя Надежды. Отворилися спасительныи пристанища всѣм мореплавателям даже до древняго Фарсиса и до Одигитріи заблуждающим, до облачных огнедышущія горницы, призирающія на Александрію Фарійскія пирамиды.

Увидѣли славное царство и святую землю оную: «Тамо роди тя мати твоя», «Царя со славою узрите, и очи ваши узрят землю издалеча». Преупокоилися на злчных мѣстах и на блаженных удолиях, по писанію: «Ядите, ближніи, и пійте, и упійтеся, братія...» От днесь возсіяли над главами святых чловѣков лучезарныи вѣнцы, окружающіи в себѣ сію адамантову славу: *«Легко быть благим»*. Тогда и на мою главу возложен вѣнец нетлѣнный. Архангелы, пѣснь побѣдную поспѣвше, возлетѣли в горня и паки вселилися в седми пирамидах, субботы велики нареченных, призирающих и соблюдающих премудрості дом седмисубботный, славяще отца, и сына, и святаго духа вчера, днесь и вовѣки.

Сіе видѣніе аз, старец Даниил Варсава, воистину видѣх. Написах же во просвѣщеніе невѣждам блаженным оным: «Дажь премудрому вину...» И во славу людей святых Израіля.

ДОДАТКИ

III
М. И. КОВАЛИНСКИЙ

ЖИЗНЬ

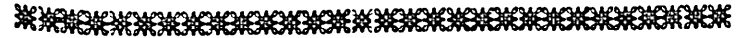

РИГОРИЯ

КОВОРОДЫ

ПИСАНА 1794 ГОДА
В ДРЕВНЕМ ВКУСЕ

Non omnis moriar. Horat¹.

Во всем существующем есть нечто главное и всеобщее: в нечленовных ископаемых — земля; в растительных — вода; в животных — огонь; в человеке — разум и так далее.

Каждое бытие составляет особый круг, или мир свой, с различиями, делимостями, раздроблениями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность, сих кругов имеет над собою и в себе главнейшее, всемирное, верховное, единое начало: вся тем быша.

Сие, распространяясь, разделяясь в способности, силы, свойства, постепенности, осуществляет невидимые бытия разнообразно; и, в снисхождении своем сгущаясь, составляет в человеке мысленность, в жи-

¹ Весь я не умру. Гораций (лат.).

ПИСАНА 1794 ГОДА
В ДРЕВНЕМ ВКУСЕ

ПИСАНА 1794 ГОДА
В ДРЕВНЕМ ВКУСЕ

Non omnis moriar. Horat¹.

Во всем существующем есть нечто главное и всеобщее: в нечленовных ископаемых — земля; в растительных — вода; в животных — огонь; в человеке — разум и так далее.

Каждое бытие составляет особый круг, или мир свой, с различиями, делимостями, раздроблениями до непостижимости.

Каждая главность, или всеобщность, сих кругов имеет над собою и в себе главнейшее, всемирное, верховное, единое начало: вся тем быша.

Сие, распространяясь, разделяясь в способности, силы, свойства, постепенно, осуществляет невидимые бытия разнообразно; и, в снисхождении своем сгущаясь, составляет в человеке мысленность, в жи-

¹ Весь я не умру. Гораций (лат.).

вотных — чувство, в растительных — движение, в нечленовных ископаемых — существование.

Человек, то есть воплощенная способность мыслящая, в сем начале живет, движется и есть.

Сия всеглавнейшая, всемирная, невидимая сила едина — ум, жизнь, движение, существование, — изливаясь из непостижимости в явление, из вечности — во всеобширность времени, из единства исключительного — до беспредельной множественности, образуя круг человечества, уделяет оному от главности своей благороднейшее преимущество, свободную волю.

На сей главизне, корене, начале основывается власть правительств, держава владык, сила царей, любовь родителей, честь мудрых, слава добродетельных, память праведных.

Множественность вносит различие, а сие предполагает неравенство и несовершенство; свободная воля предполагает выбор; сей же нравственную способность, могущую познать добро, истину, совершенство, любить оное и искать предпочтительно. Отсюда происходит подвиг искания, и подвижник истины называется мудрый, а дело его — добродетель.

Парфянин и мидянин, иудей и еллин, раб и свобод — равно участвуют в сем преимуществе всемирного, верховного, единого начала.

Подвиг, то есть правильное употребление свободной воли, делает разделения; и сей подвиг в вы-

боре истинного, доброго, совершенного есть правда, воздающая всякому свое: полная — полным и тщетная — тщетным. Почему мудрый и праведный есть то же.

Поставленный между вечностию и временем, светом и тьмою, истиною и лжею, добром и злом, имеющий преимущественное право избирать истинное, доброе, совершенное и приводящий то в исполнение на самом деле, во всяком месте, бытии, состоянии, звании, степени, — есть мудрый, есть праведный.

Таков есть муж, о котором здесь предлежит слово.

Григорий, сын Савы, Скворода родился в Малой России, Киевского наместничества, Лубенской округи, в селе Чернухах в 1722 году. Родители его были из простолюдуства: отец — казак, мать — такого же рода. Они имели состояние мещанское, посредственно достаточное, но честностию, правдивостию, странноприимством, набожеством, миролюбивым соседством отличались в своем круге.

Сей сын их Григорий по седьмому году от рождения приметен был склонностию к богочтению, дарованием к музыке, охотою к наукам и твердостию духа. В церкви ходил он самоохотно на крилос и певал отменно, приятно. Любимое же и всегда почти твердое им прение его было сей Иоанна Дамаскина стих: «Образу золотому на поле Деире

служиму три твои отроцы, не брегоса безбожного веления» и проч.

По охоте его отец отдал его в Киевское училище, славившееся тогда науками. Григорий скоро превзошел сверстников своих успехами и похвалами. Митрополит киевский Самуил Миславский, человек отличной остроты разума и редких способностей к наукам, будучи тогда соучеником его, оставался во всем ниже его, при величайшем соревновании своем.

Тогда царствовала императрица Елисавет, любительница музыки и Малороссии. Дарования Скворода к музыке и отменно приятный голос его подали случай быть ему выбрану ко двору в певческую музыку, куда и отправлен был он при вступлении на престол государыни.

Он не долго находился там. Императрица скоро предприняла путешествие в Киев и с нею весь круг двора. Скворода, прибыв туда при возвратном отбытии двора в С.-Петербург, получа увольнение с чином придворного уставщика, остался в Киеве и паки начал учиться.

Круг наук, преподаваемых в Киеве, показался ему недостаточным. Он возжелал видеть чужие края. Скоро представился повод к сему, и он воспользовался им всеохотно.

От двора отправлен был в Венгрию к Токайским садам генерал-майор Вишнеvский, который для находившейся там греко-российской церкви хотел

иметь церковников, способных к службе и пению. Скворода, известен знанием музыки, голосом, желанием быть в чужих краях, разумением некоторых языков, представлен был Вишнеvскому одобрительно и взят им в покровительство.

Путешествуя с генералом сим, имел он случай, с позволения его и с помощью его, поехать из Венгрии в Вену, Офен, Презбург и прочие окольные места, где, любопытствуя по охоте своей, старался знакомиться наипаче с людьми, ученостию и знаниями отлично славимыми тогда. Он говорил весьма исправно и с особливою чистотою латинским и немецким языком, довольно разумел еллинский, почему и способствовался сими доставить себе знакомство и приязнь ученых, а с ними новые познания, каковых не имел и не мог иметь в своем отечестве.

Возвратясь из чужих краев, наполнен ученостию, сведениями, знаниями, но с пустым карманом, в крайнем недостатке всего нужнейшего, проживал он у своих прежних приятелей и знакомых. Как и сих состояние не весьма зажиточно было, то искали они случая, как бы употребиться ему с пользою его и общественною. Скоро открылось место учителя поэзии в Переяславле, куда он и отправился по приглашению тамошнего епископа.

Скворода, имея основательные и обширные знания в науках, нежели каковые тогда были в училищах провинциальных, написал рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной так новым образом,

что епископу показалось странным и несообразным
прежнему старинному обычаю. Епископ приказал
переменить и преподавать по тогдашнему обыкно-
венному образу учения. Сковорода, уверен будучи
в знании своем и точности дела сего, не согласился
переменить и отставить написанные им правила для
поэзии, которые были простее и вразумительнее
для учащихся, да и совсем новое и точное понятие
давали об оной. Епископ требовал от него письмен-
ного ответа образом судебным через консисторию,
для чего он не выполнил повеления. Сковорода
ответствовал, что он полагается на суд всех знато-
ков в том, что рассуждение его о поэзии и руковод-
ство, написанное им, есть правильное и основанное
на природе сего искусства. При том в объяснении
прибавил латинскую пословицу: «Alia res scertrum,
alia plectrum», то есть: «Иное дело пастырский
жезл, а иное пастушья свирель».

Епископ, преобратя незнание свое в непослуша-
ние его и самомнение о учености своей в гордость
и высокоумие его, дал своеручное повеление на до-
кладе консистории следующее: «Не живяше посреди
дому моего, творяй гордыню». По сему Сковорода
выгнан был из училища переяславского не с честью.
Сей был первый опыт твердости духа его.

Недостатки стесняли его крайне, но нелюбостяжа-
тельный нрав его поддерживал в нем веселость его.
Он перешел из училища жить к приятелю своему,
который знал цену достоинств его, но не знал стес-

нения нужд его. Сковорода не смел просить помощи,
а приятель не вздумал спросить его о надобности.
И так переносил он нужды скромно, молчаливо, тер-
пеливо, безропотно, не имея тогда, как только две
худые рубашки, один камлотный кафтан, одни баш-
маки, одни черные гарусные чулки. Нужда обраба-
тывала в нем сердце полезнейше и засеяла в нем
семена терпения такие, которых плодами угобзаясь
жизнь его, соделала его мудрым и счастливым.

Не в далеком расстоянии имел жительство мало-
российский знаменитый дворянин С. Т.¹, которому
потребен был учитель для сына его. Сковорода
одобрен был ему от знакомых и приглашен им в де-
ревню Каврай, где и поручен был ему сын в смотре-
ние и науку.

Старик Т. от природы имел великий разум и, по
службе, обращаясь с иноземцами, приобрел нарочи-
тые знания, однако придерживался много застаре-
лых предубеждений, свойственных грубого воспита-
ния людям, которые смотрят с презрением на все
то, что не одето гербами и не расписано родосло-
виями.

Сковорода начал больше возделывать сердце
молодого воспитанника своего и, рассматривая при-
родные склонности его, помогать только природе
в рашении направлением легким, нежным, нечув-
ствительным, а не безвременно обременять разум

¹ Стефан Тамара.

его науками,— и воспитанник привязался к нему внутреннею любовью.

Целый год продолжалось обращение его с сыном, но отец никогда не удостоивал учителя ни одним словом разговора, хотя всякий день за столом он с воспитанником бывал у него. Чувствительно было такое унижение человеку, имевшему в низкой простоте благородное сердце. Но Скворода сносил все то и, несмотря на презрение, на унижение его, исправлял должность свою по совестной обязанности. Договор был сделан на год, и он хотел сдерживать слово свое.

В одно время, разговаривая он с воспитанником своим и видя любовь его к себе, а посему и обращаясь с ним откровенно и просто, спросил его, как он мыслит о том, что говорили. Воспитанник на тот случай отвечал неприлично. Скворода возразил ему, что он мыслит о сем, как свиная голова. Служители тотчас донесли госпоже, что учитель называет шляхетского сына их свиною головою. Мать раздосадовала, разжаловалась супругу, требовала мщения за такую дерзость. Старик Т., зная внутреннюю цену учителя, но уступая настоянию жены, отказал ему от дому и должности и при отпуске его, в первый раз заговоря с ним, сказал ему: «Прости, государь мой! Мне жаль тебя!»

Тогда уже судьба начинала приготавливать сердце его к несправедливостям людским, которые имел он испытать в продолжение жизни. Скворода остался

без места, без пропитания, без одежды, но не без надежды.

Убог, скуден, нужен, приехал он к приятелю своему, одному сотнику переяславскому, человеку добродушному и страннолюбивому. Тут нечаянно представился ему случай ехать в Москву с Калиграфом, отправлявшимся в Московскую академию проповедником, с которым он, как приятель его, поехал, а оттуда в Т. Сергиеву лавру¹, где был тогда наместником многоученый Кирилл, бывший после епископом черниговским. Сей, увидя Сквороду, которого знал уже по слуху, и нашел в нем человека отличных дарований и учености, старался уговорить его остаться в лавре для пользы училища, но любовь его к отечественному краю отвлекала его в Малороссию. Он возвратился паки в Переяславль, оставя по себе в лавре имя ученого и дружбу Кирилла.

Дух его отдалял его от всяких привязанностей и, делая его пришельцем, пресельником, странником, выделял в нем сердце гражданина всемирного, который, не имея родства, стяжаний, угла, где главу приклонить, сторицею больше вкушает удовольствий природы, удовольствий простых, невинных, беззаботных, истинных, почерпаемых умом чистым и духом несмущенным в сокровищах вечного.

¹ Троїце-Сергіївська лавра.

Не успел приехать он в Переяславль, как разумный Т. поручил знакомым своим уговаривать его, чтоб паки к сыну определился он учителем. Скворода не соглашался, зная предрассудки его, а паче домашних его, но приятель его, будучи упрошен от Тамары, обманом привез его в деревню к нему ночью спящего.

Старик Т. не был уже тот гербовый вельможа, но ласковый дворянин, который хотел ценить людей по внутреннему достоинству их. Он обласкал его дружески, просил быть сыну его другом и руководителем в науках. Любовь и откровенное обхождение сильнее всего действовали всегда над Сквородою. Он остался у Тамары с сердечным желанием быть полезным, без договора, без условий.

Уединение руководствует к размышлениям. Скворода, поселясь в деревне, подчиня доuku нужд необходимых попечению любимого и возлюбившего его господина, обеспечивая себя искренностию его, предавался богоумудрию, то есть исканию истины.

Часто в свободные часы от должности своей удалялся в поля, рощи, сады для размышления. Рано поутру заря спутница ему бывала в прогулках его и дубравы — собеседники глумлений его. Лета, дарования душевные, склонности природные, нужды житейские звали его попеременно к принятию какого-либо состояния жизни. Суетность и многозаботливость светская представлялась ему морем, обуреваемым беспрестанно волнами житейскими и никогда

плывущего к пристани душевного спокойствия не доставляющим. В монастыре, удалившемся от начала своего, видел он мрачное гнездо спершихся страстей и, за неимением исхода себе, задушающих бытие смертоносно и жалостно. Брачное состояние сколько ни одобрительно природою, но не приличествовало беспечному его нраву.

Не реша себя ни на какое состояние, положил он твердо на сердце своем снабдить свою жизнь воздержанием, малодовольством, целомудрием, смиренном, трудолюбием, терпением, благодушием, простотою нравов, чистосердечием, оставить все искательства суетные, все попечения любостяжания, все трудности излишества. Такое самоотвержение сближало его благоуспешно к богоумудрию.

Душа человеческая, повергаясь в состояния низших себя степеней, погружаясь в зверские страсти, предаваясь чувственности, собственной скотам, приимает на себя свойства и качества их: злобу, ярость, несытость, зависть, хитрость, гордость и проч.; возвышаясь же подвигом доброй воли выше скотских влечений, зверских побуждений и бессловесных стремлений, восходит на высоту чистоты умов, которых стихия есть свет, разум, мир, гармония, любовь, блаженство, и от оных заимствует некоторую силу величайшей, светлости, разума высшего, пространнейшего, далечайшего, яснейшего и превосходнейшей святости в чувствах, которыми преисполняясь внутренно, являет в вооб-

ражении состояние бытия человеческого иногда одобрительно, иногда наказательно, увещательно, предварительно и указательно.

Сковорода видел опыт сего порядка и силы природы в себе самом и описывает сие в оставшихся по нем записках своих так:

«В полночь, ноября 24 числа, 1758 года, в сель Каврай казалось во снѣ, будто я рассматриваю различные охоты житія человеческого по разным мѣстам. В одном мѣстѣ я был, гдѣ царскіе чертоги, наряды, музыки, плясанія; гдѣ любящіеся то пѣли, то в зеркала смотрѣлись, то бѣгали из покоя в покой, снимали маски, садились на богатые постели и проч. Оттуда повела меня сила к простому народу, гдѣ такія же дѣйствія, но особенным образом и порядком производились. Люди шли по улицѣ с склянницами в руках, шумя, веселясь, шатаясь, как обыкновенно в черном народѣ бывает; так же и любовныя дѣла сродным себѣ образом происходили у них. Тут, поставя в один ряд мужеск, а в другой женск пол, рассматривали, кто хорош, кто на кого похож и кому достоин быть парюю. Отсюда вшел я в постоянные дома, гдѣ лошади, упряж, сѣно, расплаты, споры и пр. слышал. Наконец, сила ввела меня в храм нѣкѣй обширный и прекрасный: тут якобы в день сошествія святаго духа служил я литургію с дьяконом и помню точно, что возглашал сие громко: «Яко свят еси, боже наш» и пр. до конца. При сем обоим хорам пѣто было протяжно: «Святый боже...»

Сам же я, с дьяконом перед престолом до земли кланяясь, чувствовал внутренно сладчайшее удовольствие, котораго изобразить не могу. Однако и тут человеческими пороками осквернено. Сребролюбіе с кошельком таскается и, самаго священника не миная, почти вырывает в складку. От мясных обѣдов, которые в союзных почти храму комнатах отправляемы были и в которыя из олтаря многія двери находились, во время литургіи дух шибал до самой святой трапезы. Тут я видѣл слѣдующее ужасное позорище. Как нѣкоторым не доставало к явствію птичих и звѣриных мяс, то они одѣтаго в черную ризу челоуѣка, имѣвшаго голая колѣна и убогія сандаля, убитаго, в руках держа при огнѣ, колена икры жарили и мясо, с истекающим жиром отрезывая и отгрызая, жрали; и сие дѣлали аки бы нѣкѣе служители. Я, не стерпя смрада и свирѣпства сего, отвратил очи и вышел. Сей сон не меньше усладил меня, как и устрашил».

Я пишу жизнь человека сего в христианском веке, стране, народе и исповедании. Да прочтут книгу христианства, святое писание, и увидят, что челоуѣк толико же способен быть прозорливцем, как и зверем, неразумливый да не разумеает!

Сковорода начал чувствовать вкус в свободе от суетностей и пристрастій житейских в убогом, но беспечальном состояннии, в уединении, но без расстройки с самим собою. Лжемудрствующее самолюбие, сия приукрашенная дочь внешнего разума, не

могла обаять сердце его. Величественное свойство мыслящего бытия, волю, углубил он со всем умствованием ее и желаньями в ничтожность свою и поверг себя в волю творца, предавшись всецело жизни и любви божией, дабы промысл его располагал им, яко орудием своим, амо же хочет и яко же хочет.

Когда человек исходит из круга самомянения, самопроизволения, самолюбия своего, почитая все то землю пустою, непроходною и безводною, тогда чистый дух святыи занимает все чувства его и восстанавливает царствие истины, то есть возжигает в нем способности внутреннего чувства огнем любви своей. Тогда высокое познание и разумение по мере расположения внутреннего и внешнего возникает из средоточия всех вещей, аки тончайший, пронизательнейший огонь, с неизъясняемым удовольствием поглощаясь бездною света. В таком состоянии чувство человека взирает на дух вседержителя с радостью и поклонением, и сим-то образом смиренное самоотвержение человеческое может созерцать то, что есть в вечности и во времени, ибо все близ его, все окрест его, все в нем есть.

Григорий, наполняясь живыми чувствами истинными, изображал то пером в сочинениях простых, но сильных. Между прочими написал он стихи: «Оставь, о дух мой, вскоре!» Старик Т., прочтя оные и узнав от него, что то была забава его, сказал ему: «Друг мой! Бог благословил тебя дарованием духа и слова». Все время бытности его у Т. проходило в обуче-

нии сына его словесным наукам и языку, а себя благочестию и самодовольству.

Наконец, молодому воспитаннику его надлежало поступить в другой круг упражнений, пристойных по совету и по роду, а Сковороде судьба предуготовила звание издалече.

В Белгород прибыл на епископский престол Иоасаф Миткевич — муж, исполненный благосердия, добродетелей, учения. Сему архиерею был известен по законоискусству и по старой приязни игумен Гервасий Якубович, находившийся тогда в Переяславле. Иоасаф пригласил Гервасия разделить с ним епархиальные труды и дружественную жизнь. Гервасий приехал в Белгород и, видя ревность Иоасафа к наукам, представил ему о Сковороде одобрительнейше. Епископ вызвал его к себе через Гервасия. Сковорода немедленно прибыл и по воле Иоасафа принял должность учителя поэзии в Харьковском училище 1759 года.

Отличный образ его мыслей, учения, жизни скоро обратил к нему внимание всего общества тамошнего. Он одевался пристойно, но просто; пищу имел состоящую из зелий, плодов и молочных приправ; употреблял оную ввечеру по захождении солнца; мяса и рыбы не вкушал не по суеверию, но по внутреннему своему расположению; для сна отделял от времени своего не более четырех часов в сутки; вставал до зари и, когда позволяла погода, всегда ходил пешком за город прогуливаться на чистой воздух

и в сады; всегда весел, бодр, легок, подвижен, воздержен, целомудр, всем доволен, благодушествующ, унижен пред всеми, словоохотен, где не принужден говорить, из всего выводящий нравоучение, почтителен ко всякому состоянию людей, посещал больных, утешал печальных, разделял последнее с неимущими, выбирал и любил друзей по сердцу их, имел набожество без суеверия, ученость без кичения, обхождение без лестии.

Год протек, и он, оконча срочное время, приехал к Иоасафу для препровождения обыкновенного в училищах времени отдохновения. Епископ, желая удержать его более при училище, поручил Гервасию, как приятелю его, уговаривать его, чтоб принял он монашеское состояние, обещевая довести его скоро до сана высокого духовенства. Гервасий начал советовать Сквороде, предлагая желание архиерея, благовидность пользы его, предстоящую ему в сем поприще честь, славу, изобилие всего, почтение и, по его мнению, счастливую жизнь.

Не таковы должны были предложены побуждения для сердца Сквороды. Он, выслушав сие, возревновал по истине и сказал Гервасию: «Разве вы хотите, чтобы и я умножил число фарисеев? Ешьте жирно, пейте сладко, одевайтесь мягко и монашествуйте! А Скворода полагает монашество в жизни нестяжательной, малодовольстве, воздержности, в лишении всего ненужного, дабы приобрести всенужнейшее, в отвержении всех прихотей, дабы сохранить

себя самого в целости, во обуздании самолюбия, дабы удобнее выполнить заповедь любви к ближнему, в искании славы божией, а не славы человеческой». Гервасий убеждал его милостию архиерея, дружбою своею, пользою церкви, но Скворода, тверд духом и правилами, возразил ему в ответ: «Благодарствую за милость, за дружбу, за похвалу; я не заслуживаю ничего сего за непослушание мое к вам при сем случае». Гервасий, зная недостатки его и думая, что он, нуждаясь содержанием и знакомством в чужой стороне, должен будет согласиться на предложение его, оказал ему остуду. Григорий, приметя сие, решился скоро. На третий же день, дождавшись в передней выхода его, подошел сказать ему всемирнейше: «Прошу вашего высокопреподобия на путь мне благословения». Гервасий, не глядя на него, благословил его с досадою, а Скворода, с миром отошед, тотчас отправился к новому приятелю своему в деревню Старицу, в окрестности Белгорода.

Старица было место изобильное лесами, водотечами, удолиями, благоприятствующими глубокому уединению. Скворода, поселясь тамо, паче всего прилежал к познанию себя и упражнялся в сочинениях, относительных к сему. В лишениях своих, призывая в помощь веру, не полагал оной в наружных обрядах одних, но во умерщвлении самопроизволения духа, то есть побуждений, от себялюбия происходящих, в заключении всех желаний своих

в волю всеблагого и всемогущего творца по всем предприятиям, намерениям и делам. Он единственно занимался повелевать чувству своему и поучать сердце свое не дерзая господствовать над порядком промысла божия, но повиноваться оному во всей смиренности.

Отец Гервасий донес епископу об отзыве Сквороды на предложения его и об отбытии его. Добродушный Иоасаф не подсадовал, но только пожалел об нем. Между тем Григорий продолжал пустынножительство в Старице.

Нигде столько не обзирает себя человек, как в уединении, и не напрасно сказано древним мудрецом; уединенный должен быть или царь, или зверь. Пребороть скуку, проклятое исчадие недовольства, занять ум и сердце упражнениями достаточными, ублажить их есть дело не иначе, как мудрого, обладающего собою царя уединенного, священника божия, понимающего вездесущие и всеисполнение духа господня и поклоняющегося ему духом.

Скворода, провозая тамо дни свои в бодрости духа, веселости, беспечалии, благонадежности, часто говаривал при посещающих его: «ὦ σχολίων! ὦ βλίων!» — «О свобода! О наука!»

Слух о необыкновенной жизни его и назидательном собеседовании привлек многих искателей знакомства его. Он, посещая некоторых по деревням, вздумал навестить Харьков. Некто из познакомившихся с ним и сделавшись приятелем его, просил,

чтоб, будучи в Харькове, познакомился он с племянником его, молодым человеком, находившимся там для наук, и не оставил бы его добрым словом.

Скворода приехал в Харьков, жил у знакомых своих несколько уже недель. В одно время, пришедши посетить училище и видя тут некоторых незнаемых им, спросил, не находится ли тут такой-то племянник NN. Молодой тот человек случился на сие время быть там, и знакомые Сквороде сказали, что он самый тот есть. Скворода, посмотря на него, возлюбил его, и возлюбил до самой смерти. После увидел сей молодой человек, что случай таковой был устроен для него перстом божим издалече.

Добрый пастырь Иоасаф, не теряя из виду Сквороды, желал всячески привлечь его паки в Харьковское училище и извлечь из дарований его пользу, которую он чувствовал во всей цене ее. Зная, что он не любит принужденности, пригласил его дружески и предложил ему должность учителя, какую хочет. Довольно было убедить Сквороду, чтоб дать только ему на выбор дело — то или другое. Он, имея в виду пользу, намереваемую для молодого нового друга своего, которого в сердце почитал уже таковым, как после сам о сем изъяснялся, рад был призыву епископа и взял предложение его всеохотно с тем, чтоб преподавать ему класс, ниже прежнего, синтаксический. Сверх того взялся обучать еллинскому языку.

Прибыв из Белгорода в Харьков и вступя в долж-

ность, нашел он любимого своего молодого человека, который, однако, не знал и не смел мыслить, что мог быть достойным дружбы его, хотя любил и удивлялся философской жизни его и внутренне почитал его.

Григорий часто начал посещать его и, по склонности молодого человека, занимать его музыкой и чтением книг, служивших поводом к разговорам и нравованию. Открыв в молодом человеке сердце, какового желал он, и способности природные, каковые любил он, обратил внимание свое на удобрение разума его и духа.

Молодой сей человек, будучи воспитываем до сего полуучеными школьными учителями, в руках которых тогда святилища наук находились, которые и положили ему в голову мнения о вещах странные, часто слыша от Сковороды противное тому и не могли согласить в понятии своем новых правил с старыми, видя же на самом деле жизнь его добродетельную, целомудрую, примерную, сомневался сам в себе и сожалел душевно, что такой добродетельный муж имел несогласные с учеными мнения и правила, особливо же до нравования и духовных знаний относительные, а посему и в заблуждениях находился.

Все книгоичие наставники его, да и весь свет, словом и делом внушали ему, что счастье человеческое состоит в том, чтобы иметь всего много: много чего есть, много чего пить, много во что одеваться

и в утехах праздню веселиться. Сковорода один начал говорить ему: чтоб быть истинно счастливым, то все оное не нужно; что ограничение желаний, отвержение излишеств, обуздание прихотствующей воли, трудолюбие, исправление должности, в которую промысел божий поставил кого, не за страх, но за совесть, суть пути к счастью. Сковорода говорил сие и жил тако.

Велемудрые учили его, что добродетель гражданская одна есть ничто пред верховным существом, что Марк Аврелий, Тит, Сократ, Платон и прочие славные в древности великими делами и сердцем люди должны быть несчастливы, потому что не имели исторического знания о вещах, случившихся после их. Сковорода утверждал, что во всех оных мужах действовал дух вышний, а посему и не достойны они осуждения, но почтения и подражания в любви к истине. И если бог есть истина, то они были верные служители его.

Философы, учившие молодого человека, толковали ему, что к такому, например, жизни состоянию больше и особенно привязано благословение божие, а к иному меньше, или же и проклятие, что ведение таинств и выполнение обрядов тайноводства есть совершенство и высота человека. Сковорода учил, что все состояния суть добры, и бог, разделяя члены общества, никакого не обидел; проклятия же налагает он точию на сынов противления, которые, не вняв себе и не последуя званию природы, вступают

в состоянии по страстям, по обманчивым видам, по прихотям. И понеже не испытали они в себе склонности врожденной, то и предал их верховный раздаятель дарований в неискусен ум, да творят неподобная и будут прокляты, то есть несчастливы. Сковорода учил, что совершенство человека состоит в делании истинной пользы ближнему и что таинства и обряды тайноводства относительно к слову, а царствие божие есть в силе или в деле.

Молодой человек, напоен будучи измлада предверениями, слушая Сковороду, восчувствовал в себе возбужденную борьбу мыслей и не знал, чем разрешить оную. Прочие учителя его внушали ему отвращение к Сковороде, запрещали иметь знакомство с ним, слушать разговор его и даже видеться с ним. Он любил сердце его, но дичился разума его; почитал жизнь, но не вмещал в ум рассуждений его; уважал добродетели, но устранялся мнений его; видел чистоту нравов, но не узнавал истины разума его; желал бы быть другом, но не учеником его.

Трудно изгладить первые впечатления.

Сковорода продолжал преподавать синтаксис и еллинский язык общественно, а любимого своего молодого человека обучал особенно греческому языку и чтению древних книг, из которых любимейшими были следующие писатели: Плутарх, Филон-Иудеанин, Цицерон, Гораций, Лукиан, Климент Александрийский, Ориген, Нил, Дионисий Ареопагитский, Максим Исповедник, а из новых относи-

тельные к сим; глава же всем библия. Сила, содержание и конец учебного их упражнения было сердце, то есть основание блаженной жизни.

Предприняв перевоспитывать его и желая больше и больше дать ему впечатлений истины, писал он к нему письма почти ежедневно, дабы, побудя его к ответствованию хотя кратко на оные, приучить его мыслить, рассуждать, изъясняться справедливо, точно, прилично.

Предрассудки, возбуждаемые различием мнений, не позволяли сомнениям в юноше искорениться. Странное происшествие истребило оные до основания, и сие так описано в поденных записках сего молодого человека:

«1763 года, будучи я занят размышлениями о правилах, внушаемых мне Сковородою, и находя в уме моем оные несогласными с образом мыслей прочих, желал сердечно, чтоб кто-либо просветил меня в истине. В таком расположении находясь и поставя себя в возможную чистоту сердца, видел я следующий сон.

Казалось, что на небе, от одного края до другого, по всему пространству оного, были написаны золотыми великими буквами слова. Все небо было голубого цвета, и золотые слова оные казались не столько снаружи блестящими, но больше внутрь сияли прозрачно светом, и не совокупно написаны по лицу небесного пространства, но складами, по слогам и содержали следующее и точно таким об-

разом: па-мять — свя-тых — му-че-ник А-на-ни-я — А-за-ри-я — Ми-са-и-ла. Из сих золотых слов сыпались огненные искры, подобно как в кузнице из раздуваемых сильно мехами угольев, и падали стремительно на Григория С. Сковороду. Он стоял на земле, подняв вверх прямо правую руку и левую ногу, в виде проповедующего Иоанна Крестителя, которого живописцы некоторые в изображениях представляют в таком расположении тела и каковым Сковорода тут же мне вообразился. Я стоял близ его, и некоторые искры из падающих на него, отскакивая, упали на меня и производили во мне некую легкость, развязанность, свободу, бодрость, охоту, веселость, ясность, согрешение и неизъяснимое удовольствие духа. Я, в исполнении сладчайшего чувствования, проснулся.

Поутру, встав рано, пересказал я сие видение странное почтенному и добродетельному старику т. с.¹ Борису, у которого я имел квартиру. Старик, подумавши, сказал мне с умилением: «Ах, молодой человек! Слушайтесь вы сего мужа: он послан вам от бога быть ангелом руководителем и наставником». С того часа молодой сей человек предался вседушно дружбе Григория, и с сего времени я в продолжении писания сего буду называть его *другом* по превосходству.

¹ Троицкому священнику.

Представившиеся в великолепном виде написанные на небеси имена трех отроков были тех самых, которых история изображена в том любимом Сковородою Дамаскиновом стихе, который певал он при всяком случае в молодости своей по некоему махимальному побуждению, как о сем упомянуто в начале сего. Ни Сковорода о любимом сем стихе, ни друг его о виденном им никогда друг другу не рассказывали и не знали. По прошествии тридцати одного года, за два месяца до кончины своей, Сковорода, будучи у друга сего в деревне и пересказывая ему всю жизнь свою, упомянул о том стихе Дамаскиновом, что он всегда почти имел в устах его и, сам не зная почему, любил его паче прочих пеней. Друг, сие услыша тогда и приведя на память виденное им во сне за тридцать один год назад, в молчании удивлялся гармонии чудесной, которая в различные лета, в разных местах то одному в уста, что другому после в воображение полагала, в возбуждение сердца их к выполнению и явлению разума и силы историей оной на самом деле, в жизни их. Впрочем, друг его никогда ему о сем виденном не говорил образ златый, на поле Деире служимый, есть мир сей, поле Деирово — время, печь огненная — плоть наша, разжигаемая желаньями, похотениями, суестрастиями, пламенями, жгущими дух наш; если трие отроцы, не послужившие твари и не брегшие поклониться идолу златому, суть трие главнейшие способности

человеческие: ум, воля и деяние, не покоряющиеся духу мира сего, во зле лежащего, и не вреждены огнем любострастные плоти, но прохладясь свыше духом святым, песнословно изображают деву богоматерь, девственное сердце, непорочность души человеческой; то огонь, падающий изобильными струями на Григория Сковороду из златовидных имян, написанных на небеси, трех отроков израильских, есть тайнообразовательное свидетельство почивающего на нем духа божия.

Друг его начал давать место в мыслях и в сердце своем мнениям и правилам его и нечувствительно увидел себя на пути светлом чистого ума и несмущенного духа.

Сковорода, хотя возбудить мыслящую силу друга своего поучатся не в книгах одних, но паче в самом себе, откуда все книги родятся, часто в беседах с ним разделял человека на двое: на внутреннего и внешнего, называя одного вечным, а другого временным; того — небесным, сего — земным; того — духовным, сего — душевным; одного — творческим, сего — тварным. По сему разделению в одном и том же человеке усматривал он два ума, две воли, два закона, две жизни. Первого по божественному роду его именовал он царем, господем, началом; другого же по земному бытию его — рабом, орудием, подножием, тварью. И как первому по преимуществу его принадлежало управлять, начальствовать, господствовать, — другой же долженствовал повинно-

ваться, служить, последовать воле его, то в надлежащее соблюдение порядка сего святейшей природы приучал он себя во всех деяниях жизни придерживаться тайного гласа внутреннего, невидимого и неизъяснимого мановения духа, которое есть глас воли божией и которое люди, чувствуя втайне и последуя движению его, убажуются, не повинуюсь же побудителю сему и не памятуя его, окаеваются. Он, испытав на самом деле святость тайного руководства сего, возбуждал внимание в друге своем и в прочих к сему святилищу внутренние силы божие и часто приглашал прислушиваться изречениям сего прорицалища нетленного духа, которого глас раздается в сердцах непорочных, яко друга, в развращенных, яко судии, в непокоривых, яко мстителя. Он называл его тем первобытным законом человека, о котором говорит святое писание: «Нетленный дух твой есть во всех; тем же заблуждающих поамлу обличаеши, и в них же согрешают, вспоминая, учиши, да, пременившись от злобы, веруют в тя, господя!» Он утверждал, что сей был тот самый гений, которому последуя во всем, добродушный Сократ, яко наставнику своему, достиг степени мудрого, то есть счастливого.

Он говаривал с сильным убеждением истины: «Посмотри на человека и узнай его! Кому подобен истинный человек, господь сый во плоти? Подобен доброму и полному колосу пшеничному. Рассуди же: не стебель с ветвями есть колос, не солома его, не

плева, не наружная кожица, одевающая зерно, и не тело зерна, но колос есть самая сила, образующая стебель, солому, тело зерна и проч., в которой сила все оное заключается невидимо. Она производит все то в явление весною, когда вся внешность на зерне согнила, дабы не причтено было плододейство мертвой земле, то есть гниющей внешности, но вся бы слава отдана была невидимому богу, тайною своею десницею всядействующему, дабы он один был во всем глава, вся же внешность прочая — пята. От колоса поступи к человеку. В колосе видел ты солому, полову, кожицу — но не тамо бог. Где же? В невидимой силе растительной господь бог произрастил нам колос невидимою силою. Посмотри же на телесность человека: не тамо сила божия! Она в невидимости его закрылась. Подними же от земные плоти мысли твои и уразумей человека в себе, от бога рожденна, не сотворенна в последнее жития время! Сила растительная зерна глава тела всего есть, тайная действительность невидимого бога: познай в себе силу разумную, глагол божий, слово вечное, десницу божью, закон, власть, царство, невидимость, образ отца небесного! Раскрой сердце твое для принятия веры и для обнятия того человека, который отцу своему небесному вместо силы его и вместо десницы его есть во веки веков. Сие семя твое, зерно твое есть пространнее небес и земных кругов, видимое сие небо и земля сия в нем сокрываются, и тебе ли сие семя сохранить не возможет? Ах! Буди уверен,

что и самый нечувственный влас главы твоей, потеврявши наличность свою, в нем без всякого вреда закроется, сохранится, ублажится! Семя благоданное, человек истинный, божий! Вся видимость есть подножие его. Сам он в себе носит царство, онебеса всякого просвещаемого им и восполня своим всеисполнением, возсед на месте десницы (одесную) отца небесного вовеки.

Сим немногим известным правилом водясь, он принимал на себя должности, располагал упражнения свои и забавы, переменал нечаянно местопребывания, делал знакомства, вступал в приязни, принимал в дружбу свою и не прежде решался делать что-либо зависящее от единственного выбора воли его, как посоветуя со внутренним духом, которого он называл иногда Минервою. Ибо, как Минерва, по баснословию, рождена из мозга Юпитерова, так дух наш происходит от бога.

Как бог дает дарования духа не в одну меру, но различно, по различию отраслей всецелого, то людей, вступающих в состояние жизни не по врожденной способности, называл Скворода людьми без Минервы. Так часто, видя робкого военачальника, грабителя судью, гордого богослова и пр., с досадою говаривал: вот люди без Минервы! Взглянув на изобрание царствующей в веке его Екатерины II, находившееся у друга его в гостинном покое, сказал он с движением: «Вот голова с Минервою!»

Он мыслил, что счастье человека состоит в том,

чтоб, узнав собственную в себе способность, по одной употребить себя в жизни. Так многие богословы были бы, может быть, лучшими стряпчими по делам, многие ученые — разносчиками, многие судьи — пахарями, военачальники — пастухами, монахи — цаловальниками и проч.

Отсюда, заключал он, происходит, что одно и то же самое состояние жизни одного ублажает, а другого окаяняет; одного воинский сан прославляет, а другого посрамляет; одного царский венец приукрашает благословением, славою, бессмертием, а другого низвергает во тьму кромешную с проклятием имени его; одного богословие делает светильником мира, обладателем над сердцами, славным без славы, почетным без почестей, а другого — обманщиком, лицемером, лжецом высокоумудрствующим; одного учение возвысило до небес, а другого низвело до ада; одному судейство доставило имя благодетеля, а другому — разбойника; одному начальство в похвалу и честь, а другому — в хулу и поношение; одного монашество осветило, а другого очернило и погубило вовеки.

Такое правдивое, но для многих колкое изъяснение скоро навлекло ему брань. Ложь и порок вооружили на него орудия свои в лицах многих. Но рука господня была с ним, и он превозмогал ею все наветы глупых и злых человеков.

Занимаясь много другом своим, возводя ум его выше обыкновенных познаний, наведывался он иско-

ренть в нем предубеждения, напечатленные от невежд и бабьих басней. Приметя, что страх смерти и боязнь мертвых обладали мучительно воображением его, предлагал он ему важные чтения, разрушающие сие ужасное мнение; беседовал часто о начале и раснащении существ каждого в свое основание, говоря, что венцу подобен век: начало и конец в единой точке заключаются. От зерна колос в зерно возвращается, от семени в семя яблонь закрывается, земля в путь земли идет и дух к духу. Какое, — так рассуждал он, — есть основание первоначальное тварей? Ничто. Воля вечная, возжелав облещи совершенства свои в явление видимости, из ничего произвела все то, что существует мысленно и телесно. Сии желания воли вечной оделись в мысленности и мысленности — в виды, виды — в вещественные образы. Назначено поприще или круг каждому существу, по образу вечного, явить силы свои, то есть изливание невидимого во временной видимости и паки вступить в свое начало, то есть в свое ничто. Край первый и край последний есть едино, и сие едино есть бог. Все твари, вся природа суть приятелище, риза, орудие: все сие обветшает, свиеется, изменится; единый дух божий, исполняющий вселенную, пребывает вовеки. Богочеловек наш, говорил он, есть венец наш: не умираем, но изменяемся от смерти в живот, от тления в нетление. Умирают и умерли уже, им же бог чрево их и слава их в студе их. Грядет час и ныне есть, егда мертвии услышат глас сына божия

и; услышавше, оживут. Аще убо и ныне час есть; то почто на утрие, на тысящу лет, на несколько веков и кругообращений планет откладываем жизнь, смерть, воскресение, суд, глас сына божия? Нося уже в себе огонь неугасаемый мучительных желаний и чувствий и червь неусыпаемый угрызений совести, можем ли сказать, что мы еще не осуждены, что глас сына божия не слышится в нас еще, что труба божия не низвела еще к нам судию страшного, праведного, судящего, яко же слышит он сердце наше?

Не довольствуясь беседою о сем, приглашал он друга своего в летнее время прогуливаться поздно вечером за город и нечувствительно доводил его до кладбища городского. Тут, ходя в полночь между могил и видимых на песчаном месте от ветра разрытых гробов, разговаривал о безрассудной страшливости людской, возбуждаемой в воображении их от усопших тел. Иногда пел там что-либо приличное благодуществу; иногда же, удалясь в близлежащую рощу, играл на флейтравере, оставя друга молодого между гробов одного, якобы для того, чтобы издали ему приятнее было слушать музыку. Сей, неприметно освобождаясь от пустых впечатлений, мечтательных страхов, в спокойствии сердечном внутренне воссылал благодарение промыслу божию за ниспослание ему мудрого друга и наставника.

В 1764 году друг его вознамерился поехать в Киев для любопытства. Сковорода решился сопут-

ствовать ему, куда и отправились они в августе месяце.

По приезде туда, при обозревании древностей тамошних, Сковорода был ему истолкователем истории места, нравов и древних обычаев и побудителем к подражанию духовного благочестия почивающих тамо усопших святых, по не жизни живого монашества.

Многие из соучеников его бывших, из знакомых, из родственников, будучи тогда монахами в Печерской лавре, напали на него неотступно, говоря:

— Полно бродить по свету! Пора пристать к гавани, нам известны твои таланты, святая лавра примет тя, аки мати свое чадо, ты будешь столб церкви и украшение обители.

— Ах, преподобные! — возразил он с горячностью. — Я столботворения умножать собою не хочу, довольно и вас, столбов во храме божием.

За сим приветствием старцы замолчали, а Сковорода, смотря на них, продолжал:

— Риза, риза! Коль немногих ты опреподобила! Коль многих очаровала. Мир ловит людей разными сетями, накрывая оные богатствами, честию, славою, друзьями, знакомствами, покровительством, выгодами, утехами и святынею, но всех несчастнее сеть последняя. Блажен, кто святость сердца, то есть счастье свое, не сокровил в ризу, но в волю господню!

Старцы переменялись в лице, слушая сие; но

звон позвал их, и они поспешили на молитву. Один из них просил Сквороду с другом его на завтра прогуляться за обитель. Согласясь, пошли все трое и сели на горе над Днепром. Отец Каллистрат (так назывался он), обняв тут Сквороду, сказал:

— О мудрый муж! Я и сам так мыслю, как ты вчера говорил пред нашею братнею, но не смел никогда следовать мыслям моим. Я чувствую, что я не рожден к сему черному наряду и введен в оной одним видом благочестия, и мучу жизнь мою. Могу ли я?..

Скворода ответствовал:

— От человека невозможно, от бога же вся возможна суть.

По прошествии нескольких дней надлежало другу его возвращаться восвояси. Скворода, будучи упрощен родственником своим, соборным печерским Иустином, остался в Киеве.

Не прошло двух месяцев, как он приехал из Киева паки в Харьков. Украину предпочитал он Малороссии за воздух и воды. Реки почти все цветут в Малороссии, отчего и воздух имеет гнилость. Он обыкновенно называл Малороссию матерью потому, что родился там, а Украину теткою по жительству его в оной и по любви к ней.

В Харькове был губернатором Е. А. Щ.¹ — человек, не имевший учебного воспитания, но одарен природным здравым разумом, любитель наук, талан-

¹ Евдоким Олексійович Щербинін.

тов, музыки, в которой и сам он был весьма искусен и знающ. Наслышась о Сквороде, призвал он его к себе и, поговоря с ним, сказал ему:

— Честной человек! Для чего не возьмешь ты себе никакого известного состояния?

— Милостивый государы! — ответствовал Скворода. — Свет подобен театру: чтоб представить на театре игру с успехом и похвалою, то берут роли по способностям. Действующее лицо на театре не по знатности роли, но за удачность игры вообще похвально. Я долго рассуждал о сем и по многом испытании себя увидел, что не могу представить на театре света никакого лица удачно, кроме низкого, простого, беспечного, уединенного: я сию ролю выбрал, взял и доволен.

Губернатор, посмотря на него с удовольствием, полюбил его и сказал предстоящим:

— Вот умной человек! Он прямо счастлив; меньше было бы на свете дурачеств и неудовольствий, если бы люди так мыслили.

— Но, друг мой! — продолжал Щ., отведя его особенно из круга. — Может быть, ты имеешь способности к другим состояниям, в общезнании полезным, да привычка, мнение, предубеждение...

— Если бы я почувствовал сего дня, — прервал речь Скворода, — что могу без робости рубить турков, то с сего же дня привязал бы я гусарскую саблю и, надев кивер, пошел бы служить в войско. Труд при врожденной склонности есть удовольствие. Пес

бережет стадо день и ночь по врожденной любви и терзает волка по врожденной склонности, несмотря на то, что и сам подвергается опасности быть растерзан от хищников. Ни конь, ни свинья не сделают сего; понеже не имеют природы к тому. Склонность охота, удовольствие, природа, сила божия, бог есть то же. Есть склонности, есть природы злые, и сии суть явление гнева божия. Человек есть орудие, свободно и вольно подчиняющее себя действию или любви божией, то есть живота или гнева божия, то есть суда, добра или зла, света или тьмы. Сие впечатлено ощутительно на кругообращении дня и ночи, лета и зимы, жизни и смерти, вечности и времени. Бог есть бог живота или любви и бог суда или гнева. Все твари суть грубые служебные органы свойств сего высшего существа: один человек есть благороднейшее орудие его, имеющее преимущество свободы и полную волю избрания, а потому и цену и отчет за употребление права сего в себе держащее. Отсюда, естественно, происходит понятие о правосудии, милосердии и благодати во творце. А когда во творце, то и в тварях, найпаче же приближенных к нему даром разума. Отсюда власти, правительства, державы, семейства, общества, состояния, отсюда родители, цари, начальники, воины, судии, господа, рабы; но един бог во всех и вся в нем.

Щербинин в сладость послушал его и убеждал его ходить к нему чаще.

Сковорода, держась приличия того лица, которое

избрал он представлять на театре жизни, всегда Удалялся знатных особ, великих обществ и чиновных знакомств: любил быть в малом круге непринужденного обращения с людьми откровенными; предпочитал чистосердечное обхождение паче всяких ласкательных приемов, в собраниях занимал всегда последнее место, ниже всех и неохотно входил в беседу с незнакомыми, кроме простолудинов.

Любимое, но не главное упражнение его была музыка, которою он занимался для забавы и препровождал праздное время. Он сочинил духовные концерты, положив некоторые псалмы на музыку, также и стихи, певаемые во время литургии, которых музыка преисполнена гармонии простой, но важной, проникающей, пленяющей, умиляющей. Он имел особую склонность и вкус к акроматическому роду музыки. Сверх церковной, он сочинил многие песни в стихах и сам играл на скрипке, флейтравере, бандоре и гуслях приятно и со вкусом.

В 1766 году по повелению благополучно царствующей Екатерины II к харьковским училищам, по предстательству Щербинина прибавлены некоторые науки под названием прибавочных классов. Между прочими назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравия. Начальство признало способнейшим к сему Сковороду и пригласило его. Он охотнейше принял сие предложение и не захотел брать определенного за класс сей по окладу жалованья, почитая, что удовольствие, которое

находит он быть в сем случае полезным по склонности своей, заменяет ему всякую мзду. По сему поводу написал он в то время сочинение, известное под сим именем: «Начальная дверь к христианскому добронравию для молодого шляхетства Харьковской губернии».

Сочинение сие содержало в себе простые истины, краткие коренные познания должностей, относительных до общежития. Все просвещенные люди признавали в оном чистые понятия, справедливые мысли, основательные рассуждения, чувствительные побуждения, благородные правила, движущие сердце к подобному себе концу высокому.

Но как все то основывалось на познании бога и достойном почтении оного, то епископ белградский, бывший тогда епархиальным, почитая такое рассуждение в устах светского человека за похищение власти и преимуществ своих, вознегодовал на него с гонением; требовал книжицу на рассмотрение; нашел некоторые неясности для него и сомнения в речах, и образ учения, не соответствующий обыкновенному правилу, почему и препоручил своим спросить Сковороду, для чего он преподавал наставление христианского благонравия различным образом от обыкновенного? Сковорода отвечив: «Дворянство различествует и одеянием от черни народной и монахов. Для чего же не иметь оному и понятий различных о том, что нужно знать ему в жизни? Так ли, — продолжал он в ответ, — госуда-

ря понимает и почитает пастух и земледелец, как министр его, военачальник, градоначальник? Подобно и дворянству такие ли прилично иметь мысли о верховном существе, какие в монастырских уставах и школьных уроках?» По сем ответе все замолчало.

Сковорода, побуждаясь духом, удалился в глубое уединение. Близ Харькова есть место, называемое Гужвинское, принадлежащее помещикам Земборским, которых любил он за добродушие их. Оное покрыто угрюмым лесом, в середине которого находился пчельник с одною хижиною. Тут поселился Григорий, укрываясь от молвы житейской и злословий духовенства.

Предавшись на свободе размышлениям и оградя спокойствие духа безмолвием, бесстрастием, бесцветностию, написал он тут первое сочинение свое в образе книги, названное им «Наркисс, или о том: познай себя». Прежние его, до того писанные, малые сочинения были только отрывочные, в стихах и прозе.

Продолжая там же свое пустынножителство, написал он другое сочинение, под именем: «Книга Асхань, о познании себя самага», которое приписал другу своему.

Лжемудрое высокоумие, не в силах будучи вредить ему злословием, употребило другое орудие — клевету. Оно разглашало повсюду, что Сковорода охуждает употребление мяса и вина и сам чуждается оных. А как известно, что такое учение есть ересь

манихейская, проклята от святых соборов, то законсловы и дали ему прилагательное имя манихейского ученика. Сверх того, доказывали, что он называет вредными сами по себе золото, серебро, драгоценные вещи, одежды и проч. Как же бог ничего вредного не сотворил, а все те вещи им созданы, то и заключали, что он богохульник.

Притом, поелику Сковорода удаляется от людей, чуждается общества, бегаёт состояния в общежитии, скрывается в леса, то и выводили естественным последствием, что он не имеет любви к ближнему, а потому и назвали его мизантропом, то есть человеконенавистником.

Сковорода, узнавши о сем и не желая, чтоб добрые и простодушные сердца соблазнились о нем сими разглашениями клеветы, явился в город и, нашед в одном собрании приличный случай к объяснению правил своих, говорил тако:

— Было время и теперь бывает, что для внутренней моей экономии воздерживаюсь я от мяса и вина. Но потому ли лекарь оуждает, например, чеснок, когда велит поудержаться от употребления одного тому, у кого вредный жар вступил в глаза? Все благосотворено от всещедрого творца, но не всем всегда бывает полезно. Правда, что я советовал некоторым, дабы они осторожно поступали с вином и мясом, а иногда и совсем от того отводил их, рассуждая горячую молодость их. Но когда отец молодому сыну вырывает из рук нож и не даёт ему

употребления оружейного пороха, сам, однако же, пользуясь оными, то не ясно ли видно, что сын ещё не может владеть правильно теми вещами и обращаться их в пользу, ради которой они изобретены? Вот почему приняли меня за манихейского ученика. Не ложно то, что всякой род пищи и питья есть полезен и добр; но надлежит брать в рассуждение время, место, меру, особу. Не бедственно ли было бы сосущему грудь младенцу дать крепкой водки? Или не смешно ли работавшему в поте лица весь день на стуже дровосеку подать стакан молока в подкрепление сил его? Как же несправедливо почли меня за манихея, так и недостойно за человеконенавистника и ругателя даров божиих.

Когда бог определил мне в низком лице быть на театре света сего, то должно уже мне и в наряде, в одеянии, в поступках и в обращении со степенными, сановными, знаменитыми и почтенными людьми наблюдать благопристойность, уважение и всегда помнить мою ничтожность пред ними. Сие сам я стараясь сохранить и прочим советовал делать такожде, отчего и попал я во оклеветание. Оглагольники мои если бы приписывали мне обыкновенные слабости или пороки, то сносно было бы мне; но сии языковредные, представляя меня развращающим нравы, делают меня ещё душегубителем, то есть еретиком, и под сим видом запрещают, отговаривают, отсоветывают вступать со мною в знакомство, в беседу, в обращение. Я говаривал молодым людям совето-

вать с своею природою, чтоб они на позорище жизни могли сохранить благопристойность, приличную искусным действующим лицам; а если кто взял ролю не совсем сродную ему, то старался бы как можно удачнее оную представить и поступать без соблазнов, дабы хотя несколько жалобы между людьми и роптания пред богом на состояния свои уменьшились.

Слушавшие тут друг на друга взглядывали, и никто ни слова не сказал ему на сие. Сковорода, поклонясь всем, отправился тогда же в уединение.

В Изюмском округе, Харьковской губернии, имели жительство дворяне Сошальские, которых брат меньшей просил тут же Сковороду пожить у него, предлагая ему спокойное пребывание в деревне его, где все по вкусу и охоте своей он мог найти, как и самого хозяина, ищущего любви его. Сковорода поехал с ним в деревню его Гусинку, полюбил место и хозяев и поселился не в далеком расстоянии от деревни, в пасеке их. Тишина, безмятежие, свобода возбудили в нем все чувства тех драгоценных удовольствий, которые опытом известны одним мудрым и целомудрым. «Мнози глаголют (так писал он к другу своему): что делает в жизни Сковорода? Чем забавляется? Аз же во госпде возрадоюся, возвеселюся о бозе, спасе моем! Радование есть цвет человеческия жизни,— продолжал он,— оно есть главная точка всех подвигов; все дела коеяждо жизни сюда текут. Суть некие, аки без главной точки

живущие, без цели, без пристани пловущие. Но о развращенных я не говорю: свое всякому радование мило. Аз же поглумлюся, позабавлюся в заповедех вечного. Все исходит в скуку и омерзение, кроме сей забавы, и пути ее — пути вечны.

Между сим круг жизни друга его доходил до той точки, на которой означается двупутие Геркулесово. Он вознамерился ехать в столицу для службы: в 1769 году отправился туда и прибыл в ноябре.

Свет представился ему во всей великости своих прелестей. Потоп мыслей покрыл разум его, и бездна желаний отверзлась пред сердцем его. Но причась от наставника своего Сковороды относиться во всех своих предприятиях к мановению внутреннего духа, силою его пробудился от обаятельного удивления и, три года проживя в столице, всегда хранил под державою его, соблюл душевное спокойствие. Блажен, аще бы неуклонно во все текущие лета последовал сему великому совету ангелу!

В 1770 году Сковорода, согласясь, с Сошальским поехали в Киев. Родственник его Иустин был начальником Китаевской пустыни, что подле Киева. Сковорода поселился у него в монастыре и три месяца провел тут с удовольствием. Но вдруг заметил в себе внутреннее движение духа непонятное, побуждающее его ехать из Киева: следуя сему, по своему обыкновению, просит он Иустина, чтоб отпустил его в Харьков. Сей уговаривает его остаться. Григорий непреклонно настаит, чтоб отправить его. Иустин за-

клинает его всею святынею не оставлять его. Сей, видя нерасположение Иустина к отпуску его, пошел в Киев к приятелям попросить, чтоб отправили его в Украину. Те удерживают его, он отговаривается, что ему дух настоятельно велит удалиться из Киева. Между сим пошел он на Подол — нижний город в Киеве. Пришед на гору, откуда сходят на Подол, вдруг остановясь, почувствовал он обонянием такой сильный запах мертвых трупов, что перенести не мог и тотчас поворотился домой. Дух убедительнее погнало его из города, и он, с неудовольствием отца Иустина, но с благоволением духа, отправился в путь на другой же день.

Приехав через две недели в Ахтырку-город, остановился он в монастыре у приятеля своего архимандрита Венедикта. Прекрасное местоположение и приязнь добродушного монаха сего успокоили его. Тут вдруг получили известие, что в Киеве оказалась моровая язва, о которой в бытность его и не слышно было, и что город заперт уже.

Сердце его дотоле почитало бога, аки раб; оттоле возлюбило его, аки друг. И о сем он рассказывал другу своему тако: «Имея разженные мысли и чувства души моей благоговением и благодарностию к богу, встав рано, пошел я в сад прогуляться. Первое ощущение, которое осязал я сердцем моим, была некая развязанность, свобода, бодрость, надежда с исполнением. Введя в сие расположение духа всю волю и все желания мои, почувствовал я внутри себя

чрезвычайное движение, которое преисполняло меня силы непонятной. Мгновенно изливание некое сладчайшее наполнило душу мою, от которого вся внутренняя моя возгорелась огнем, и казалось, что в жилах моих пламенное течение кругообращалось. Я начал не ходить, но бегать, аки бы носим неким восхищением, не чувствуя в себе ни рук, ни ног, но будто бы весь я состоял из огненного состава, носимого в пространстве кругобытия. Весь мир исчез предо мною; одно чувство любви, благонадежности, спокойствия, вечности оживляло существование мое. Слезы полились из очей моих ручьями и разлили некую умиленную гармонию во весь состав мой. Я проник в себя, ощутил аки сыновнее любви уверение и с того часа посвятил себя на сыновнее повиновение духу божию».

По прошествии двадцати четырех лет пересказывал он сие другу своему с особенным чувствованием, давая знать, коль близ нас есть бог, колико промышляет о нас, хранит нас, яко же кокош птенцы свои, под крыле своя собрав, аще мы точию не удаляемся от него во мрачные желанья воли нашей растленной. Поживя несколько у отца Венедикта, отправился он паки в Гусинку к Сошальским, где и занялся упражнениями сочинений.

В 1772 году, в феврале месяце, друг его поехал в чужие края и, быв во Франции в разных городах, прибыл в 1773 году в Швейцарию, в город Лозан.

Между многими умными и учеными людьми, ка-

ковых в Лозани нашел он, находился там некто Даниил Мейнгард, человек отменного разума природного, имевший дар слова, ученость редкую, обширные познания, благонравие философское. Он столько похож был чертами лица, обращением, образом мыслей, даром слова на Сквороду, что можно бы почесть его ближайшим родственником его. Друг Сквороды познакомился с ним, и они друг друга столько полюбили, что Мейнгард, имея у себя подле Лозани прекрасный загородный дом, сад и величайшую библиотеку, просил его располагать оным всем в свое удовольствие, и сей пользовался всегда, как и многими сведениями от него.

Возвратясь из чужих краев и увидясь со Сквородою в 1775 году, рассказал ему друг его ту удивительную встречу, по которой он нашел в Лозани похожего человека на него чертами лица, свойствами, образом мыслей и дружбою к нему. Скворода возлюбил его заочно и с того времени начал подписывать на письмах и сочинениях своих имя свое тако: Григорий вар (евр.—сын) Сава Скворода, Даниил Мейнгард.

И добрая и худая слава распространилась о нем во всей Украине, Малороссии и далее. Многие хулили его, некоторые хвалили, все хотели видеть его, может быть, за одну странность и необыкновенный образ жизни его, немногие же знали его таковым, каков он в самой точности был внутренно.

По разным обстоятельствам живал он у многих:

иногда местоположение по вкусу его, иногда же люди по Минерве его привлекали его проживать некоторое время; непременно же жилища не имел он нигде, почитая себя пришельцем на земле во всем разуме слова сего.

Полюбя Тевяшова, воронежского помещика, жил у него в деревне и написал у него сочинение «Икона алкивиадская», которое и приписал ему в память признательности своей к дому сему. Потом имел пребывание в Бурлуках у Захаржевского, ради приятных положений природы жительствовавал у Щербицина в Бабах, в Ивановке у Ковалевского, у друга своего в Хотетове, в монастырях Старо-Харьковском, Харьковском училищном, Ахтырском, Сумском, Святогорском, Сеннянском и проч. по несколько времени. Иногда жил у кого-либо из сих и у других, совершенно не любя их пороков, но для того только, дабы чрез продолжение времени, обращаясь с ними, беседуя, рассуждая, нечувствительно привлечь их в познание себя, в любовь к истине, в отвращение от зла и примером жизни заставить любить добродетель. Впрочем, во всех местах, где жил он, избирал всегда уединенный угол, жил просто, один, без услуги.

Харьков любил он и часто посещал его. Новый тамошний начальник, услышав об нем, желал видеть его. Скворода пришел к нему по приглашению его. Губернатор, увидя его в первый раз и посмотря на него пристально, спросил его:

— Г. Скворода! О чем учит библия?

— О человеческом сердце,— ответил он.— Поваренные ваши книг учат, как удовольствовать желудок; псовые — как зверей давить; модные — как наряжаться; библия учит, как облагородствовать человеческое сердце.

Некто из ученых спросил его тут же, что есть философия.

— Главная цель жизни человеческой,— отвечал Сковорода.— Глава дел человеческих есть дух его, мысли, сердце. Всяк имеет цель в жизни, но не всяк — главную цель, то есть не всяк занимается главою жизни. Иной занимается чревом жизни, то есть все дела свои направляет, чтобы дать жизнь чреву; иной — очам, иной — волосам, иной — ногам и другим членам тела; иной же — одеждам и прочим бездушным вещам; философия, или любомудрие, устремляет весь круг дел своих на тот конец, чтоб дать жизнь духу нашему, благородство сердцу, светлость мыслям, яко главе всего. Когда дух в человеке весел, мысли спокойны, сердце мирно, то все светло, счастливо, блаженно. Сие есть философия.

Из Харькова паки отправился он в Гусинку, любимое свое пустынножительство.

Любомудрие, поселясь в сердце Сковороды, доставляло ему благосостояние, возможное земнородному. Свободен от уз всякого принуждения, суетности, искательства, попечений, находил он все свои желанья исполненными в ничтожестве оных. Зани-

маясь о сокращении пужд естественных, а не о распространении, вкушал он удовольствий, не сравненных ни с какими счастливыми. Когда солнце, возжегши бесчисленные свечи на смарагдотканной плащанице, предлагало щедрою рукою чувствам его трапезу, тогда он, принимая чашу забав, не растворенных никакими печальми житейскими, никакими воздыханцами страстными, никакими рассеянностями суетными и, вкушая радования высоким умом, в полном упокоении благодушества говаривал: «Благодарение всеблаженному богу, что нужное сделал нетрудным, а трудное ненужным!»

Когда усталость в размышлениях заставляла его переменить упражнения свои, тогда он приходил к престарелому пчелинцу, недалеко жительствовавшему в пчельнике, брал с собою в сотоварищество любимого пса своего и трое, составя общество, разделяли между собою вечерю.

Ночь была ему местом упокоения от напряжений мысленных, нечувствительно изнуряющих силы телесные; а легкий и тихий сон для воображения его был зрелищем позорищ, гармонию природы представляемых.

Полуночное время имел он обычай всегда посвящать на молитву, которая в тишине глубокого молчания чувств и природы сопровождалась богомыслием. Тогда он, собрав все чувства и помышления в один круг внутрь себя и обзрев оком суда мрачное жилище своего перстного человека, так воз-

зывает оные к началу божию: «Восстаните, ленивые и всегда низу поникший ума моего помыслы! Возмисьте и возвыситесь на гору вечности!» Тут мгновенно брань открывалась, и сердце его делалось полем рати: самолюбие, вооружась с миродержителем века, светским разумом, собственными брэнности человеческой слабостями и всеми тварьми, нападало сильнейше на волю его, дабы пленить ее, воссесть на престоле свободы ее и быть подобным вышнему. Богомыслие, вопреки, приглашало волю его к вечному, единому, истинному благу его, вездесущему, всеисполняющему, и заставляло его облещись во всеоружие божие, дабы возможи ему стати противу кознем лжемудрия. Какое борение! Колико подвигов! Возшумеша и смятошася: надлежало бодрствовать, стоять, мужаться. Небо и ад борется в сердце мудрого, и может ли он быть празден, без дела, без подвига, без пользы человечеству? Тако за полунощные часы провождал он в бранном ополчении противу сил мрачного мира.

Воссиявающее утро облекало его во свет победы, и в торжестве духа выходил он в поле разделять славословие свое со всею природою.

Сей был образ жизни его! «Не орю убо, ни сею, ни куплю дею, ни воинствую,— так писал он к другу своему из пустыни,— отвергаю же всякую житейскую печаль. Что убо дею? Се что, всегда благословяще господя, поем воскресение его. Учуся, друг мой, благодарности: се мое дело! Учуся быть до-

вольным о всем том, что от промысла божия в жизни мне дано. Неблагодарная воля есть ключ адских мучений; благодарное же сердце есть рай сладостей. Ах, друг мой! Поучайся в благодарности, сидяй в дому, идяй путем, засыпая и просыпаясь; приемли и обращай все во благо: доволен сущими; о всем приключаемом тебе не воздавай безумия богу; всегда радуешься, о всем, благодаряще, молишься.

Можно было жизнь Сковороды назвать жизнью. Не таково было тогда состояние друга его.

Обращение в великом свете, удаля его малопомалу от его самого, заведя в лестные внешности, усыпая в нем доверие ко внутреннему гласу духа, простудя жар истинного любомудрия, возжгло в нем разум светский и возбудило свойства, собственные сему кругу бытия.

Свет облагодетельствовал его своими дарами, наложив на него усыпление, дал ему жену, друзей, приятелей, благодетелей, преданных, знакомых, свойственников, житейские связи и выгоды. Но дары сии напоены были соком корня их и свойствами начала их. Он увидел в счастии превращение, в друзьях — измену, в надеждах — обман, в утехах — пустоту, в союзах — самовидность, в ближних — остуду, в своих — лицепрятие.

Таковы были последствия светского круга, в который попал он, оставя сам себя.

Удручен, изможден, истощен волнениями света, обратился он в себя самого, собрал рассеянные по

свету мысли в малый круг желаний и, заключа оные в природное свое добродушие, прибыл из столицы в деревню, надеясь тамо найти брег и пристань житейскому своему обуреваю.

Свет и тамо искажил все. В глубоком уединении остался он один, без семейства, без друзей, без знакомых, в болезни, в печалах, в беспокойствах, без всякого участия, совета, помощи, соболезнования. Тогда он, возведя очи свои на позорище света, на круг обстоятельств своих, на заблуждения свои, которым он сделался жертвою, и видя, что не на камени основан был храм житейского счастья его, в сердечном чувствии сожаления, ободрясь добродушием своим, воспел оную преисполненную истины песнь:

«О Иерихон проклятый, как ты меня обманул!» — и проч.

Промысл божий возрел на него в развалинах бытия его, воздвигнул дух мудрого, сердце друга, и Сковорода семидесятитрехлетний, по девятнадцатилетнем несвидании, одержим болезнями старости, несмотря на дальность пути, на чрезвычайную ненастную погоду и на всегдашнее отвращение к краю сему, приехал в деревню к другу своему, село Хотетово, в двадцати пяти верстах от Орла, один разделить с ним ничтожество его.

Бодрость духа, веселость нрава, мудрая беседа, свободное сердце от всякого рабства свету, суетности, пристрастиям, торжество благодущия, утвер-

жденное на семидесятилетних столбах жизни и увенчаемое при исходящих века спокойствием вечности, возбудили в друге его усыпленные силы разума, восперили чувства его, возвысили желания, устроили волю к воле вседержителя.

Сковорода привез к нему сочинения свои, из которых многие приписал ему; читывал оные сам с ним ежедневно и между чтением занимал его рассуждениями, правилами, понятиями, каковых ожидать должно от человека, искавшего истины во всю жизнь не умствованием, но делом, и возлюбившего добродетель ради собственной красоты ее.

Речь доходила тут до разных толков, или сект. «Всякая секта,— говорил он, пахнет собственностью, а где собственномудрие, тут нет главной цели или главной мудрости. Я не знаю М.¹,— продолжал он,— ни разума, ни учения их; ежели они особничают в правилах и обрядах, чтобы казаться мудрыми, то я не хочу знать их; если же они мудрствуют в простоте сердца, чтоб быть полезными гражданами обществу, то я почитаю их; но ради сего не для чего бы им особничествовать. Любовь к ближнему не имеет никакой секты: на ней весь закон и пороки висят. Закон природы, яко самонужнейший для блага человеческого, есть всеобщий и напечатлен на сердце каждого, дан всякому существу, даже послед-

¹ Мартинистів.

ней песчинке. Благодарение всеблаженному богу, что трудное сделал ненужным, а нужное нетрудным!»

Искание философского камня, или превращение всех вещей в золото и соделание состава из одного, дабы продлить человеческую жизнь до нескольких тысяч лет, есть остаток египетского плотолюбия, которое, не могши продлить жизни телесной, при всех мудрованиях своих нашло способ продолжать существование трупов человеческих, известных у нас под именем мумий. Сия секта, — говорил он, — меряя жизнь аршином лет, а не дел, несообразна тем правилам мудрого, о котором пишется: «Поживе в мале, исполни лета долга». Сверх того, она ласкательствует соблазнительно суетности человеческой, похотоугодиям, гордости, зависти, любостыжанию; дает в мыслях перевес тленности, в сердце повод к садукейству.

Друг его доводил беседу до истории святого писания. «Многие, — сказал Сковорода, — не разумея меня или не хотя разуместь, клеветуют, якобы я отвергаю историю ветхого и нового завета, потому что признаю и исповедаю в оной духовный разум, чувствую богописанный закон и усматриваю сущего сквозь буквальный смысл. Я пополняю сим историю, а не разоряю, ибо как тело без духа мертво, так и святое писание без веры; вера же есть невидимых извещение. Когда я хвалю доблесть воина, неустрашимость, мужество, храбрость его, то сим не уничтожаю нарядов его, ни оружия его. Наряд, убранство,

оружие воина есть история, а разум и слава сей истории есть дух воина, дело его. Когда я, смотря на прекрасный храм, превозношу похвалами симметрию, пропорцию, великолепие, то, относя сие к искусству здателя, к красоте целого, отвергаю ли, исключая ли кирпич, известь, железо, песок, воду, каменщиков, ваятелей и проч., как будто бы ничего того не бывало. Я удивляюсь разуму храма, но тем не отмещу наружности одного.

Читая святое писание в намерении научиться в нем богопочитанию, богобоязливости, любви ближнего, повинованию начальству, покорности ко властям предлежащим, усовершению сердца во всех отношениях его, когда я найду, например, историю, что Аарон-первосвященник золотого тельца жидовского, сделанного ими в небытность его и поклоняемого от них, бросил в огонь и растопил, то я не останавливаюсь тут на химической работе, помня всегда, что библия не есть наука химии, но книга священная, поучающая святости нравов человека, способного внимать учению ее. Я научаюсь от сей истории, что сердце человеческое не может быть без упражнения и что когда удаляется от одного мысль священная, понятие истины, дух разума, то оно мгновенно повергается в занятия подлые, неприличные высокому роду его, и чтит, величает, боготворит презренное, ничтожное, суетное. Сей разум истории назидает меня много больше и споспешествует внутреннему моему усовершению, нежели как если бы

я, узнавши, как золото переделывать мгновенно из всего и все претворять в оное, занялся хотением или упражнением богатиться или химичествовать.

Я верю и знаю, что все то, что существует в великом мире, существует и в малом, и что возможно в малом мире, то возможно и в великом, по соответствию оных и по единству всеисполнение исполняющего духа. Но для сего не добиваюсь я знать, как и когда Моисей разделил море жезлом в великом сем мире, в истории, а поучаюсь, как бы мне в малом моем мире, в сердце, разделить смесь склонностей, природы непорочные и растленные, и провести волю мою непотопленно по пути житейского бытия, дабы доставить себе во свое время свободу мыслей, то есть веселие духа, или так называемое счастье в жизни.

Не туда ли воззывают нас оные слова, часто провозглашаемые в храмах наших: «Премудрость прости»? Что бо есть простое, аще не дух? Что сложное, что смесь, состав, сотканье, аще не плоть, история, обряд, наружность? Сими словами высокими побуждаемся к возвышению мыслей наших выше видимого обряда служения, выше буквального смысла, выше исторического богопочитания. Распространи разумение слов сих по всему кругу вселенной, по всему лицу бытия твоего и увидишь невидимого, силу божью, дух господень, воскресение. Что бо есть воскресение, аще не простота, очищенная от тленного состава, от множественности, от делимости?

Но сии исторические христиане, обрядные мудрецы, буквальные богословы, человеки, духа не имущие, хулят то, чего не понимают».

Иногда разговор его с другом касался смерти. Страх смерти, говорил он, нападает на человека всего сильнее в старости его. Потребно благоверенно заготовить себя вооружением противу врага сего, не умствованиями,— они суть не действительны, но мирным расположением воли своей к воле творца. Такой душевный мир приуготовляется издали, тихо в тайне сердца растет и усиливается чувствием сделанного добра, по способностям и отношениям бытия нашего, к кругу, занимаемому нами. Сие чувство есть венец жизни и дверь бессмертия. Впрочем, преходит образ мира сего и, яко соние востающего, уничтожается.

Имел ли ты когда, продолжал он, приятные или страшные сновидения? Чувствования сих мечтательных удовольствий или страха не продолжались ли только до проснутия твоего? Со сном все кончилось. Проснутие уничтожило все радости и страхи сонной грезы. Тако всяк человек по смерти. Жизнь временная есть сон мыслящей силы нашей. В продолжение сна сего радости и печали, надежды и страхи касаются в мечтании чувства нашего. Придет час, сон кончится, мыслящая сила пробудится, и все временные радости, удовольствия, печали и страхи временности сей исчезнут. В иной круг бытия поступит дух наш, и все временное, яко соние востающее

го, уничтожится. Жена егда родит, младенец вступает в новый порядок вещей, новое поприще бытия, новую связь существ, вместо той, в какой находил-ся он в бытность свою во чреве матернем. И какое тут различие? Чрево матери — и великий мир сей! По вступлении младенца из того в сей все предшедшее, теснота, мрак, нечистоты, отрешаются от бытия его и уничтожаются.

Знаю, что многих умы ищут равновесия в награждениях и наказаниях, полагая на свои весы меру и число дела человеческие и суд божий. Друг мой! Величайшее наказание за зло есть сделать зло, как и величайшее воздаяние за добро есть делать добро. Любовь добродетели подобна свету огня. Зажги огонь, тотчас свет осияет глаза твои; возлюби, восчувствуй охоту к добродетели, тотчас сердце твое осветится веселием. Исполни, произведи в дело добродетели любовь, то корень сердца твоего напоишь туком блаженства. И каких благословенных плодов можешь ожидать от сего! Любовь к порокам подобна потушенному огню: погаси огонь, тотчас тьма покрыла очи твои; не знаешь, куда идешь, нет тебе различия вещей; мир не существует для тебя лучшею и величайшею частию: се наказание уже постигло тебя с самым действием. Да не соблазняют тебя казистые удовольствия развратных! Заглянь внутрь их, тут огонь мучений не угасает и червь угрызений не усыпает. Если бог везде, то может ли без-

законник быть без него? Нет! Ах, нет! Бог есть в нем, судия его, мститель, терние его, огонь и жупел, дух бурен, часть чаши их. Дух и вечность есть то же. Посему разумей живот вечный и муку вечную.

Говорили иногда о превратностях света. Они суть то, чем быть должны, сказал он тут: тут весна, лето, осень, зима суть свойства неотделяемые от круга света, подобно как утро и вечер от круга дневного. Все во времени содержимое должно быть коловратно, конечно, переменно: не разумен, не счастлив, кто ищет, кто требует постоянства и вечности в нем! Когда же несть постояния в нем, то и любовь к нему должна иметь конец; отсюда печали, воздыхания, слезы, отчаяния. Не говори мне о высоких чувствительных душах! Слезы их суть изливание природы, а не пристрастий, и есть некое утешение плакать в свой час.

Вечность, ах, вечность едина есть беспечалие, постоянство, надежда. Положим сердца наши в силу ее и уделим себе от сокровищ ее в брэнной сей временности телесного бытия. Вечность и время един состав суть, но не едино: одно свет, другое тьма; одно добро, другое зло; одно глава, другое хвост.

Услыша в окрестности места о прибытии Сквороды к другу своему, многие желали видеть его, и для того некоторые приехали туда в село Хотетово.

Из начальства правления орловского молодой человек, подошед к нему, приветственно сказал:

— Г. С.! Прошу полюбить меня.

— Могу ли полюбить вас? — отвечал Скворода. — Я еще не знаю.

Другой из числа таковых же, желая свести с ним знакомство, говорил ему:

— Я давно знаю вас по сочинениям вашим; прошу доставить мне и личное знакомство ваше.

Скворода спросил его:

— Как зовут вас?

— Я называюсь так, именем и прозванием N. N., — отвечал сей.

Скворода, остановясь и подумав, сказал ему:

— Имя ваше не скоро ложится на моем сердце.

Простота жизни, высота познаний, величайший и долголетний подвиг Сквороды в любомудрии опытно раздирал ризу лицемерия высокоумдрствующих и обнажал пустоту их. Они, прикрывая зависть свою и наготу сердца листвием сожаления, говорили другим: «Жаль, что Скворода ходит около истины и не находит ее!» В то время, когда сей увенчиваем уже был знаменами истины, а они, обвешены знаменьями соблазнов, гордо и бесстыдно являлись в личине истины.

Старость, осеннее время, непрерывная мокрая погода умножили расстройку в здоровье его, усилили кашель и расслабление. Он, проживя у друга своего около трех недель, просил отпустить его в любимую им Украину, где он жил до того и желал умереть, что и сбылось. Друг спрашивал остаться

у него, зиму провести и век свой скончать со временем у него в доме. Но он сказал, что дух его велит ему ехать, и друг отправил его немедленно.

Напутствуя его всем потребным, дав ему полную волю, по нраву его, выбрать, как хочет он, куда, с кем, в чем ехать ему, представил ему для дороги, в случае надобности, нужный запас, говоря:

— Возьмите сие; может быть, в пути болезнь усилится и заставит где остановиться, то нужно будет заплатить...

— Ах, друг мой! — сказал он. — Неужели я не приобрел еще доверия к богу, что промысл его верно печется о нас и дает все потребное во благовременность?

Друг его замолчал с приношением своим.

1794 года, августа 26 числа, отправился он в путь из Хотетова села в Украину. При расставании, обнимая друга, сказал: «Может быть, больше я уже не увижу тебя. Прости! Помни всегда во всех приключениях твоих в жизни то, что мы часто говорили: свет и тьма, глава и хвост, добро и зло, вечность и время. Дух мой признал тебя способнейшим принять истину и любить ее».

Приехав в Курск, пристал он к тамошнему архимандриту Амвросию, мужу благочестивому. Проживя несколько тут ради непрерывных дождей и улуча ведро, отправился он дале, но не туда, куда намеревал. В конце пути своего почувствовал он побуждение ехать в то же место, откуда поехал к другу, хотя

совершенно не расположен был. Слобода Ивановка помещика Ковалевского было то местопребывание, где несколько времени жил он прежде и куда прибыл скончать течение свое.

Болезни старостию, погодою, усталостию от пути приближили его к концу его. Проживя тут больше месяца, всегда почти на ногах еще, часто говаривал с благодушием: «Дух бодр, но тело немощно». Помещик, видя изнеможение его крайнее, предложил ему некоторые обряды для приуготовления к смерти. Он, как Павел апостол, почитая обряды обрезания ненужными для истинно верующих, отвечивал, подобно как Павел же иудеям обрядствующим. Но представя себе совесть слабых, немощь верующих и любовь христианскую, исполнил все по уставу обрядному и скончался октября 29 числа, поутру, на рассвете, 1794 года. Перед кончиною завещал предать его погребению на возвышенном месте близ роши и гумна и следующую сделанную им себе надпись написать:

Мир ловил меня, но не поймал.

Имеются многие сочинения его, из которых лучшие доставил он, писанные все рукою своею, другу своему и о всех приложил список своеручный при письме к другу следующего содержания:

Число твореній мѣх:

- 1) Наркис, узнай себе.
- 2) Симфонія: рѣх — сохранию пути моя.
- 3) Симфонія: еще не увѣси.
- 4) Неграмотный Марко.
- 5) Алфавит міра: о природѣ.
- 6) Разговор «кольцо».
- 7) Древній мір.
- 8) Жена Лотова.
- 9) Брань архангела Михаила с сатанюю.
- 10) Икона алкивїадская.
- 11) Бесѣда I. Сїон.
- 12) Бесѣда II. Сїон.
- 13) Бесѣда III. Двое.
- 14) Дїалог: Душа и нетлѣнный дух.
- 15) Благодарный Еродїй.
- 15а) Убогїй жаворонок.
- 16) О христїанском добронравїи, или катехизис.
- 17) Асхань, о познанїи себя.

Переводы:

1) О старости (Цицерона);2) О божїи правосудїи;3) О смерти;4) О храненїи от долгов;5) О спокойствїи душевном;6) О вожделѣнїи богатств;7) О уединенїи... (Сидронїя).	}	(Плутарховы сочиненїя);

Кроме сочинений и переводов сих, многие на
российском, латинском, еллинском языке, находятся
письма его весьма поучительные, писанные к другу
и прочим; многие стихословия и другие сочинения,
которых собрание частью хранится у друга его.

Как он писал для своей стороны, то и употреблял
иногда малороссийские наречия и правописание,
употребляемое в произношении малороссийском: он
любил всегда природный язык свой и редко принуж-
дал себя изъясняться на иностранном; еллинский
предпочитал всем иностранным.

Друг его написал сие на память добродетелей
его, в благодарность сердцу его, в честь отечества,
в славу бога.

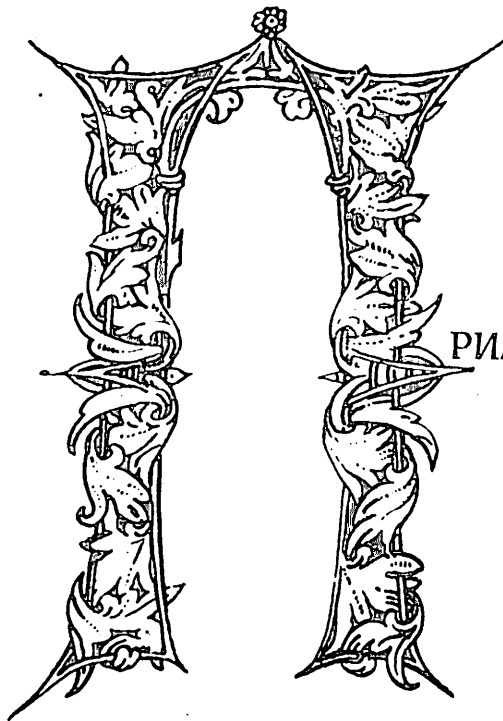
1795 г., февраля 9, в селе Хотетове

Надгробная надпись:

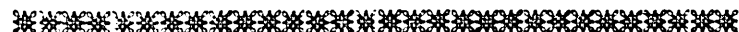
Григорию Савичу Сковороде,
в бозе скончавшемуся
1794 года,
октября 29 дня.

Ревнитель истины, духовный богочтец,
И словом, и умом, и жизнью мудрец;
Любитель простоты и от сует свободы,
Без лести друг прямой, доволен всем всегда,
Достиг на верх наук, познавши дух природы,
Достойный для сердец пример, Сковорода.

М. К.

РИМІТКИ

Разговор пяти путников
о истинном щастіи в жизни

[Разговор дружескій о душевном мирѣ]

Диалог відомий під різними назвами: «Разговор дружескій о душевном мирѣ», «Разговор о душевном мирѣ», «Разговор дружескій о мирѣ», «Разговор пяти путников о истинном щастіи в жизни».

Вперше уривок з цього твору був уміщений в статті Г. П. Данилевського «Сковорода, українский деятель XVIII века» («Основа», 1862, № 9, стор. 76—77). У виданні творів Сковороди 1894 р. Д. І. Багалій опублікував текст твору (з купюрами) під назвою «Разговор дружескій о душевном мирѣ». У виданні: Г. Сковорода. Твори в двох томах, т. I, 1961 (стор. 205—247),— діалог подано за найповнішим порівняно з іншими списком під назвою «Разговор пяти путни

ков о истинном щастіи в жизни» (список виявлений П. М. Поповим).

Твір датується дослідниками 1773—1774 рр.

У кінці XVIII — на початку XIX ст. цей твір набув широкого розповсюдження у рукописних списках. Деякі з них дійшли до нашого часу.

«Разговор пяти путников...» порівняно з іншими філософськими творами Сковороди найменше обтяжений теологічними міркуваннями, в ньому найгостріше порушуються основні соціальні проблеми суспільного життя свого часу.

Обсерватор — оглядач, спостерігач (лат.). Так Сковорода назвав безногого і безрукого персонажа своєї притчі, який не може дійти до батьківського дому сам, а тільки здалеку дивиться на нього.

...мучится, как евангелскій богач, смотря на Лазаря. — У євангелії розповідається про нещасного жebraка Лазаря, що лежав під ворітьми жорстокого багача. На тому світі багач, який за свої гріхи потрапив до пекла на вічні муки, із заздрістю спостерігає за життям праведного Лазаря в раю.

...к временам Авраамовым... — Авраам — за біблійними джерелами, родоначальник євреїв.

...за оскудѣніе Исааковых отроков. — Ісаак — біблійний патріарх, син Авраама і Сарри, батько Іакова та Ісава.

Григорій Богослов (Назіандський) — видатний діяч східно-римської церкви IV ст.

...дни Ноевы. — Ной — біблійний праведник, що разом із своєю сім'єю врятувався від всесвітнього потопу на ковчезі. Після потопу Ной, за легендою, прожив ще 350 років.

...верх горы, именуемой Фазга... — Фазга — за біблійною легендою, гора на північно-східному березі Мертвого моря. З неї Мойсей побачив обітовану землю.

...в дом бога Иаковля — тобто істинного бога.

...попя со Анною... — Анна — біблійна пророчиця.

...свѣчь содомо-гоморская... — Содом і Гоморра — стародавні єврейські міста, що, за біблійним міфом, були зруйновані богом за розбещеність їх жителів; на цьому місці утворилось Мертве море.

...в «Книгѣ числ.» — «Книга чисел» — четверта книга Мойсея із Старого завіту біблії.

...пишет Лука — тобто апостол Лука. «Євангеліє від Луки» — частина Нового завіту біблії.

Разговор, называемый алфавит, или букварь мира

Уперше опубліковано за одним із списків Д. І. Багалієм у виданні: Сочинения Г. С. Сковороды, 1894, стор. 112—150.

У виданні: Г. Сковорода. Твори в двох томах, т. I, 1961, — твір уперше опубліковано за автографом.

Діалог написаний у другій половині 1884 р.

У цьому творі найвиразніше відбилися основні риси світогляду Сковороди-філософа. Використовуючи яскраву образну форму, автор із властивим йому таланту публіцистичним запалом веде тут мову про закономірність розвитку природи і людини, про пізнаваність світу, вирішальне значення праці

в житті суспільства тощо. Водночас Сковорода гостро виступає проти паразитизму і зажерливості панівних верств.

Тевяшов Володимир Степанович — один із друзів Сковороди.

Один «Разговор» уже к вам пришел. Вот же нашол вас и брат перваго. — Йдеться про трактат — діалог Сковороди «Кольцо», написаний у середині 70-х років.

...но не многим во вкусъ. — «Самая сладная ягода или зерно, хотя во устах, не дает вкуса, поколь не ражжевать. Крошечное, как зерно, слово сіе высокой вкус утаило. Думал и проч.» (Прим. автора).

Плутарх (бл. 46 — бл. 126) — давньогрецький письменник-мораліст, автор численних творів на філософські, політичні та інші теми, які об'єднуються під загальною назвою «Етичні твори».

...на Аполлоновом дельфійском храмъ... — Дельфи — релігійний центр у стародавній Греції, де був споруджений храм Аполлону.

...прекрасный Нарцисс... — Нарцис (Наркіс) — персонаж з греко-римських міфів, вродливий юнак, що побачив своє відображення в річці, закохався в нього і загинув від нерозділеного кохання. Боги обернули його у квітку нарцис.

Навін — Ісус Навін — за біблійною легендою, один з іудейських пророків. Церковники приписують йому написання однієї з книг біблії.

Стефан — проповідник євангелія, побитий камінням.

Апокаліпсис — «Одкровення Іоанна Богослова» (остання книжка Нового завіту біблії).

Навал — біблійний персонаж.

Шляхетний список... — належність до дворянства.

...римській капітан *Корнелій* — римський воєначальник, на-вернутий, за легендою, до християнства апостолом Павлом.

Ісис (Ісіс, Ісіда) — єгипетська богиня, покровителька материнства, життя і здоров'я та ін.

Дій — Юпітер.

...Авраамські вѣка, или Сатурновы. — Сатурн — у римлян бог посівів, покровитель землеробства. За міфом, Сатурн, вигнаний з Олімпу Зевсом, прийшов у Лаціум і став найдавнішим царем Італії (яку називають країною Сатурна). З його ім'ям пов'язується уявлення про «золотий вік» — час рівності, загального достатку і вічного миру.

Август-кесарь — Август (Гай Октавій; 63 р. до н. е. — 14 р. н. е.) — римський імператор, племінник Юлія Цезаря. Він остаточно утвердив у Римі монархічний лад замість республіки.

Мафусалова жизнь. — Мафусаїл, за біблійною легендою, був одним із родоначальників людства. Жив 969 років. Вираз «Мафусаїлів вік» означає довголіття.

...пошоо за привѣтствіем Іофора... — Іофор — біблійний персонаж.

Даются Симону и Савлу новыя имена. — Симон — апостол Петро. Савл — давніше ім'я апостола Павла.

Развѣ не учен Симон-волхв? — Симон-волхв — євангельський персонаж, вважається батьком усіх ересей.

...иди в Ниневію... — Ниневія — місто на східному березі Тігру в Месопотамії, туди, за легендою, бог послав для проповіді пророка Іону.

Аарон — за біблією, старший брат Мойсея, легендарний родоначальник стародавніх єврейських первосвящеників.

Малахія—біблійний пророк, що пророкував Ізраїлеві страшний суд і прихід месії.

Б'дний Актеон превращается в оленя.—За грецькою міфологією, Актеон на полюванні побачив Артеміду, що купалась. Розгнівана богиня обернула зухвальця на оленя, і його роздерли власні собаки.

Древній дурак Іксіон ухватился за пустой облак, осѣняющій сестру Діеву, вмѣсто ея.—За грецьким міфом, цар Іксіон домагався кохання богині Гери і був за це приречений Зевсом на довічні муки в підземному царстві.

Здѣсь тщеславный Фаетон с шумом и с колесницею с небес низвергается.—За грецькою міфологією, син бога сонця Геліоса Фаетон випросив у батька дозволу проїхатися по небу на його колісниці, запряженій вогненними кіньми. Юнак не зміг стримати коней, випустив віжки, і колісниця, збившись із шляху, помчала до землі, мало не спаливши її. Щоб урятувати землю, Зевс вразив Фаетона і колісницю блискавкою.

Симеон Столбник—християнський святий.

Атлас—за грецькою міфологією, брат Прометея, титан, який тримав на своїх плечах небесне склепіння; це була кара за те, що він виступив проти богів.

Брань архистратига Михаила со сатаною...

Уперше надруковано з деякими цензурними купорами під назвою «Брань архистратига Михаила со сатаною, о сем: легко быть благим» московським попечительним комітетом «Человеколюбивого общества» в 1839 р. У виданні: Сочинения Г. С. Ско-

вороды, 1861 (стор. 168—202),—опубліковано під назвою «Борьба и прѣ о том: претрудно быть злым, легко быть благим» за списком, у якому відсутній лист до М. І. Ковалінського та розділ «Главизна творенія». У наступних виданнях діалог друкувався за автографом.

У листі до М. І. Ковалінського Скворода зазначає, що «Брань» «написанна в 1783-м лѣтъ».

У редакції 1783 р. автограф мав назву «Борьба и прѣ о том: претрудно быть злым, легко быть благим». Тут не було супровідного листа, «Главизны творенія» та приміток. Згодом Скворода доповнив автограф відсутніми у редакції 1783 р. частинами. Дата листа і приміток—«юня 19-го 1788 года».

У цьому творі Скворода переконливо доводить, що головною причиною будь-якого «зла» на землі є срібололюбство, лицемірство тощо. Автор шукає тут відповідь на питання: «Почто убо не всѣ в сей земелькѣ наслаждаются, но алчут, ропщут и кленут ее».

Сампсон (Самсон)—біблійний персонаж.

Пою со Мароном...—тобто з Вергілієм Публієм Мароном.

Маріам (Марія)—богоматір.

Старець Варсава Даниїл Меїнгард—псевдонім Г. С. Сквороди.

...остановился на предѣлах атмосферы.—«Атмосфера—слово еллинское, значит земнаго клуба воздушну околичность, простерту дотолѣ, доколѣ восходят пары или атомы, яснѣе сказать—доколѣ облаки восходят, мѣщеніе перунам и молніям». (Прим. автора).

...утверди пирамид седмь.—«Пирамида—слово еллинское, значит горнія комнаты и обители, воздвигнутыя по образу

голови сахарныя или пламене, вообще горнее жилище; еллини — пиргос, римски — *turgis*, турецки — колончак, полски — вежа, по-здешнему — башня, терем; как при киркѣ колоколня, так она при домах. Славенски — столп: «В столпѣ облачнѣ глаголаше к ним», «Буди же мир в силѣ твоей и обиліе в столпѣх твоих». (Прим. автора).

...хулу на Мойсеево тѣло.— «Сія хула воспоминается в «Посланіи» святаго апостола Іуды». (Прим. автора).

...небесныхъ воинствъ архистратигу...— «Архистратиг — славенски — первовоевода, сирѣчь надъ вождями вожд». (Прим. автора).

Сатана — «Сатан — слово еврейское. Славенски — супостат». (Прим. автора).

...обвившую Іезекилевскій оный описнокъ мотылу.— Іезекииль — третій з пророків, належав до священницького роду. «Книга пророка Іезекиля» вміщена у Старому завіті біблії. «Возри на исторію о Корниліи сотникѣ в «Дѣянїях». Там Петр говорит: «Господи! николи же скверно вніде во уста моя»; в еллинскомъ же лежитъ *χωμόν*, римски — *sottipie*, славенски — общее; все бо то скверное есть, что общее миру, сирѣчь многим. Отсюда и римляне именуютъ блато *соепит*. Сей гласъ есть еллинскій: *χωμόν*, сіесть общее. Мырскія думы есть то блато, где гергессинскіи вепры потопляються, в нихъ же богъ мыра сего, сирѣчь сатана, ослѣпилъ разумы, яко же толкуетъ Златоустъ сїи Павловы слова: «Богъ мыра сего...». «Мотыла есть ветхославянское слово, римски — *excrementum*». (Прим. автора).

...Апокалипта странность в догматах...— «Апокалипта есть еллинское имя, значитъ славенски — откровитель. Сим словомъ

тайно ругается Михаилу, яко откровителю тайнъ божїихъ. Сатана же любитъ помрачать, дабы никто не видѣлъ безвѣстныхъ и тайныхъ премудрости божїей». (Прим. автора).

...да прободу сего мадіанита.— «Мадіанита. Сіе слово отругаетъ священную исторію о Финесѣ, который израилтянина, любодѣйствующаго со мадіаниткою, пронзилъ обоимъ сквозь». (Прим. автора).

...яки еродіевы птенцы...— «Слово еллинское *ερος* значитъ желаніе, *Ζεϋς* значитъ Юпитер, или Дій; отсюда имя еродій, славенски — боголюбный. Иначе сія птица нарицается пеларгос, римски — *sicopia*, полски — *vosian*, у насъ — гайстер. Она гнѣздится на киркахъ, на башняхъ, на высочайшихъ мѣстахъ, остнахъ и шпичахъ; другъ людямъ, врагъ зміямъ и буфонамъ; родителей кормитъ и носитъ в старости; отсюда у еллинъ слово — антипеларгеин, сирѣчь возблагодарять, образуетъ благочестивую душу, любящую бога и ближняго, образуетъ и богослова, высоко возгнѣздившагося онаго: «Вѣмъ человека...». (Прим. автора).

...низлетѣли к Михаилу Гавріилу, Рафаилу, Уриилу и Вархїилу — біблійні ангели вищої іерархії.

Нощный орел...— «Нощный орел, просто сказать — пугач. Вражда ему есть непримиримая со дневнымъ орломъ. Можно обоимъ уловить на борбѣ, толь упорно борются». (Прим. автора).

...сиренскія... пѣсенки...— «Сирена — *Σειρήν* — слово еллинское, значитъ пучо, оковы. Такъ называется уродъ морскій со прелестнымъ дѣвичимъ лицемъ. Онъ такъ пророками вымышленъ, какъ змій седмиглавный; образуетъ прелести мырскія. (Прим. автора).

...и нѣсть богъ есть тожде.— «Весь міръ тако мнитъ, яко заповѣди божїя суть тяжки, и горки, и бесполезны. Сіе то же

есть, что сказать: не сладок и дурен бог. А думать, яко не сладок и дурен бог есть тожде, что «рече безумен в сердцѣ своем: нѣсть бог». (Прим. автора).

Кая туга? Когда что любят и желают мысли, тогда и плотное сердце внутрь нас распространяется, раздувается, радуется...— «Слово сіе (радость) родилося отсюда, что раздувается тогда, когда что случися по желанію, стѣсняется же в противном случаѣ сердце. Отсюда родилося слово (туга). Отсюда Павел: «Распространилося сердце мое к вам, о коринфяне!.. не тѣсно вмѣщается. Сей-то есть истинный смѣх: pop dentes pudare, pop oge gingi, sed corde ridere, как смѣется наш Исаак оный: «Возрадовался духом Иисус...» (Прим. автора).

...обращает очи... на весь горизонт...— «Горизонт — слово еллинское, значит небесное купно и земное мѣсто, сколько может обозрѣть взор наш. Есть же предѣл взору для всѣх до единого населяющаго вселенную человѣка: τόπος ὁρίσων, сирѣчь мѣсто, ограничивающее прозор очей, одним одно, другим другое видно». (Прим. автора).

...посмѣявся, яко Сарра, помянул духовнаго своего сына, любезнаго путника Товію, сына Товитына.— Сарра, Товіт і Товія — біблійні персонажі. Діями і вчинками Товії, за легендою, керував архангел Рафаїл.

Но чрево, но сиріще...— «Сиріще есть глас ветхославенскій, значит тѣлесную внутренность, как всю сырость пищевую варит, сирѣчь желудок. Сей есть всѣх зол виною во всю жизнь. Отсюда брани, хищенія, убійства и всѣ бѣды. Он царь есть всѣм мірским сердцам. Сей есть оный архимагир, сіесть архиповар, поминаемый в «Книгах царств», возмутьившій весь Іерусалим, царь поварям и царям. Весьма слично моя мати

Малороссія называет его богом, то же, что Павел: «Им же бог чрево...» Древне во Египтѣ іерей, погребая мертвеца, повелѣвал вырѣзывать сиріще и, подняв перед народом, воскликнуть проповѣднику сіе: «Сей в жизни всѣх зол виною!» (Прим. автора).

Путь мира наречен пуст.— «Воззри на 26-й стих 8-я главы в «Дѣянїях»: «Ангел же господень» и протчая. «Сей есть пуст». (Прим. автора).

Сим путем Енох, Иліа, Аввакум и Филипп восхищен...— Тут ідеться про нащадків Адама, які, за легендою, були живими взяті на небо за свою праведність.

...цѣлует Елисавету...— Елисавета — евангельскій персонаж, мати Іоанна Хрестителя.

Клеопа — за легендою, один із учнів Христа.

Кандакія — в біблії ім'я загальне для всіх ефіопських цариць.

...весь гробе поваплєнный!— «Гробницы древних царей были высокыя горницы, извнѣ архитектурно украшенныя. Но что ли там внутрь? Прах, смрад, гной, кости, пустыня. Преслично наш рабин Христос сими гробами именует лицемѣров, ищущих образ благочестія, силы же его отвергшихся. Равное сему есть и мырское щастіе — удица, сътъ и ядовитый мед: извнѣ блеск, а внутрь тма, тля...» (Прим. автора).

Пусть я во свѣтѣ скверн — только бы был богат...— «Сін стихи суть из древняго трагедіографа Эурипида. Вот един:

Ω χρυσεῖ, δεξιῶμα καλλιστον βροτοῖς.

О aurum, dexteritas optima mortalibus.

Начало их сіе:

О золото! Удачность наилучша смертным.

Sine me vocari pessimum, ut dives vocer.
Nemo an bonus, num dives omnes quaerimus».

(Прим. автора).

Сколь богат, столь всѣм брат, и честен, и пригож.— «Ubique tanti quisque quantum habuit fuit». (Прим. автора).

И смерть сладка, поколь рубль за рублем плывет.— «Можно и так:

И смерть сладка, поколь злато плывет раз в раз.

О святое злато, моли бога о нас!

Latine sic:

O plute, summa dextritas mortalibus». (Прим. автора).

Домашній звѣри...— «Нѣкій мудрец вопрошен: «Како можно прожить жизнь благоденно?» Отвѣщал: «Тако, аще спасешия от диких и домашних тигров, сирѣчь оных: «Иуда — раб и лстец». (Прим. автора).

...что есть клевета? — «Девятая божественная заповѣдь гремит: «Не лжесвидѣтельствуй». Сіе же есть тожде, еже: «Не клевети». Ужасная клевета — творить заповѣди господни трудными и горкими. Сіе на сердце начертал диавол всѣм, презирающим закон божій. О, раздерите сердца ваша сія, ослѣпленныи». (Прим. автора).

...источник всѣх адских мук.— «Клеветный мрак есть отец лживости, лжа же и лесьть есть мати грѣхам. Грѣхи же суть муки и страсти сердечныя. «Чѣм бо кто согрѣшает, тѣм и муѣтся». (Прим. автора).

Он перековал нужное на трудное.— «Нужда и нужное не в том состоит, аки бы трудно оно имѣть, но то есть нужное, без чего никак жить невозможно или с мученіем живетя без

него. А чем же что нужиѣе, тѣм достать легчае. Напримѣр, воздух есть необходимо нужен, без обуванія же в зимѣ можно жить с мученіем». (Прим. автора).

...глас Іаковль — сердце Исавлег.— Исав — старший снн Ісаака, прозваній Едомом (червоным) за те, що продав Іакову первородство за червону (сочевичну) юшку.

Ламех — снн Мафусаїла, мав двох жінок — погану Аду і добру Селлу, батько Ноя.

...святая нужность! — «Не утерплю приписать тут пресладких Епикуровых слов снх: *Χαρις τῇ μακαρία φύσει ὅτι τα ἀναγκαῖα ἐποίησεν εὐπορίαια τα δὲ δυσπόριστα πρὸς ἀναγκαῖα, сіесть: «Благодарение богу, яко пужная сотвори легкостяжными, злостяжния же — ненужными». (Прим. автора).*

Финеес — біблійний праведник, що проколов списом віровідступника Замврія і розпусну моавітянку, чим відвернув гнів божий від Ізраїлю.

Сисара — біблійний персонаж.

Варак — біблійний персонаж.

О возлюбленный наш анфракс оный! — «Анфракс есть слово еллинское, значит уголь горящій, значит же и драгоцѣнный камень, его же вид есть, аки уголь горящій. Всѣ же драгоценные камни, яко сапфир, фарсіс і протчїи, суть красотою своею и твердостію образи божія премудрости». (Прим. автора).

Аще же не может сія лжа мимо ити от тебе, буди воля твоя.— «При богѣ, яко при зернѣ и истинѣ, неразлучно придержитя, аки шелуха, лжа; по шелуху свиіи, хлѣб же ядят чада». (Прим. автора).

...вопіющая пѣснь сію...— «Сія пѣснь взята из трагедокомедїи, нареченныя «Гонимая церковь». Жена апокалипсная

там, гонима змієм, поет пѣснь сію или хор. Есть сіе милое твореніе Варлаама Лашевскаго, учившаго в Кіевѣ и богословію с еврейским и еллинским языкам, и бывшаго предводителем в послѣднем исправленіи библии. Почи архимандритом донским. Вѣчная память!» (Прим. автора).

...цѣломудренная сія Сусанна...— «Сусанна — слово еврейское, еллински — κρήνη, римски — lilium, славянски — крыні, малороссійски — лилія. (Прим. автора).

Пѣснь побѣдная.— «И сія пѣснь из того ж де творенія Лашевскаго. Хор поет: «Егда избавися жена от змія». О пламень, поядшій Кіевскую бібліотеку, такія и толикія манускрипты, коликую гибель сотворил еси?» (Прим. автора).

Антифон.— «Сіе сам я на тую ж де мелодію сличил из Давыдовы пѣсни 143-я, стих 9: «Боже, пѣснь нову воспою тебѣ во псалтырѣ десятиструнной, дающему спасеніе царям». Антифон значит пѣніе во отвѣтъ». (Прим. автора).

И лице краснѣйшее цвѣт полный являет.— «Полный. Сіе значит не тое, что исполненный, но полевой, что в полѣ. Сіи стихи суть из побѣдныя пѣсни Феофана Прокоповича, ректора Кіевскія академіи, трезычнѣ воспѣвшаго царю Петру, побѣдившему под Полтавою градом. Почи президентом в синодѣ. Вѣчная память». (Прим. автора).

Зима преjde, Солнце ясно...— «Сія пѣснь есть из древних малороссійских и есть милая икона, образующая весну, она пространна». (Прим. автора).

...до древняго Фарсиса...— «Фарсис есть драгоценный камень, есть же и град, имущій кораблям лоно». (Прим. автора).

...до Одигитріи...— «Одигитрія — слово еллинское, значит путеводница, наставница. Отсюду во акафистѣ: «Радуйся, стол-

пе, наставляя плавающія...» и протчая. Таковыи приморскіи туріи при затмѣніи звѣзд наставляють ко берегу плователей горящим на них огнем. В библии нарицается столпъ облачный, сирѣчь высокій, до облаков, досягающій, напримѣр: «В столпѣ облачнѣ глаголаше к ним». Образуется сим столпом священная біблія. Она-то нас, обуреваемых в морѣ мыра сего, наставляет к гаванѣ оной, гдѣ убогий Лазар со Авраамом и вся церковь почивает. Сія гавань нарицается еврейски — кифа, или кефа, еллински — петра, сирѣчь каменная гора, лоно и град. Что убо сія кифа и сей апокалипсический град знаменует? Пир оный Лотов с дочерьми своими, о коем: «Блажен, иже снѣсть обѣд во царствіи небесномъ», «Радости вашае никто же возмет от васъ», «Веселіе вѣчное над главою их». Глава наша есть сердце наше. Аще оно не болит и вѣчно радуется, сіе есть единое истинное блаженство — «мір, всяк ум превосходящій». Аминь». (Прим. автора).

...Фарійскія пирамиды.— «Фарійская пирамида, или турія, недалече от устія рѣки Нила, гдѣ град Александрія». (Прим. автора).

ДОДАТКИ

М. И. Ковалинскій. Жизнь Григорія Сковороды

М. І. Ковалінський (1757—1807) — український і російський культурно-освітній діяч, письменник. Вчився у Харківському колегіумі, коли там викладав Сковорода. Улюблений учень, друг Сковороди, пізніше — перший його біограф. «Жизнь Гри-

гория Сквороды», незважаючи на окремі неточності, загалом не втратила свого значення і в наші дні як найавторитетніше джерело відомостей про життєвий шлях письменника.

Уперше нарис під назвою «Житие Григория Сквороды, описанное другом его М. И. Ковалинским» друкувався в «Киевской старине», 1886, № 9, стор. 103—150.

...отец отдал его в Киевское училище, славившееся тогда науками.— У 1738 році після закінчення церковнопарафіяльної школи батьки віддають сина до Києво-Могилянської академії, яка на той час була єдиним вищим учбовим закладом Наддніпрянської України.

...отменно приятный голос его подали случай быть ему выбрану ко двору в певческую музыку.— У серпні 1742 р. згідно з царським указом «Про набір співаків у двірську капелу» Скворода разом з іншими музично обдарованими студентами був відправлений у Петербург до придворного хору цариці Єлизавети Петрівни.

...остался в Киеве и паки начал учиться.— Коли восени 1744 р. цариця разом із своєю капелою, «странствуя по землям империи», приїхала до Києва, Скворода не побажав повернутися до Петербурга і став продовжувати навчання в академії.

Путешествуя с генералом сим.— У 1750 р., напередодні завершення курсу навчання в академії, Скворода залишає її стіни, прийнявши запрошення російського генерала Вишневського супроводжувати його під час поїздки по Європі.

Возвратясь из чужих краев.— Скворода повернувся на Україну пізньої осені 1753 р.

Скоро открылось место учителя поэзии в Переяславле.—

У 1753 р. Скворода займав посаду викладача поетики в Переяславському колегіумі.

Скворода... написал рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной.— Курс поетики для слухачів Переяславського колегіуму «Рассуждение о поэзии и руководство к искусству оной», у якому Скворода, відкидаючи традиційні церковно-схоластичні правила поетики, обстоював нову силаботонічну систему віршування, на жаль, не зберігся. Нововведення Сквороди викликали нарікання з боку ректора колегіуму єпископа Іоанна Козловича, який вимагав повернутися до старої системи викладання теорії поезії. Скворода відмовився, і тоді його було усунуто від викладання в колегіумі.

...приглашен им в деревню Каврай.— З початку 1754 р. Скворода мешкає в селі Ковраях поблизу Харкова у дідича Степана Тамари на правах домашнього вчителя і вихователя його сина. Між учителем і учнем встановилися теплі, дружні взаємини. Через багато років Василь Тамара з вдячністю писав Сквороді: «Ах, друг мой! Я часто привожу на память тихие и безмятежные времена моих молодых лет, которых цену, доброту и красоту отношу к дружбе твоей».

У Ковраях Скворода пробув з невеликою перервою шість років.

...остаться в лавре для пользы училища.— Сквороді було запропоновано місце викладача в духовній семінарії Троїце-Сергіївської лаври.

...преисполняясь внутренно, являет в воображении состояние бытия человеческого.— «Премудр. Соломон, гл. 18, ст. 17 и 19». «Тацит, философ, политик, ученый, писатель, описывая

обстоятельства Цинны с Арменнусом, не пропустил упомянуть виденного Цинной сна. Читай о сем летопись Тацита (гл. I, 45, арт. и гл. II, арт. о Германикусе). Сократу часто снился один сон; оный казался ему в различных видах, но всегда приказывал одно: «Сократ, прилагайся к музыке и упражняйся к оной!» Как совершеннейшая музыка есть философия, то Сократ, последуя сновидению, больше и больше побуждался прилежать к оной, обращая всю любовь и ревность к мудрости. Так он толковал сон свой. Критон, друг Сократов, пришел объявить ему, что завтра, по приговору суда, должен он умереть. Сократ сказал ему: «Так и быть сему, но не завтра. Мне снился сон в сие же утро, что женщина необыкновенной красоты явилась мне в длинных ризах и, назвав меня по имени, говорила: «Через три дня придешь ты в плодоносную твою Пифию». (Прим. автора).

Между прочими написал он стихи: «Оставь, о дух мой вскоре!..» — «Сии стихи и многие другие находятся у друга его». (Прим. автора).

Це перший рядок з «Пісні 2-й» із збірки «Сад божественных пісней». У Ковряях, як і взагалі в роки перебування на Переяславщині, Сковорода написав чимало поетичних творів. Зокрема тут ним написана значна частина поезій, що згодом увійдуть до знаменитого «Саду...».

...не напрасно сказано древним мудрецом... — «Надобно иметь великое основание разума или совсем одного лишенну быть, чтоб содержать себя долгое время в уединенной жизни. Снести себя, ужиться самому с собою, смотреть на себя спокойными глазами, быть довольным сердцем своим, не искать

себя вне себя — есть ключ истинного блаженства». (Прим. автора).

Некто из познакомившихся с ним... просил, чтоб... познакомился он с племянником его... — У листі до М. Ковалінського Сковорода згадує протоієрея отця Петра, якому Ковалінський доводився племінником.

...видел я следующий сон. — «Зри Филона-иудеянина книгу о снах, от духа бываемых, в сочинениях его о святом писании ветхого завета и к коринфянам II послание (святого апостола Павла, глав. 12, ст. 1 и Иова, гл. 33, ст. 15, 16, проч.)». (Прим. автора).

...он послан вам от бога быть ангелом руководителем и наставником. — «Где душа наша не обретает никакого основания подлинности, тамо должна она вверяться мнениям, успокаивающим и возвышающим бытие его, ибо сии мысли ведут нас ясным небом через волны жизни сея». (Прим. автора).

...сей был тот самый гений... — «Древние под названием гения разумели то, что разумеет мы под именем ангела-хранителя. Сократ называл сего гения демоном, ибо демон на еллинском языке значит разумеющий, то есть разумная сила внутренняя человека, а не значит злого духа. Некоторые через гения разумеют изощренное чувствование добра и зла; другие — сильное нравственное чувство. Зри о гении Сократовом сочин. Плутарха особое». (Прим. автора).

...от семени в семья яблонь закрывается... — «Стих, наполненный превысокого понятия «святыи боже, святыи крепкий, святыи бессмертный», утверждает сию истину. Первая точка — святыи боже — знаменует начало, предворяющее всю тварь;

вторая — святой крепкий — знаменует начало, создавшее плоть и всельшееся в ней; третья — святой бессмертный — знаменует начало, пребывающее исчезнувшей плоти; зри о сем сочини. его «Потоп зміин», гл. 4». (Прим. автора).

...виды — в вещественные образы. — «Читай о сем книгу «De l'origine, usages et abus de la raison et de la foi», t. I, стор. 328». (Прим. автора).

...бог суда или гнева. — «Мир сей и человек суть изъявление чудес, которые дух бога невидимого производит вещественно. Сей дух чудес свидетельствует в явлении своем о внутреннем состоянии бытий в любви или во гневе, в добре или во зле». (Прим. автора).

В 1766 году... прибавлены некоторые науки под названием прибавочных классов. — Насправді додаткові класи почали функціонувати з лютого 1768 року.

...и не захотел брать определенного за класс сей по окладу жалованья... — Насправді Скворода одержував платню, хоча вона й була надто мізерна — 50 крб. на рік.

...говорил тако: «Было время и теперь бывает...» — «Сие самое объяснение он описывает в письме к некоторому другу своему». (Прим. автора).

...означается двупутие Геркулесово. — «Геркулесу представили Минерва и роскошь и звали его каждая в свой путь: сие называется двупутие Геркулесово». (Прим. автора).

...приметил в себе внутреннее движение духа непонятное... — «Душа мужа возвещати некогда более обыче, нежели седм блюстителы висоце, сидящи на стражи». (Книга премуд. Сирах., гл. 37, ст. 18)». (Прим. автора).

...и тотчас поворотился домой. — «Ксенофонт и Платон

описывают различные происшествия, где Сократов дух, так называемый гений, предсказывал такие вещи, которых не можно истолковать из обыкновенных известных естественных сил души. Когда его осудили на смерть и друзья его советовали, чтобы он написал оправдательную речь. «Я несколько раз принимался писать оную, — сказал Сократ, — но гений всегда мне в том препятствовал. Может быть, угодно богу, чтобы я умер ныне легкою смертью, пока не прииду в старость многоболезненную и немощную уже». (Прим. автора).

...находил он все свои желания исполненными... — «Между всеми упражнениями есть наилучшее желать; оно есть противность премудрости (Юнг, Ночь, 4)». (Прим. автора).

...сопровождалась богомыслием. — «Достойнейшее молитвоприношение богу есть искание истины чистым сердцем: в сем состоит богомыслие». (Прим. автора).

...выходил он в поле разделять славословие... — «Веселие мудрому мужу должностно есть: безбожно бо богобоязливому печалиться (Юнг., Ночь, IV)». (Прим. автора).

...чтобы казаться мудрыми... — «Читай о сем сочинение его «Потоп зміин», главу третью, в конце». (Прим. автора).

...до истории святого писания. — «Читай о сем сочинение его под именем «Жена Лотова», примеч. 4-е». (Прим. автора).

Жизнь временная есть... — «Для сего святой Павел разбуживает, говоря: «Восстани, спяй, и воскреси от мертвых, и убудешься, видеша славу его». (Прим. автора).

И какое тут различие? — «Если бы младенец мог мыслить во утробе матери своей, то можно ли бы уверить его, что он, отделившись от корня своего, на вольном воздухе приятнейшим светом солнца наслаждаться будет? Не мог ли бы он тогда

думать напротив и из настоящих обстоятельств его доказать невозможность такого состояния? Столько же кажется невозможной жизнь по смерти заключенным в жизнь времени сего». (Прим. автора).

Заглянь внутрь их...— «Угрызения совести суть духи черные мучения и уязвляющие змеи, молнии, пронизающие ясные истины, суть ад. Сия истина вверена на сохранение последнему часу человека (Юнг. Ночь, IV)». (Прим. автора).

Слезы их суть изливание природы, а не пристрастий...— «Est quaedam flere voluptas». (Прим. автора).

...в брэнной сей временности телесного бытия.— «Две сии половины составляют едино: голод и сытость — пищу; зима и лето — плоды; тьма и свет — день; смерть и живот — всякую тварь (Потоп зміни, гл. 5)». (Прим. автора).

...как Павел апостол...— «К римл., гл. 3, ст. 28». (Прим. автора).

Мир ловил меня, но не поймал.— «Высокомудрствующие не оставили преследовать его злословием даже и во гроб, проповедуя в сонмищах и везде, что Сковорода оставил надпись сию по себе из гордости и кичения. Много потребно иметь дерзости, чтобы осмелиться уверять о сем! Чтобы более окзать к нему и ввести его в презрение и возвышение себя, то они стараются важно утверждать и изыскивают способы уверять, что Сковорода был способен к порокам. Дабы пред очами людей заменить добродетельную жизнь мнимовысокими своими знаниями таинств и правил, то они разгласили, якобы Сковорода при кончине увидел заблуждения свои, состоявшие в непоследовании толку их, признал оные, просил прощения через одного из братства их и раскаивался. Но как известная свя-

тость жизни Сковороды и честные правила его, имеющие целью любовь истины и добродетели, а концом красоту и совершенство духа были, так сказать, спицею в око лицемерам сим, то и неудивительно, что они пушают всякого рода ядовитые стрелы в память его; однако сим самым в чувствах простых и правдолюбивых сердец душа его приобретает вящую красоту страждущей невинности и, сквозь мрак смерти и клевету злобных душ сияя внутренним спокойствием, представляется в умах богорожденных достигающим совершенства мудрого мужем». (Прим. автора).

ЗМІСТ

ІЗ ФІЛОСОФСЬКИХ ТВОРІВ

Разговор пяти путников о истинном щастіи в жизни	9
Разговор, называемый алфавит, или букварь мира	69
Брань архистратига Михаила со сатаною о сем: легко быть благим	147

ДОДАТКИ

М. И. Ковалинский. Жизнь Григория Сковороды	189
Примітки	255

ГРИГОРИЙ САВВИЧ СКОВОРОДА

Избранные сочинения
в двух томах. т. II
(На украинском языке)

Видавництво «Дніпро»,
Київ, Володимирська, 42.

Редактор С. А. Захарова
Художній редактор В. В. Машков
Технічний редактор Б. С. Куйбіда
Коректори М. С. Західна,
С. І. Шевцова

Виготовлено
на Книжковій фабриці «Жовтень»
Комітету по пресі при Раді Міністрів УРСР,
Київ, вул. Артема, 23-а.

Здано на виробництво 25.IV. 1972 р. Підпи-
сано до друку 28.VII. 1972 р. Палір ілюстр.
Формат 60×108¹/₂. Фізичн. друк. арк. 8,75.
Умовн. друк. арк. 10,5. Обліково-видавн.
арк. 9,179. Ціна 64 коп. Замовл. 565.
Тираж 15 000.

У1
С44

7-4-3
22-72M